

<https://bakhtin.mrsu.ru>

Содержание

От редакции

4

Теоретические исследования

Доклады, представленные на Международном научном семинаре
«Проблемы поэтики Достоевского» на фоне биографии и творчества
М.М. Бахтина» (Саранск, 25–26 апреля 2023 г.)

Понятие «контекст» в «Проблемах творчества Достоевского» (1929) и
«Проблемах поэтики Достоевского» (1963) Михаила Бахтина
Ш. Виейра де Камарго Грилло (Сан-Паулу, Бразилия)

5

Перевод, исследования и рецепция книги М.М. Бахтина «Проблемы
поэтики Достоевского» в Китае
Лю Мяовэнь (Пекин, Китай)

14

Диалоги

Образовательный режим бахтинского диалога
Юджин Матусов (Ньюарк, США)

20

Бахтин и Кирпотин: об одной странице из отечественной истории
рецепции личности и идей М.М. Бахтина
С.А. Дубровская (Саранск, Россия), А.В. Струкова (Казань, Россия)

34

М.М. Бахтин об А.С. Пушкине
С.А. Шульц (Ростов-на-Дону, Россия)

46

Языковые средства создания комического в эпистолярном дискурсе А.С.
Пушкина
Д.А. Цыганов (Саранск Россия)

56

Проблемы биографии М.М. Бахтина

Елена Александровна Бахтина в воспоминаниях жителей Саранска
И.В. Ключева, Л.М. Лисунова (Саранск, Россия)

62

Обзоры, рецензии, научная хроника

Полифоничный бахтинский диалог. Рецензия на монографию
Н.И. Ворониной «Бахтин. Саранск. Бахтин»
И.Л. Сиротина (Саранск, Россия)

81

«Бахтин. Саранск. Бахтин»: рецензия на монографию Н.И. Ворониной
Л.А. Поелуева (Москва, Россия)

84

Contents

From the Editor	4
Theoretical research	
<i>Scientific report presented at the International Scientific Seminar “Problems of Dostoevsky's poetics against the background of M.M. Bakhtin's biography and work” (Saransk, April 25-26, 2023).</i>	
The concept of «context» in «Problems of Dostoevsky's Creative Art» (1929) and «Problems of Dostoevsky's Poetics» (1963) by Mikhail Bakhtin <i>Vieira de Camargo Grillo S. (Sao Paulo, Brazil)</i>	5
Translation, research, and reception of M.M. Bakhtin's book “Problems of Dostoevsky's Poetics” in China <i>Liu Miaowen (Beijing, China)</i>	14
Dialogs	
The educational regime of the Bakhtinian dialogue <i>Eugene Matusov (Newark, USA)</i>	20
Bakhtin and Kirpotin: on a page from the russian history of the reception of M.M. Bakhtin's personality and ideas <i>S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia), A.V. Strukova (Kazan, Russia)</i>	34
M.M. Bakhtin about A.S. Puskin <i>S.A. Schultz (Rostov-on-Don, Russia)</i>	46
Linguistic means of creating the comic in the epistolary discourse of A.S. Pushkin <i>D.A. Tsyganov (Saransk, Russia)</i>	56
Problems of M.M. Bakhtin's biography	
Elena Alexandrovna Bakhtina in the memoirs of Saransk residents <i>I.V. Klyueva (Saransk, Russia), L.M. Lisunova (Saransk, Russia)</i>	62
Reviews, scientific chronicles	
Polyphonic Bakhtin dialogue. (Review of the monograph “Bakhtin. Saransk. Bakhtin” by N.I. Voronina) <i>I.L. Sirotnina (Saransk, Russia)</i>	81
«Bakhtin. Saransk. Bakhtin»: Review of the monograph by N.I. Voronina <i>L.A. Poelueva (Moscow, Russia)</i>	84

От редакции

В год 60-летия книги М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» Центр М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва выступает организатором Международных научных семинаров, первый из которых – «“Проблемы поэтики Достоевского” на фоне биографии и творчества М.М. Бахтина» – состоялся 25–26 апреля 2023 г.

Семинар объединил ученых из разных стран мира – Бразилии, Израиля, Китая и России – в диалоге об идеях, заложенных в книге, их восприятии и характере развития в разных культурах и разных хронотопах.

На семинаре прозвучали доклады В.Л. Махлина (ИНИОН РАН, Москва) «“Проблемы творчества/поэтики Достоевского” М.М. Бахтина как проблемы»; Ш. Грилло (Университет Сан-Паулу, Бразилия) «Понятие ‘контекст’ в “Проблемах творчества Достоевского” (1929) и “Проблемах поэтики Достоевского” (1963) Михаила Бахтина»; О.Е. Осовского (МГПУ им. М.Е. Евсевьева, Саранск) и А.В. Струковой (КФУ, Казань) «Бахтинская карнавализация Достоевского и реакция на нее (1960-е годы)»; С.А. Дубровской (МГУ им. Н.П. Огарева, Саранск) и Е.Г. Масловой (РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва) «*Дорогой Михаил Михайлович! Я назначен редактором Вашей книги...: история подготовки книги к изданию в письмах С.Г. Бочарова*»; Е.В. Ивановой (ИМЛИ РАН им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва) «О начале работы над проектом “Наследие М.М. Бахтина: история открытия”»; С.А. Смирнова (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск) «“Проблемы поэтики Ф.М. Достоевского” как скрытое Евангелие. Опыт понимания»; Мяовеня Лю (Пекинский университет иностранных языков, Китай) «Перевод, исследование и рецепция “Проблем поэтики Ф.М. Достоевского” М.М. Бахтина в Китае»; Н.М. Долгоруковой и А.А. Аббасовой (ВШЭ, Москва) «Мотив ‘мир наоборот’ в четвертой главе “Проблем поэтики Достоевского” М.М. Бахтина: генезис и функционирование»; И.В. Ключевой (МГУ им. Н.П. Огарёва, Саранск) «М.М. Бахтин и Ф.М. Достоевский в отечественном изобразительном искусстве конца 1960-х – начала 1970-х гг. (Э. Неизвестный, Ю. Селиверстов)».

В обсуждении вынесенных на семинар проблем и вопросов приняли участие главный библиотекарь Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ Н.И. Николаев (Санкт-Петербург), профессора С.В. Сандлер (Беэр-Шева), Г.Л. Тульчинский (ВШЭ, Санкт-Петербург), председатель Всекитайского бахтинского общества профессор Чжоу Ци-чао (Ханчжоу), кандидат филологических наук Лю Хвэй (Ухань-Саранск), профессор Академии общественных наук Лу Сяо-хе (Хэбэй, Шицзячжуан), преподаватели и студенты филологического факультета и Историко-социологического института МГУ им. Н.П. Огарёва, аспиранты Школы философии ВШЭ.

В настоящем номере «Бахтинского вестника» частично опубликованы доклады, прозвучавшие на конференции. Ряд докладов будет опубликован в других периодических изданиях.

В номер вошли также другие материалы, связанные с исследованиями биографии и творчества М.М. Бахтина.

Понятие «контекст» в «Проблемах творчества Достоевского» (1929) и «Проблемах поэтики Достоевского» (1963) Михаила Бахтина

© 2023 Виейра де Камарго Грилло Ш.

Шейла Виейра де Камарго Грилло – доктор филологических наук, профессор, факультет философии, литературы и гуманитарных наук Университета Сан-Паулу (USP)

E-mail: sheilagrillo@usp.br

Университет Сан-Паулу (USP). Сан-Паулу, Бразилия

Аннотация. Данная статья носит эпистемологический характер. В ней анализируется понятие контекста в произведениях М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Актуальность выбранной темы в значительной степени обусловлена возрастающим интересом ученых-лингвистов к анализируемому понятию. Так, в статье освещаются теории контекста, разработанные в интерпретативной семантике Франсуа Растье и в критическом дискурс-анализе Тёна ван Дейка. В упомянутых выше работах М.М. Бахтина понятие контекста занимает центральное место; мыслитель рассматривает контексты внесловесный и словесный. При этом оба контекста опосредованы художественной архитектурой, формой, видением или художественной волей автора.

Ключевые слова: контекст этической ценности, внесловесный контекст, словесный контекст, М.М. Бахтин.

Об актуальности и эпистемологической значимости темы

В данной статье, которая носит эпистемологический характер, я предлагаю раскрыть природу и роль понятия контекста в таких работах М.М. Бахтина, как «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Проблемы поэтики Достоевского» (1963). Статья является частью более крупного исследования, в котором мною проводилось изучение понятия контекста в работах Бахтина первой половины 1920-х гг. [1, т. 1], 1930–1963 гг. [1, т. 2–6], а также трудах П.Н. Медведева [10] и В.Н. Волошинова [20] второй половины 1920-х гг. Интерес к понятию «контекст» возник в связи с тем, что я специализируюсь на исследовании роли социологического метода Бахтина, Медведева и Волошинова, металингвистики Бахтина для понимания и анализа высказываний из различных сфер человеческой деятельности. По мнению этих авторов, высказывание включает в себе словесную и внесловесную части, что также является одной из составляющих определения контекста в творчестве Бахтина.

Актуальность выбранной темы в значительной степени обусловлена растущим интересом лингвистов к раскрытию понятия контекста, что также лишний раз подчеркивает значимость работ Бахтина в этом направлении. Прежде чем обратиться к рассмотрению понятия контекста в названных бахтинских работах, кратко осветим две теории контекста, разработанные выдающимися учеными, специалистами в области лингвистики текста и дискурса: «Интерпретационная семантика» Франсуа Растье и «Критический дискурс-анализ» Тёна ван Дейка. Выбор теорий этих двух авторов обоснован следующим: контекст является ключевым элементом их подходов к тексту (Растье) и дискурсу/тексту (Ван Дейк); авторы сформулировали/представили четкое и широкое понятие контекста; и, наконец, теоретизирование было разработано в сфере моих профессиональных интересов.

Начнём с французского лингвиста Растье. Анализируя понятие контекста, он выдвигает на первый план аспекты эпистемологических изменений, происходящих в семантике и прагматике. Согласно ученому, в риторико-герменевтической традиции [см.: 14; 16] текст представлен как фундаментальная языковая единица в соответствии с теорией действия или праксиологией [см.: 15; 16], рассматривающей язык как систему, которая «непрестанно видоизменялась в процессе использования и работала в соответствии с исторической

динамикой» [15, с. 168]. Иными словами, система мыслится по оппозиции «возникновение-источник и возобновление», а не «тип-возникновение». Эта проблематика имеет дело с континуумом в соответствии с герменевтическим принципом, согласно которому глобальное обуславливает и определяет локальное (отрывок или дискретную единицу).

В этой ориентации реконтекстуализирующий язык навязывает восстановление intersubjectивности, различая ситуацию интерпретации и ситуацию высказывания (каждая со своим универсумом референции, допущений и обязанностей) и историю – присутствующую в форме современной и прошлой интертекстуальности, то есть контекст не только «здесь и сейчас», но и выходящий за рамки ситуации. Понятие жанра позволяет связать контекст (или языковой контекст) и ситуацию, так как является организующим принципом текста и семиотическим модусом текущей практики. При этом каждый текст интерпретируется внутри *корпуса*, образованного, прежде всего, текстами, принадлежащими к одному жанру. Для Растье текст является фундаментальной лингвистической единицей, анализ которой обеспечивает доступ к единицам более низкого уровня, а высшей единицей является *корпус* [16].

Перейдём к известной книге «Дискурс и Контекст. Социокогнитивный подход» (2007) голландского лингвиста Тёна Ван Дейка. В ней автор делает обширный библиографический обзор понятия контекста в гуманитарных науках. Как и Растье, он видит, что отражение контекста вызывает эпистемологические изменения в исследованиях языка и дискурса: «контекстуализм подразумевает, что явления должны изучаться по отношению к ситуации или окружающей среде» [19, с. 28]. Это контрастирует с «деконтекстуализированными, абстрактными, структуралистскими, формалистскими, автономными» подходами к явлениям языка [19, с.28]. Ван Дейк считает, что после Второй мировой войны формалистские, структуралистские или автономные теории доминировали в научной сфере лингвистики и гуманитарных наук. Тем не менее, согласно Ван Дейку, только в 1970-х и 1980-х гг. в таких дисциплинах, как этнография речи, прагматика, социолингвистика и критический анализ дискурса, появился «комплексный подход к языковому употреблению и коммуникативным событиям, сосредоточенный на контексте и вставленный в контекст» [19, с. 300–301].

Социокогнитивный подход Ван Дейка, как следует из названия, базируется на когнитивистской основе (субъективные ментальные представления) и на социальной основе (знания, установки, мировоззрения, грамматика, правила, нормы и ценности, социально разделяемые дискурсивными сообществами). Это предполагает, что производство и интерпретация дискурсов происходит под контролем ментальных моделей контекстов, то есть «не типа объективной социальной ситуации, а конструкторов участников, субъективных, хотя и социально обоснованных», относительно свойств, которые имеют для них значение в такой ситуации, то есть ментальных моделей» [19, с. 87]. Ван Дейк подчеркивает, что эти ментальные модели гибки и что говорящие постоянно согласовывают свою интерпретацию соответствующих аспектов коммуникативной ситуации. Отношения между динамическими ментальными моделями контекста и дискурсивными структурами – это отношения *контроля* возможных вариантов языка, текста и знаний.

Перейдём к рассмотрению понятия контекста в работах Бахтина: сначала в «Проблемах творчества Достоевского» (1929), затем в «Проблемах поэтики Достоевского» (1963).

Проблемы творчества Достоевского (1929)

В 1929 г. Бахтин издает первую версию своей известной книги «Проблемы творчества Достоевского» [1, т. 2, с. 7–175; 4]. В предисловии автор предлагает с методологической точки зрения преодолеть разделение между идеологическим и формальным анализом, чтобы найти ту идеологию, которая бы «определила художественную форму» [1, т. 2, с. 8] и поясняет свое убеждение: «Всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками. Поэтому и чисто формальный анализ должен брать каждый элемент

художественной структуры как точку преломления живых человеческих социальных сил [1, т. 2, с. 7].

Между текстами представителей «круга Бахтина» 1920-х гг. существует большая согласованность: художественная форма – объект исследования автора (она может быть научной, публицистической, религиозной и т. д.) – не может быть понята без «преломления живых социальных сил» [1, т. 2, с. 17]. Анализируя полифонический роман, Бахтин утверждает, что идейные тезисы, извлеченные из социально-исторического и идеологического контекста Достоевского, преломляются в содержании романа, опосредованном «художественной архитектурой произведений Достоевского» [1, т. 2, с. 15]. Это также называется формой, видением или художественной волей, или даже «формообразующей идеологией» [1, т. 2, с. 15]. По Бахтину, эта архитектурная форма или «художественная воля» представляет мир, используя критерии «сосуществования» и «взаимодействия» [1, т. 2, с. 36, 39, 40], то есть пространственного сосуществования противоречий иначе, чем критерий временного ряда в становлении, как это происходит в диалектике. Критерии «сосуществования и взаимодействия» также определяется доминированием «самосознания» персонажа и взаимодействия «я» как структурирующих принципов произведений Достоевского [1, т. 2, с. 43–44]. Наконец, Бахтин постулирует, что «диалогическое противостояние» безысходно и является не только ключевым элементом романов Достоевского, но и определяющей чертой человека [1, т. 2, с. 157]. Все это позволяет автору сделать следующий вывод: «Разобранный нами диалог “человека с человеком” является в высшей степени интересным социологическим документом. Исключительно острое ощущение другого человека, как “другого”, и своего “я”, как голого “я”, предполагает, что все те определения, которые облачают “я” и “другого” в социально-конкретную плотность, – семейные, сословные, классовые и все разновидности этих определений – утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу. Человек как бы ощущает себя в мире, как целое, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, к которому он принадлежал бы» [1, т. 2, с. 173–174].

Бахтин утверждает, что художественная форма имеет место в российском социально-историческом контексте XIX в., она отмечена контактами миров и социальных групп, которые раньше были изолированы и еще охвачены процессом «острой социальной дифференциации, процессом разложения и отрыва от особо замкнутых и самодовлеющих групп» [1, т. 2, с. 155]. Из этого контекста следует «материал, подлежащий социально-экономическому объяснению, раскрыть и уяснить как внутренне социальное явление» [1, т. 2, с. 155]. Бахтин теоретически и методологически обосновывает, что не стоит сводить художественное произведение к отражению внесловесного контекста, а следует анализировать словесный материал литературного произведения как художественную реконструкцию социально-экономического контекста, руководствуясь авторскими художественными принципами подобно тем, что кратко изложены выше.

Еще одним моментом контекста в данном произведении Бахтина являются отношения с объектом изображения – персонажами романа. Так, автор противопоставляет глаголы «создавать» и «изобретать»: «создать не значит выдумать. Всякое творчество связано как своими собственными законами, так и законами того материала, на котором оно работает» [1, т. 2, с. 56]. Принципы изображения, авторская архитектура определяются референтом романа: созданными из жизни персонажами, характеристики которых определяют авторское творчество, то есть автор не вполне свободен творить, но и не выполняет простого действия, отражения то, что есть в предмете.

В последней части работы при анализе словесного стиля Достоевского, творца точки пересечения мировоззрений героев, внесловесный контекст охватывает несколько моментов литературного произведения: «авторское слово направлено на свой предмет» [1, т. 2, с. 92]; авторские намерения, которые могут быть выражены или не выражены непосредственно в повествовании романа [1, т. 2, с. 87]; состоявшиеся социальные оценки, которые отражены и преломлены в авторском стиле [1, т. 2, с. 88]; ожидание «предвосхищаемых возражений,

оценок, точек зрения» собеседника в литературном слове [1, т. 2, с. 93]; авторская направленность на иностранное слово, будь то в одном смысловом направлении, или в разных смысловых направлениях, таких, как пародия (в пределах авторских интенций) и полемика (воздействие на авторское слово извне). Утверждая, что ориентация или отношение к чужому слову есть одна из главных черт романа Достоевского, Бахтин определяет внутреннюю социальную природу языка так: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда социального общения. Оно никогда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уста в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило [1, т. 2, с. 99].

В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин ставит своей целью раскрыть принципы мировоззрения или художественной архитектуры Достоевского. Эта ключевая идеология художественной формы является посредником между общественно-историческим контекстом автора и материальной конструкцией произведения. Если нельзя свести анализ художественного произведения к отражению его контекста, то автор вырабатывает свои художественные принципы в свете острого и оригинального понимания его социальной, исторической и идеологической среды.

Проблемы поэтики Достоевского (1963)

Монография «Проблемы поэтики Достоевского» [см.: 1, т. 6, с. 7–300] широко читается бразильскими лингвистами, поскольку в этой работе Бахтин предлагает дисциплину «Металингвистика», фундаментальную для всех теоретиков дискурса, которые понимают слово в его внутренних отношениях с внесловесным и словесным контекстами.

В самом начале книги Бахтин подчеркивает, что в ней будут затронуты только проблемы поэтики Достоевского и что ее цель – раскрыть новаторство писателя в преобразовании художественной формы с учетом «принципов европейской эстетики» [1, т. 6, с. 7]. Другими словами, романы Достоевского представляют собой новшество в контексте предшествовавшей ему европейской эстетической или литературной сферы. Если в тексте 1929 г. акцент делался на соотношении исторического и социального внесловесного контекста и его реконструкции авторской архитектурой, то теперь, не теряя этой перспективы, Бахтин делает акцент на диалоге Достоевского с литературным, эстетическим, художественным контекстами.

В своем труде Бахтин упоминает немецкого писателя Отто Кауса, который связывает появление полифонического романа с наступлением капитализма в России в XIX в. С одной стороны, Бахтин критикует Кауса за то, что тот не раскрыл конструктивные особенности построения многопланового романа, с другой – поддерживает его мысль, что российский экономический и социальный контекст во многом объясняет возникновение полифонического романа: «Здесь противоречивая сущность становящейся социальной жизни, не укладывающаяся в рамки уверенного и спокойно созерцающего монологического сознания, должна была проявиться особенно резко, а в то же время индивидуальность выведенных из своего идеологического равновесия и столкнувшихся миров должна была быть особенно полной и яркой» [1, т. 6, с. 26].

Этот анализ социального, политического, исторического и идеологического контекста России XIX в. уже присутствовал в «Проблемах творчества Достоевского» [1, т. 2, с. 27] и сохранен в редакции 1963 г.

Позже, комментируя другого автора, Бахтин заявляет: «объективные противоречия эпохи определили творчество Достоевского не в плоскости их личного изживания в истории его духа, а в плоскости их объективного видения, как сосуществующих одновременно сил (правда, видения, углубленного личным переживанием) [1, т. 6, с. 35–36]. Внесловесный идеологический контекст, хотя и не находящийся в центре внимания бахтинского анализа, оценивается как детерминанта творчества Достоевского, и эта мысль прослеживается в

«Проблемах творчества Достоевского» [1, т. 2, с. 36]. В том же направлении Бахтин анализирует известную статью-рецензию Луначарского (1929) и приходит к следующему выводу: «Новые формы художественного видения подготавливаются медленно, веками, эпоха создает только оптимальные условия для окончательного вызревания из реализации новой формы. Раскрыть этот процесс художественной подготовки полифонического романа – задача исторической поэтики. Поэтику нельзя, конечно, отрывать от социально-исторических анализов, но ее нельзя и растворять в них» [1, т. 6, с. 46].

В статье Луначарского Бахтин признает, с одной стороны, важность внесловесного социально-исторического контекста для объяснения и понимания возникновения литературного жанра и, с другой стороны, эстетическую традицию, которая также является основополагающей для его возникновения. Здесь представлены два измерения контекста: внесловесный социально-исторический контекст, а также предшествующие высказывания из сферы культуры или человеческой деятельности, то есть эстетическая традиция.

Далее, анализируя построение персонажей в полифоническом романе, Бахтин выявляет инверсию в отношениях между героями и их реальностью, что становится объектом их рефлексии: «Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками», но как «особая точка зрения на мир и на себя самого» [1, т. 6, с. 56]. При том, что характер не совпадает с самим собой или предопределен условиями его жизни, в самосознании героя всегда присутствует избыток человечности. Эти идеи также присутствовали в «Проблемах творчества Достоевского» [см.: 1, т. 2, с. 43].

При анализе художественной функции идеи в произведениях Достоевского Бахтин употребляет слово «контекст» в двух случаях:

1) «идеи Достоевского-мыслителя, войдя в его полифонический роман <...> сплошь диалогизуются и вступают в большой диалог романа на *совершенно равных правах* с другими образами идей» [1, т. 6, с. 104–105]. Иными словами, идеи Достоевского принимают разные формы существования в зависимости от сферы, жанра и авторского проекта, в которых они сформулированы: литературный роман или публицистическая статья;

2) при обращении к тому, как идеи в художественном проекте Достоевского неотделимы от голоса создавшего их человека и их словесного контекста: «Характерно, что в произведениях Достоевского совершенно нет таких отдельных мыслей, положений и формулировок типа сентенций, изречений, афоризмов и т. п., которые, будучи выделены из контекста и отрешены от голоса, сохраняли бы в безличной форме свое смысловое значение» [1, т. 6, с. 109].

Для Бахтина в произведениях Ф.М. Достоевского идея, человек, ее выдавший, и ее словесный контекст неразделимы. Эти две мысли Бахтина я не нашла в «Проблемах творчества Достоевского», но они появились в «Проблемах поэтики Достоевского».

Далее отмечается связь полифонического романа Достоевского с традициями не только «авантюрного романа» [1, т. 6, с. 121], но и с жанрами «серьезно-смехового», в которых присутствуют элементы карнавального фольклора (сократический диалог, симпозионы, мениппова сатира и др.). В «Проблемах творчества Достоевского» Бахтин не упоминает серьезно-смеховые жанры. Они появятся при анализе творчества Достоевского после исследований, проведенных в 1930-е гг., в частности романа Франсуа Рабле. Бахтин, руководствуясь «исторической поэтикой жанров», стремится выявить, с одной стороны, историко-генетическую традицию европейской литературы, в которую вписано творчество Достоевского – «живет настоящим, но всегда *помнит* свое прошлое, свое начало» [1, т. 6, с. 120]; с другой – показать, «как традиционные черты жанра органически сочетаются с индивидуальной неповторимостью и глубиной их использования у Достоевского» [1, т. 6, с. 173].

Общественно-исторический контекст жанрообразования представлен в двух моментах исторической поэтики: 1) Бахтин восстанавливает контекст формирования жанра менипповой сатиры: он пришелся на «эпоху разложения национального предания», «эпоху напряженной

борьбы многочисленных и разнородных религиозных и философских школ и направлений», «эпоху подготовки и формирования новой мировой религии – христианства» [1, т. 6, с. 134]; 2) гибкий и динамичный характер карнавализации оказался действенным в то время, когда Достоевский создавал свои произведения, то есть во время введения капитализма в России в XIX в.: «*Релятивизуя* все внешнее устойчивое, сложившееся и готовое, карнавализация с ее пафосом смен и обновления позволила Достоевскому проникнуть в глубокие пласты человека и человеческих отношений. Она оказалась удивительно продуктивной для художественного постижения развивающихся капиталистических отношений, когда прежние формы жизни, моральные устои и верования превращались в “гнилые веревки” и обнажалась скрытая до этого амбивалентная и незавершимая природа человека и человеческой *мысли*. Не только люди и их поступки, но и *идеи* вырвались из своих замкнутых иерархических гнезд и стали сталкиваться в фамильном контакте “абсолютного” (то есть ничем не ограниченного) диалога» [1, т. 6, с. 188].

Здесь Михаил Бахтин совмещает два измерения контекста: литературную традицию – раскрывая карнавализацию, то есть «транспонировку карнавала на язык литературы» [1, т. 6, с. 140], одну из ветвей «культурной истории», – и социально-исторический контекст. Его вывод состоит в том, что «диахронический анализ подтверждает результаты синхронического» [1, т. 6, с. 201]. На наш взгляд, этот теоретико-методологический подход в определенных аспектах сближается с риторико-герменевтической традицией, предложенной Растье, поскольку Бахтин связывает историю жанра и социальную, идейную, темпоральную ситуацию его возникновения и становления, но без потери уникального, индивидуального вклада автора.

Для завершения анализа данной работы выделим положение о металингвистике как дисциплине, которая изучает «слово, то есть язык в его конкретной и живой целокупности» [1, т. 6, с. 203]. Ее объектом выступают «диалогические отношения», которые «внелингвистичны» и возникают внутри и между «целыми высказываниями» «разных субъектов» [1, т. 6, с. 204–205]. Определяя совокупность изучаемых лингвистикой дискурсивно-литературных явлений – пародию, стилизацию, диалог и др., – Бахтин много раз употребляет понятие «контекст» для обозначения «монологического контекста» автора и другого контекста слова героя в «авторском высказывании» [1, т. 6, с. 207–209] и делает следующий вывод: «Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения. Оно иногда не довлеет одному сознанию, одному голосу. Жизнь слова – в переходе из уста в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. При этом слово не забывает своего пути и не может до конца освободиться от власти тех конкретных контекстов, в которые оно входило» [1, т. 6, с. 225].

Здесь Бахтин употребляет термин контекст, прежде всего, в значении словесного контекста авторского высказывания, но фоновое, в смысле внеязыкового контекста высказывания. Этот пассаж есть и в «Проблемах творчества Достоевского», но важно уточнить: в тексте 1929 г. было словосочетание «социологическое общение», а в тексте 1963 г. – «диалогическое общение». Я интерпретирую это изменение как переход от социологического метода, разработанного Бахтиным, Медведевым и Волошиновым в 1920-е гг., к «металингвистике», предложенной Бахтиным с конца 1950-х гг.

Выводы

Понятие контекста занимает центральное место в теориях текста и дискурса. В последнее время оно получило довольно широкое распространение, затрагивая эпистемологию языка. Риторико-герменевтическая точка зрения Растье и социокогнитивный взгляд ван Дейка доказывают, что введение понятия контекста в науку о языке привело к появлению ряда исследований, в которых исключается доминирование научной рефлексии над человеческим словесным языком (что было характерно для грамматических и формалистских подходов).

Утверждение Бахтина о том, что «контекст потенциально незавершен» [2, с. 352], наиболее точно передает сложность и богатство этого понятия в той теории, которую Бахтин разрабатывал с начала 1920-х гг. В ней рассматривается социальная коммуникация, осуществляемая и закрепляемая на материале слова. Здесь контекст включает в себя следующие измерения: **внесловесную ситуацию** – непосредственную коммуникативную ситуацию, идеологическую сферу высказывания (литературную, художественную, научную и т. д.); **предметы или героя романа, взятых из жизни**, характеристики которых определяют творчество автора (т. е. автор не вполне свободен творить, но и не осуществляет простого отражения то, что есть в предмете); **идеологический горизонт времени или общества** (совокупность знаков-объектов – произведений искусства, религиозных символов, научных высказываний и т. д., – которые составят общественное сознание коллектива или социальную оценку, понимаемую как ценностную атмосферу современности).

Периодически Бахтин теоретически и методически призывает не сводить художественное произведение к отражению внесловесного контекста. В связи с этим он выдвигает постулат, согласно которому словесный материал литературного произведения есть художественная реконструкция социально-экономической среды, направляемая **художественной архитектурой, формой, видением, художественной волей** или даже **«формообразующей идеологией» автора**.

Контекст также может быть **словесным**, и в этом смысле он включает: **исходные утверждения и ответные утверждения** высказывания; **речевой жанр**; речь или **словесный контекст** (авторский или персонажный), в котором усваивается и воспринимается чужое высказывание. В «Проблемах поэтики Достоевского» рассматривается европейский литературный, эстетический, художественный контекст (или традиция), из которого Достоевский разработал полифонический роман, а также речевой жанр, в котором сформулирован авторский проект.

Наконец, **словесный и внесловесный контексты** в том смысле, как они охарактеризованы выше, составляют неотъемлемую часть предмета изучения бахтинской металингвистики – диалогических отношений внутри и между высказываниями – и словесных явлений (диалога, пародии, открытой и скрытой полемики и т. д.). В «Проблемах творчества Достоевского» встречается выражение «социологическое общение», что служит отсылкой к социологическому методу, разработанному совместно с Волошиновым и Медведевым. В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин отдает предпочтение «диалогическому общению» – объекту изучения металингвистики.

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 1–6. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 1996–2012.
2. *Бахтин М.М.* Из записей 1970–1971 годов // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М, 1979. С. 336–360.
3. *Луначарский А.В.* О «многоголосности» Достоевского. По поводу книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» // Новый мир. 1929. № 10. С. 195–209.
4. *Bakhtin M.* Problemas da obra de Dostoiévski [Проблемы творчества Достоевского]. Tradução, notas e glossário S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2022.
5. *Bakhtin M.* Problemas da poética de Dostoiévski [Проблемы поэтики Достоевского]. Tradução, notas e prefácio P. Bezerra. 5. Ed. Rio de Janeiro: Forense Universitária, 2010.
6. *Bouquet S.* De l'hexagramme cognitiviste à une sémiotique de l'interprétation. In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. P. 11–35.
7. *Dubois, J. et alli.* Dicionário de linguística. Tradução I. Blikstein et alii. 10. Ed. São Paulo: Cultrix, 1998.
8. *Grillo, S., Américo, E.V.* Registros de Valentin Volóchinov nos arquivos do ILIAZV [Записи Валентина Волошинова в архиве ИЛИАЗВ]. In: Volóchinov V. (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas [Слово в жизни и слово в поэзии: очерки, статьи, рецензии и стихи]. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019. p. 7–56.

9. Kaus O. Dostojewski und sein Schicksal. Berlin: E. Laub'sche, 1923. 162 p.
10. Medviédév P. O método formal nos estudos literários. Introdução crítica a uma poética sociológica. Tradução e notas E.V. Américo e S. Grillo. São Paulo: Contexto, 2012.
11. Meunier G. Représentation, information et culture In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. Pp. 137–155.
12. Nuto J.V. Bakhtin e Lunatcharski: um diálogo [Бахтин и Луначарский: диалог] // Bakhtiniana – Revista de Estudos do Discurso, 2021.V. 16, pp. 53–69.
13. Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. 297 p.
14. Rastier F. Arts et sciences du texte. Paris: PUF, 2001.
15. Rastier F. Au milieu du chemin: entretien avec François Rastier par Éric Trudel // Acta semiotica et lingvistica. 2022. V. 27, n. 2 (46), pp. 168–176. URL : <https://periodicos.ufpb.br/index.php/actas/article/view/63003>. (20/08/22).
16. Rastier F. Le problème épistémologique du contexte et le statut de l'interprétation dans les sciences du langage. Langages, n. 129, p. 97–111, 1998. URL : https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1998_num_32_129_2149. (20/08/22)
17. Schleiermacher F.D.E. Herméneutique. Pour une logique du discours individuel. Tradução C. Berner. Alençon (Orne) : CERF/PUL, 1987.
18. Tadeu De Souza G. A construção da metalingüística (fragmentos de uma ciência da linguagem na obra de Bakhtin e seu círculo [Построение металингвистики (фрагменты науки о языке в творчестве Бахтина и его окружения)]. 2002. 175 p. Tese (Doutorado em Lingüística) – Faculdade de Filosofia Letras e Ciências Humanas, Universidade de São Paulo, São Paulo.
19. Van Dijk T.A. Discurso e contexto: uma abordagem sociocognitiva. Tradução R. Ilari. São Paulo: Contexto, 2012.
20. Volóchinov V. (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas [Слово в жизни и слово в поэзии: очерки, статьи, рецензии и стихи]. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019.

The concept of «context» in «Problems of Dostoevsky's Creative Art» (1929) and «Problems of Dostoevsky's Poetics» (1963) by Mikhail Bakhtin

© 2023 Vieira de Camargo Grillo S.

*Sheila Vieira de Camargo Grillo, Doctor of Philology, Professor
in the Faculty of Philosophy, Literature and Humanities, University of São Paulo (USP)
E-mail: sheilagrillo@usp.br*

University of Sao Paulo (USP). São Paulo, Brazil

Annotation. This article is epistemological in nature. It analyzes the concept of “context” in the works by M.M. Bakhtin “Problems of Dostoevsky's Creative Art” (1929) and “Problems of Dostoevsky's Poetics” (1963). The relevance of the chosen topic is largely due to the growing interest of linguists in the analyzed concept. Thus, the article highlights the theories of context developed in the interpretive semantics of François Rastier and in the critical discourse analysis of Thön van Dyck. In Bakhtin's works mentioned above, notion of “context” is central; the thinker considers out-of-verbal and verbal context. At the same time, both contexts are mediated by artistic architectonics, form, vision or artistic will of the author.

Keywords: context of ethical value, extra-verbal context, verbal context, M.M. Bakhtin.

1. Bahtin M.M. Sobraie sochinenij [v 6 (7) t.]. T. 1–6. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskikh kul'tur, 1996–2012.
2. Bahtin M.M. Iz zapisej 1970–1971 godov // Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: 1979. S. 336–360.

3. Lunacharskij A.V. O «mnogogolosnosti» Dostoevskogo. Po povodu knigi M.M. Bahtina «Problemy tvorчества Dostoevskogo» // Novyj mir. 1929. № 10. S. 195–209.
4. Bakhtin M. Problemas da obra de Dostoiévski. Tradução, notas e glossário S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2022.
5. Bakhtin M. Problemas da poética de Dostoiévski. Tradução, notas e prefácio P. Bezerra. 5. Ed. Rio de Janeiro: Forense Universitária, 2010.
6. Bouquet S. De l’hexagramme cognitiviste à une sémiotique de l’interprétation. In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. P. 11–35.
7. Dubois, J. et alli. Dicionário de linguística. Tradução I. Blikstein et alii. 10. Ed. São Paulo: Cultrix, 1998.
8. Grillo, S., Américo, E.V. Registros de Valentin Volóchinov nos arquivos do ILIAZV. In: Volóchinov V. (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019. p. 7–56.
9. Kaus O. Dostojewski und sein Schicksal. Berlin: E. Laub’sche, 1923. 162 p.
10. Medviédev P. O método formal nos estudos literários. Introdução crítica a uma poética sociológica. Tradução e notas E.V. Américo e S. Grillo. São Paulo: Contexto, 2012.
11. Meunier G. Représentation, information et culture In : Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. Pp. 137–155.
12. Nuto J.V. Bakhtin e Lunatcharski: um diálogo // Bakhtiniana – Revista de Estudos do Discurso, 2021.V. 16, pp. 53–69.
13. Rastier F., Bouquet S. (éd.) Une introduction aux sciences de la culture. Paris: PUF, 2002. 297 p.
14. Rastier F. Arts et sciences du texte. Paris: PUF, 2001.
15. Rastier F. Au milieu du chemin: entretien avec François Rastier par Éric Trudel // Acta semiotica et lingvistica. 2022. V. 27, n. 2 (46), pp. 168–176. URL : <https://periodicos.ufpb.br/index.php/actas/article/view/63003>. (20/08/22).
16. Rastier F. Le problème épistémologique du contexte et le statut de l’interprétation dans les sciences du langage. Langages, n. 129, p. 97–111, 1998. URL : https://www.persee.fr/doc/lgge_0458-726x_1998_num_32_129_2149. (20/08/22)
17. Schleiermacher F.D.E. Herméneutique. Pour une logique du discours individuel. Tradução C. Berner. Alençon (Orne) : CERF/PUL, 1987.
18. Tadeu De Souza G. A construção da metalingüística (fragmentos de uma ciência da linguagem na obra de Bakhtin e seu círculo. 2002. 175 p. Tese (Doutorado em Lingüística) – Faculdade de Filosofia Letras e Ciências Humanas, Universidade de São Paulo, São Paulo.
19. Van Dijk T.A. Discurso e contexto: uma abordagem sociocognitiva. Tradução R. Ilari. São Paulo: Contexto, 2012.
20. Volóchinov V. (círculo de Bakhtin). A palavra na vida e a palavra na poesia: ensaios, artigos, resenhas e poemas. Org., tradução, ensaio introdutório e notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2019.

Перевод, исследование и рецепция книги М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» в Китае

© 2023 Лю Мяовэнь

*Лю Мяовэнь, кандидат филологических наук,
старший преподаватель Пекинского университета иностранных языков
E-mail: miaowenliu@mail.ru*

Пекинский университет иностранных языков. Пекин, Китай

Аннотация. В статье рассматривается история перевода и рецепции книги М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» в Китае с 1981 г. по настоящее время. Последовательно выстраивая хронологию изданий книги с указанием имен ученых и переводчиков, автор показывает роль бахтинской монографии в формировании китайской гуманитаристики.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, «Проблемы поэтики Достоевского», гуманитаристика в Китае, бахтиноведение в Китае.

Известно, что «Бахтин в Китае» – тема не новая, она неоднократно становилась предметом изучения российских и китайских ученых, а итоги, выводы и перспективы исследований были опубликованы в научной периодике (см., например [1], [2], [3]). Однако никто из наших ученых не посвятил специальной работы рассмотрению «китайской биографии» книги М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Монография вышла в свет в сентябре 1963 г. и стала событием в истории мировой гуманитарной науки. Сегодня эта книга вошла в мировую интеллектуальную классику и по-прежнему остается одной из провоцирующих научных работ. В год 60-летия бахтинской книги важно осмыслить ее влияние на гуманитаристику Китая. Цель нашей статьи – показать роль книги Бахтина в формировании китайской бахтинистики.

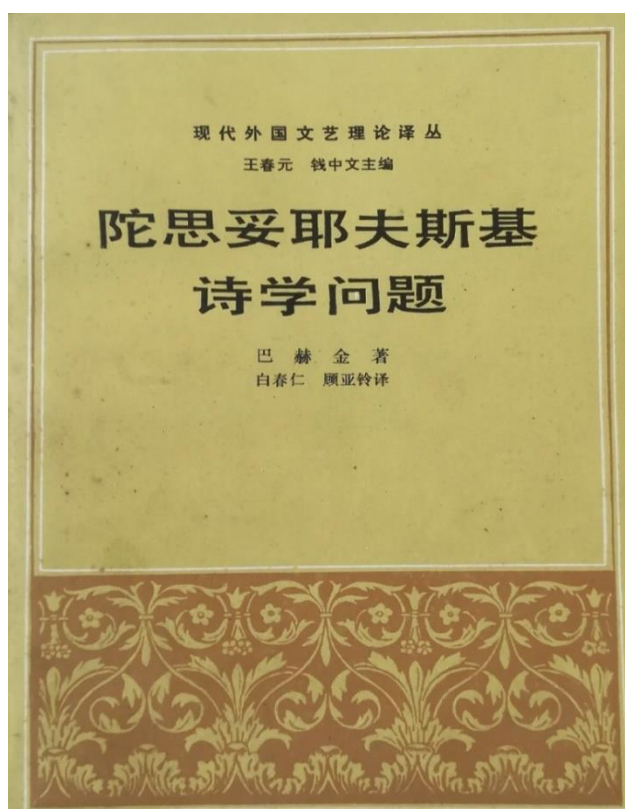
В Китае идеи Бахтина начали распространяться с 1981 г. Изначально имя Бахтина в Китае ассоциировалось с Ф.М. Достоевским, что сформировало в глазах многих китайских русистов образ Бахтина как авторитетного исследователя творчества этого писателя. В 1990-е годы по мере расширения круга проблем и более глубокого изучения отдельных бахтинских идей он стал восприниматься как теоретик и историк литературы, а затем – как философ и культуролог (это произошло во многом благодаря появившемуся переводу бесед Бахтина с В.Д. Дувакиным).

Профессор Фуданьского университета (复旦大学) Ся Чжунъи (夏仲翼, 1931–2023) открыл творчество Бахтина для Китая. В 1981 г. он опубликовал первую в китайском бахтиноведении научную статью «Искусство заглядывать в тайны души – о творчестве Достоевского». В ней автор не просто упомянул бахтинскую теорию полифонического романа (как новый методологический подход к романному творчеству Достоевского), но и представил Бахтина-исследователя и его теорию китайским достоевковедам. В 1982 г. Ся Чжунъи опубликовал перевод первой главы «Проблем поэтики Достоевского» в китайском журнале «Всемирная литература». Это означает, что путешествие Бахтина в Китай началось именно с нашей сегодняшней героини – книги «Проблемы поэтики Достоевского», что следует считать удивительным совпадением.

Первые исследования Бахтина в Китае касались термина «полифонический роман» и книги «Проблемы поэтики Достоевского». В «Большой китайской энциклопедии» (1982) имя Бахтина появляется в библиографии к словарной статье «Достоевский» (автор Ся Чжунъи). В то же время профессор Пекинского университета Пэн Кэсюнь (彭克巽) начал изучение международных исследований работ Бахтина.

Несмотря на то, что профессор Ся Чжунъи перевел первую главу «Проблем поэтики Достоевского», первый полный перевод этой книги был выполнен профессорами Бай Чунреном (白春仁) и Гу Ялин (顾亚玲) из Пекинского университета иностранных языков. Нужно отметить, что такие ученые Пекинского университета иностранных языков, как Хуан Мэй, Пань Юэцин, Хэ Фан, Мiao Шу позже приняли участие в переводе на китайский язык и подготовке к изданию «Полного собрания сочинений М.М. Бахтина» (в 7 томах). Кроме того, несколько аспирантов Бай Чунжэня – Хуан Мэй, Линь Цяньхоу, Ван Цзясин – стали известными китайскими бахтиноведами. Сегодня они являются ведущими учеными в научном обществе Бахтина в Китае, а книга «Проблемы поэтики Достоевского» рассматривается как «начало всех начал».

Первый китайский перевод «Проблем поэтики Достоевского» появился в Китае в 1988 г. Опубликованная в престижном издательстве «Саньянь Шудянь» (三联书店), книга стала окном в мир Бахтина для китайских ученых. Термины Бахтина – полифонический роман, диалог, хронотоп, карнавал – стали важнейшими в китайском литературоведении в последующие годы.

Обложка первого китайского перевода книги «Проблемы поэтики Достоевского».
Переводчики – Бай Чунжэнь и Гу Ялин

В 1996 г. в китайском издательстве общественных наук был издан том «Избранные работы Бахтина», в который вошли две книги «Проблемы творчества/поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» и несколько глав из книги «Эстетика словесного творчества», а также его статьи о русском формализме. «Избранные работы Бахтина» активно цитировались: до публикации полного собрания сочинений Бахтина эта книга для китайских исследователей стала основным источником бахтинских идей и восполнила некоторые пробелы в китайском бахтиноведении того времени.

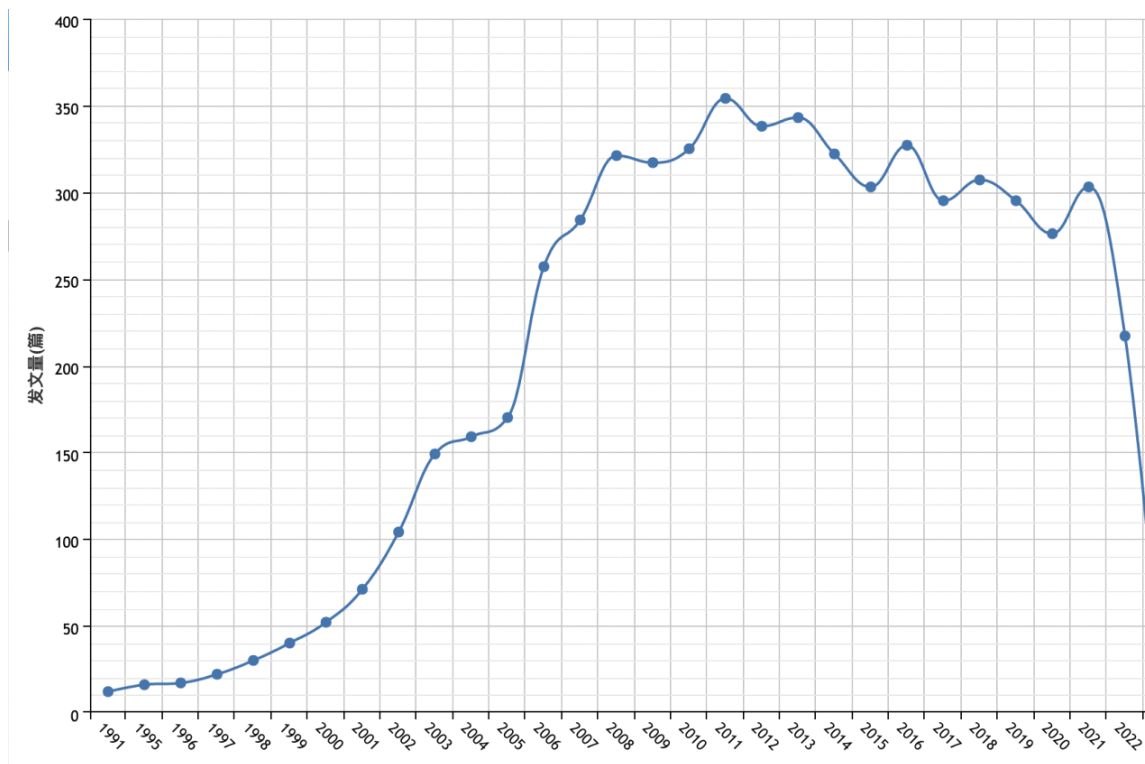
Два года спустя, в 1998 г. профессор Бай Чунжэн и Лу Сяохэ (卢晓河), заместитель главного редактора Хэбэйского издательства по образованию, выпустили самое влиятельное на сегодняшний день в Китае издание – Полное собрание сочинений Бахтина (в шести томах). Пятый том этого собрания включает «Проблемы поэтики Достоевского» и «Интервью» (переводчики – профессора Бай Чунжэн и Гу Ялин). Примечательно, что эта книга неизменно

занимает первое место в списке цитирований иностранной литературы китайским литературоведением. Открытие Бахтина в Китае было подобно открытию Нового Света Колумбом, а появление полного перевода книги значительно продвинуло процесс исследования Бахтина в Китае.

В 1998 г. профессор Нанкинского педагогического университета Чжан Цзе (张杰) отредактировал и опубликовал «Избранные сочинения» Бахтина в Шанхайском дальневосточном издательстве. В это собрание вошли выдержки из отдельных работ Бахтина. Так, в него включены основные главы «Проблем поэтики Достоевского» и фрагменты подготовительных материалов Бахтина разных периодов, переведенные несколькими переводчиками. Это издание богаче и объемнее «Избранных сочинений» Бахтина под редакцией Тун Цзинхана, изданного в 1996 г., но менее влиятельно по воздействию. Эта книга вышла в 1998 г. Как указано выше, в этом же году вышло «Полное собрание сочинений Бахтина» в шести томах, с которым «Избранные сочинения» Бахтина, опубликованные Чжан Цзе, явно не могут сравниться ни по объему, ни по количеству переводов.

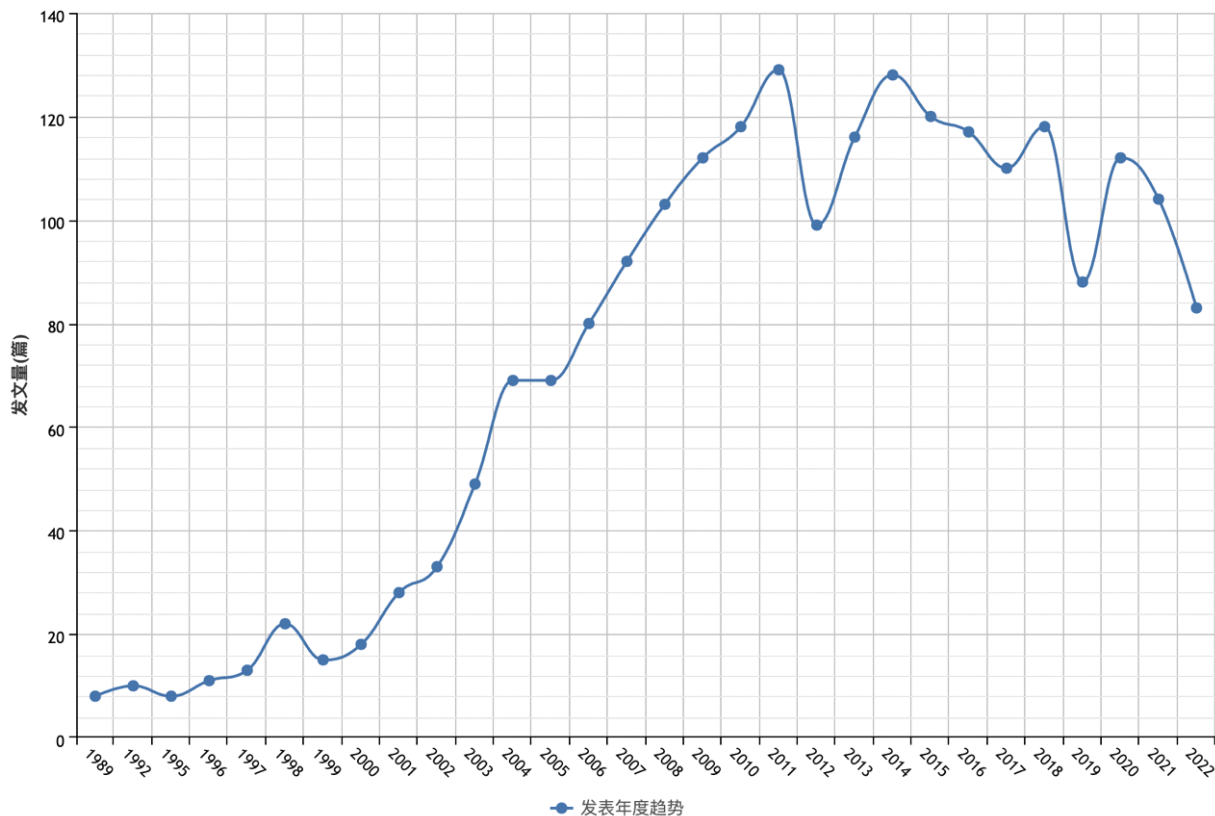
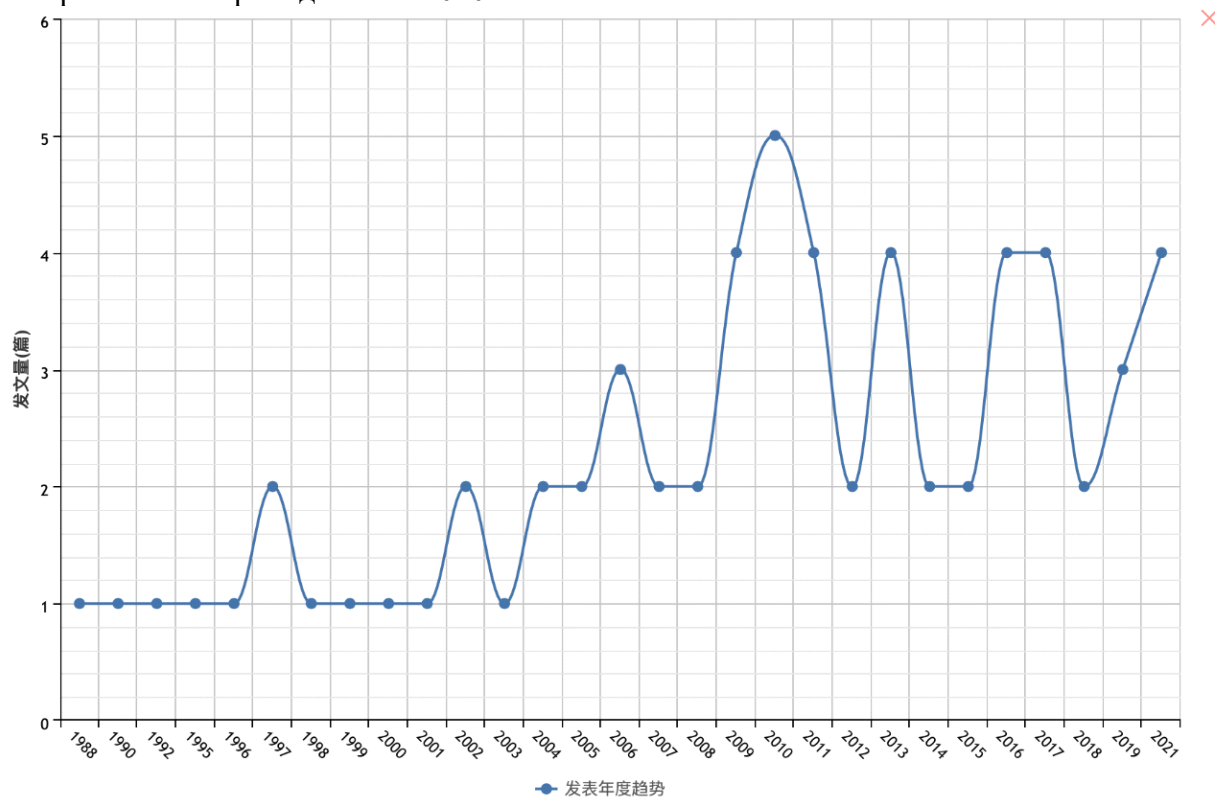
Еще один перевод «Проблем поэтики Достоевского» появился в Китае в 2010 г., его переводчиком является Лю Ху. Перевод был выполнен с издания на английском языке и снабжен предисловием английского переводчика, известного профессора славистики Джона Уилкса Бута. Однако наиболее авторитетной версией остается перевод Бай Чунжэна. Согласно статистике Китайской платформы читателей, издание 1988 г., опубликованное в книжном издательстве «Саньянь Шудянь», цитировалось в различных статьях и книгах 2140 раз, а издание 1998 г. – 1826 раз, то есть издание «Проблем поэтики Достоевского» Бай Чунжэна и Гу Ялин цитировалось более 3966 раз (статистика неполная), что ставит его на первое место среди почти всех иностранных литературоведческих работ. Бахтинистика стала, безусловно, ведущей отраслью в гуманитарных науках Китая.

Поиск литературы в Национальной инфраструктуре знаний Китая с 1991 г. по настоящее время показывает, что в общей сложности было опубликовано 6099 работ о Бахтине, включая 3630 журнальных статей, 1823 магистерских и докторских диссертаций, 82 доклада на конференциях и 10 газетных статей. Это наиболее популярная область из исследований, связанных с зарубежной литературой и литературоведением.

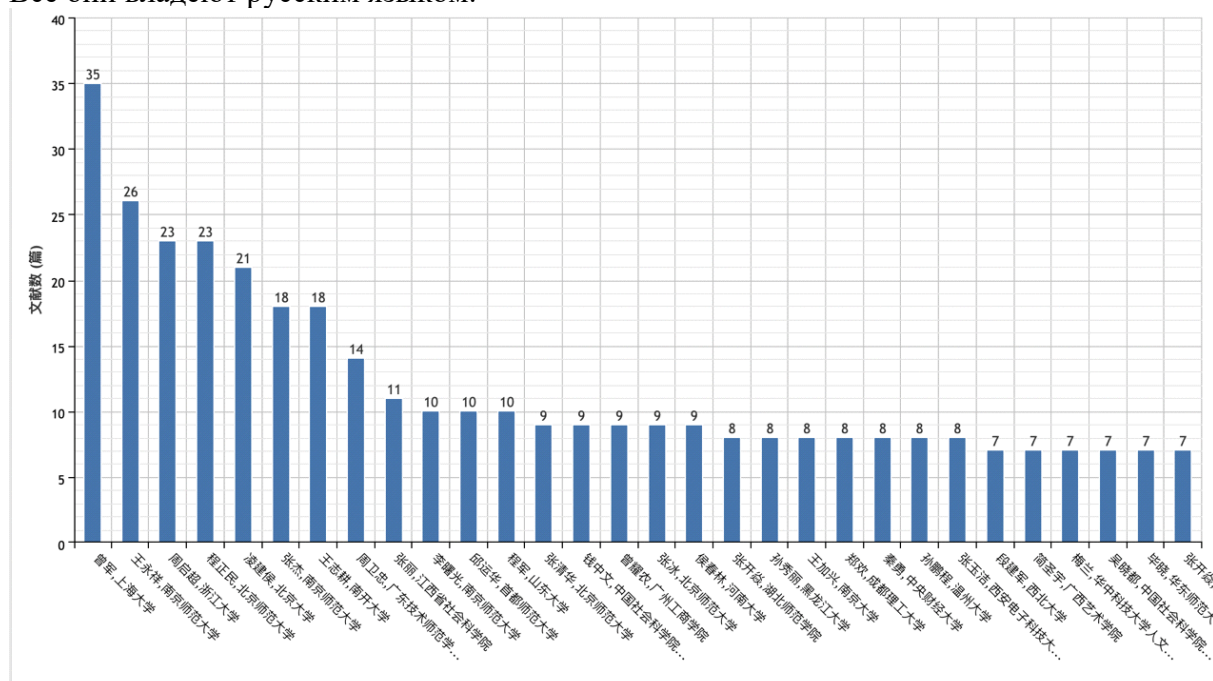
Количество исследований, связанных с Бахтиным, опубликованных в Китае в 1991–2022 гг.

Исследования, связанные с книгой «Проблемы поэтики Достоевского», представляются относительно скудными в Национальной инфраструктуре знаний Китая. Представлено всего 65 статей. Это четко соответствует приведенному выше графику, пик которого также приходится на 2010 г.

Однако если заменить ключевое слово на соответствующий термин «полифонический роман», количество статей резко возрастает до 2237 с 1988 г., когда книга «Проблемы поэтики Достоевского» была переведена на китайский язык. В 2011 г. было опубликовано 122 статьи.

Среди наиболее активных ученых в смежных областях: Цзэн Цзюнь, Ван Юнсян, Чжоу Цичао, Чэн Чжэнмин, Чжан Цзе, Ван Чжигэн и другие выдающиеся китайские бахтиноведы. Все они владеют русским языком.

Таким образом, книга «Проблемы поэтики Достоевского» сыграла чрезвычайно важную роль в распространении идей Бахтина в Китае. При этом она стала не только отправной точкой в изучении бахтинского наследия, но и источником новых идей для двух поколений китайских бахтиноведов. Поэтому именно эта книга занимает ведущее место в истории китайского бахтиноведения.

1. Лу Сяохэ. Издание собрания сочинений М.М. Бахтина на китайском языке (К истории развития бахтиноведения в Китае) // Бахтинский вестник. 2019. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2021/12/2019-%E2%84%961-%D0%9B%D1%83-%D0%A1%D1%8F%D0%BE-%D1%85%D1%8D.pdf>

2. Осовский О.Е. Бахтин в Шанхае. «Уроки китайского» для бахтинистики // Вопросы литературы. 2019. № 2. С. 207–233.

3. Чжоу Цичао. После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае // Вопросы литературы. 2015. № 6. С. 219–237.

Translation, research, and reception of M.M. Bakhtin's book "Problems of Dostoevsky's Poetics" in China

© 2023 Liu Miaowen

Liu Miaowen, candidate in Philological Sciences,
Senior Lecturer at the Beijing Foreign Studies University.
E-mail: miaowenliu@mail.ru

Beijing Foreign Studies University. Beijing, China

Annotation. The article deals with the history of translation and reception of the "Problems of Dostoevsky's Poetics" by M.M. Bakhtin in China from 1981 to the present. Consistently building the

chronology of the book's editions, indicating the names of scientists and translators, the author shows the role of Bakhtin's monograph in the formation of Chinese humanities.

Keywords: M.M. Bakhtin, "Problems of Dostoevsky's Poetics", humanities in China, Bakhtin studies in China.

1. *Lu Sjaohje*. Izdanie sobranija sochinenij M.M. Bahtina na kitajskom jazyke (K istorii razvitija bahtinovedenija v Kitae) // Bahtinskij vestnik. 2019. № 1. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://bakhtin.mrsu.ru/wp-content/uploads/2021/12/2019-%E2%84%961-%D0%9B%D1%83-%D0%A1%D1%8F%D0%BE-%D1%85%D1%8D.pdf>

2. *Osovskij O.E.* Bahtin v Shanhae. «Uroki kitajskogo» dlja bahtinistiki // Voprosy literatury. 2019. № 2. С. 207–233.

3. *Chzhou Cichao*. Posle i pomimo ponjatij «polifonija», «dialog», «karnavalizacija». Izuchenie Bahtina v sovremennom Kitae // Voprosy literatury. 2015. № 6. S. 219–237.

Образовательный режим бахтинского диалога¹

© 2023 Юджин Матусов

Юджин Матусов, профессор Школы педагогики Университета Дэлавера

E-mail: ematusov@udel.edu

Университет Делавэра. Ньюарк, США

Аннотация. Сегодня теоретиков и практиков образования, ориентированных на диалог, привлекает бахтинское понятие диалога. В своей статье я выделил пять основных черт бахтинского диалога и рассмотрел, какой образовательный режим формируется на его основе. Целью статьи является проблематизация бахтинского диалога и связанной с ним образовательной практики.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, диалогическая педагогика, образовательный режим, бахтинский диалог, множество неслиянных сознаний с равными правами.

Постановка проблемы

Цель моего исследования – определить образовательный режим, где реализуется бахтинский диалог – диалог между персонажами полифонических романов Достоевского, теоретическое обоснование которому дал Бахтин-философ. (Мое понимание бахтинского диалога, моделируемого в первую очередь персонажами полифонических романов Достоевского, отличается от понимания других исследователей – в частности, Тимоти Ленсмира и Киётаки Миядзаки, – которые определяют бахтинский диалог в основном как отношения между писателем Достоевским и его персонажами в полифонических романах Достоевского [10; 28].) И наоборот, как это вытекает из бахтинских подтекстов (если судить по его примерам радикального монологизма, традиционное образование подавляет диалогизм):

На почве философского монологизма невозможно существенное взаимодействие сознаний, а поэтому невозможен существенный диалог. В сущности, идеализм знает лишь

¹ Статья написана на основе доклада, который был представлен в 2021 г. на XVII Международной Бахтинской конференции в Саранске [см.: 3, с. 27–29]. Ее автор Юджин Матусов – один из ведущих представителей диалогической педагогики, направления, занимающего заметное место в современной теории и практике образования в США, Японии, Австралии, Новой Зеландии, в ряде европейских стран. В основе этой педагогической концепции лежат принципы «бахтинского диалога», то есть диалога в той его интерпретации, которую предложил М.М. Бахтин в своих трудах, прежде всего в книге «Проблемы поэтики Достоевского». Как отмечают О.Е. Осовский и В.П. Киржаева, «за последние 30 лет имя Бахтина прочно вошло в ряд имен основоположников нового педагогического мышления, а диалогическая педагогика превращается в одну из наиболее интенсивно развивающихся отраслей теории образования и воспитания» [4, с. 160]. В последние годы одним из важнейших аспектов диалогической педагогики является осмысление и углубление собственно бахтинской составляющей образовательных практик [см.: 5, 7, 31]. Статья Матусова затрагивает важнейшие проблемы современного образования на Западе. Путь к обновлению существующих образовательных режимов автор связывает с диалогической педагогикой. На первый взгляд выглядит чрезмерным неприятие диалогической педагогикой традиционной модели образования, которая воспринимается как образование принудительное. Но именно принятие свободы ученика и учителя, как высшей ценности, а отношений между ними как отношений равноправных участников диалога – принцип, лежащий в основе диалогической педагогики и позволяющий по-новому выстраивать систему обучения. Думается, этот опыт будет интересен и для российской аудитории, особенно в условиях сегодняшнего понимания необходимости совершенствования системы среднего и высшего образования, выработки новых методов и приемов подготовки профессиональных кадров в нашей стране (*прим. С.А. Дубровской*).

один вид познавательного взаимодействия между сознаниями: научение знающим и обладающим истиной не знающего и ошибающегося, то есть взаимоотношение учителя и ученика, и, следовательно, только педагогический диалог [2, с. 93].

Поскольку традиционная модель образования навязывает его учащемуся [13], было бы интересно и полезно выявить наиболее благоприятные условия для диалогического образования. Так, никто не будет асфальтировать территорию сада, исходя из того, что растения способны прорасти через трещины в асфальте. Напротив, следует уделить внимание почве, чтобы она стала как можно более питательной для посаженных в нее растений. Аналогичным образом, я хочу проанализировать понятие бахтинского диалога в работах Бахтина, прежде всего в его книге о Достоевском [2], выявить его наиболее важные черты, чтобы найти образовательный режим, способствующий такому диалогу.

Некоторых новаторов диалогической педагогики (см. о некоторых из них в нашей книге: [26]) весьма привлекает понятие бахтинского диалога. Они поняли: для того, чтобы образование было значимым для его участников, оно должно быть диалогичным и онтологичным. Чтобы образование было гуманистическим, оно должно быть основано на диалогических отношениях между участниками. Чтобы образование было глубоким, оно должно предполагать открытость и самокритичность. Соответственно, подлинное образование должно быть насыщенным, событийным, со всем многообразием звучащих в нем голосов и споров, плюралистичным, полным разногласий (в том числе непримиримых), «последних проклятых вопросов» и полифонии. Одновременно в работах представителей диалогической педагогики отмечается, что бахтинский диалогизм с трудом реализуется в условиях традиционного и даже инновационного патерналистского («принудительного») образования [18; 27].

Педагогу-диалогисту часто приходится «протаскивать контрабандой» бахтинский диалог в монологичную институциональную среду, которая вынуждает преподавателя и учащихся принимать ее монологичность, «загонять» диалогизм в подполье или быть самому изгнанным из исповедующего монологизм учебного заведения (или покинуть его «добровольно»). Это наблюдение говорит о необходимости поиска более благоприятных условий для практики бахтинского диалога в образовании.

Название этой статьи, подводящей итог моему исследованию – «Образовательный режим бахтинского диалога» – не лишено очевидных противоречий. Начнем с того, что гуманистическое понятие «бахтинский диалог» противостоит политическому понятию «режим». Политика предполагает навязывание действий, ценностей и взглядов людям, которые с ней не согласны – именно этот акт, возможно, определяет бахтинский монологизм, а не диалогизм. Более того, как я утверждал в другой статье [см.: 12], не совсем ясно, совместимо ли вообще понятие «образование» с понятием «бахтинский диалог». Как я уже говорил выше, Бахтин не случайно часто использовал примеры образования для иллюстрации своей идеи о чрезмерном монологизме [см.: 2]. Наконец, некоторые радикально настроенные педагоги-новаторы могут выступать против того, чтобы само образование имело некую политическую составляющую (думаю, наглядный пример – голландские педагоги, основатели «социократии» и «динамического управления» Бетти Кэдбери и Кес Боеке [см.: 35]). В противовес этому можно было бы сказать – подлинное образование должно основываться на бахтинском понятии «внутренне убедительного слова», а не на каком-либо «режиме», навязывающем участникам образовательного процесса несогласованные с ними действия и идеи. Они могут утверждать, что образование должно быть свободно от политики и ее режимов (т. е. способов организации политики). Однако, хотя я не отрицаю эти противоречия, я рассматриваю их как неизбежные и даже плодотворные [см.: 24].

Бахтинский диалог

Для реализации целей своего исследования я выделил следующие пять основных характеристик бахтинского диалога (или как я его понимаю). Я осознаю, что вполне возможны

и другие интерпретации бахтинского диалога, отличающиеся от моей. Естественно, цифрой «5» количество приводимых при этом характеристик может не ограничиваться. Однако эти пять признаков не только позволяют мне определить понятие бахтинского диалога, но и помогают задуматься о политических контекстах его функционирования.

Множественность неслиянных сознаний с равными правами

Бахтин начинает свою книгу о Достоевском, где он строит свою философию диалога, основанную на литературоведческом анализе произведений Достоевского, со следующего замечания:

«Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [2, с. 10].

Я не смог найти у Бахтина объяснение того, какими именно правами обладают упомянутые им сознания, поэтому предлагаю свою версию:

1. Право на серьезное отношение к себе со стороны других участников диалога – как к личности в целом и как к автору своих конкретных идей, высказанных в диалоге, какими бы неприятными или странными, невежественными или даже абсурдными эти идеи ни казались другим. Чтобы диалог был бахтинским, участники должны быть искренне заинтересованы в собеседниках и как в уникальных людях, и как в авторах своих идей. Этот искренний интерес, сопровождаемый серьезным ответом, является «общим фоном» для собеседника и, таким образом, способствует укреплению и внутреннему единству его голоса, воспринимаемого всерьез другими [13].

2. Право вводить в диалог свои собственные онтологические интересы и проблемы, а также в любой момент изменить, прервать, промолчать, отказаться от темы, а также временно или окончательно покинуть диалог. В крайнем случае, онтологические интересы участников представляют собой «последние проклятые вопросы», столь значимые для многих героев романов Достоевского. Это право определяет принадлежность диалога его участникам и способствует многоголосию и множественному спору в диалоге. Это делает возможным и вышеупомянутое право на серьезное отношение, сосредоточиваясь на том, что интересно каждому участнику диалога.

3. Право не соглашаться и оставаться в несогласии, быть неправильно понятым, понятым не до конца, неверно истолкованным и/или оставаться неизвестным. Это право основано на признании неслиянных и несливающихся голосов и сознаний, которые не бывают совершенно прозрачны друг для друга (но не бывают и до конца непроницаемыми) [см.: 14]. Полагаю, что это право коренится в признании множественности неслиянных сознаний, о которых говорил Бахтин. Радикальный монологизм – это утверждение существования полностью прозрачных (для другого), завершенных и слитых воедино голосов и сознаний. Радикальный монологизм – это попытка соединить неслиянные голоса либо уничтожить их: «В монологическом мире – *tertium non datur*: мысль либо утверждается, либо отрицается, иначе она просто перестает быть полнозначною мыслью» [2, с. 91].

Заслуживают внимания и другие права, соблюдение которых порождает феномен бахтинского диалога, но в данной статье они не являются предметом моего анализа.

Важно отметить, что все названные выше права НЕ признаются ни традиционным, ни новаторским типами обучения, существующими в парадигме принуждения, ориентирующиеся на кантовскую патерналистскую образовательную модель [см.: 9; 15–19; 22]. В этих условиях участникам диалога в классе не интересно не только то, что говорят другие, но и то, что говорят они сами [см.: 37]. Соответственно, учебные заведения, как правило, навязывают учащимся учебную программу, а учителям – учебный план. Для того, чтобы полученное учениками образование и работа учителей были институционально признаны, в

конце успешного обучения сознание учеников и учителей должно единомоментно отразиться в правильных ответах в стандартизированной системе тестов.

Автор с уникальным и непредсказуемым голосом

Бахтинский диалог определяется авторской уникальной и непредсказуемой субъективностью, которая дает человеку возможность быть автором мира и себя в диалоге с другим и с самим собой. Она противопоставляется объективной универсальной или типизированной предсказуемой субъективности, существующей независимо от наблюдателей, которая часто изучается в социальных науках и на которую ориентировано институционально-принудительное обучение.

«... герой интересуется Достоевского как **особая точка зрения на мир и на себя самого**, как смысловая и оценивающая позиция человека по отношению к себе самому и по отношению к окружающей действительности. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [2, с. 56].

Участники бахтинского диалога являются авторами своих уникальных и непредсказуемых представлений, вкусов, ценностей, идей и суждений о мире и о себе. Выражение ими своей субъективности сталкивается в диалоге, который часто приводит к критическому анализу и переосмыслению своих позиций, идей и ценностей.

В системе «принудительного» обучения ученики часто рассматриваются как объекты педагогического и дисциплинарного воздействия учителя, направленного на то, чтобы ученики достигли конечных целей учебного плана, определяемых учителями, агентствами по тестированию, институтом, выдающим дипломы, и/или обществом (при посредничестве соответствующих государственных структур). В традиционном «принудительном» образовании эти педагогические и дисциплинарные действия часто связаны с транслированием знаний и системой поощрений и наказаний. В инновационном (прогрессивном) «принудительном» обучении эти педагогические действия часто связаны с тем, что учитель осознанно эксплуатирует конкретные интересы учащихся и тем самым манипулирует их сознанием [18].

Выход за пределы социальных ролей, статусов и идентичностей участников в проблемном диалоге

Бахтин противопоставлял социально-психологические и приключенческие романы полифоническим романам Достоевского. Бахтин утверждал, что в социально-психологическом романе,

«... герой приобщается сюжету, как воплощенный и строго локализованный в жизни человек, в конкретном и непроницаемом облачении своего класса или сословия, своего семейного положения, своего возраста, своих жизненно-биографических целей. Его человечность настолько конкретизована и специфицирована его жизненным местом, что сама по себе лишена определяющего влияния на сюжетные отношения. Она может раскрываться только в строгих рамках этих отношений» [2, с. 118]

Я утверждаю, что «принудительное» обучение – как традиционное, так и инновационное (прогрессивное) – наделяет участников жестко определяемыми биографическими, социальными и институциональными ролями. Учащиеся имеют определенный возраст, класс, направление, специальность, социально-экономический статус, статус меньшинства, инвалидности и иммиграции, уровень академической успеваемости (например, учащийся группы риска, отличник, неуспевающий), популярный или непопулярный, член группировки и т. д. Преподаватели определяются своими дисциплинами, опытом, образованием, компетентностью, философией образования, сертификацией и т. д. Конечно, учащиеся неизменно остаются учащимися, а преподаватели – преподавателями. Хотя участники этого процесса могут переходить от одной роли к другой, меняя класс,

взрослея, меняя специальность и т. д., они по-прежнему определяются этими жестко закрепленными ролями сверстников, институциональными или общественными ролями.

Напротив, в полифоническом романе Достоевского:

«Авантюрный сюжет у Достоевского сочетается с глубокой и острой проблемностью; более того, он всецело поставлен на службу идее: он ставит человека в исключительные положения, раскрывающие и провоцирующие его, сводит и сталкивает его с другими людьми при необычных и неожиданных обстоятельствах именно в целях **испытания** идеи и человека идеи, то есть «человека в человеке» (это похоже на прямую ссылку Бахтина на Мартина Бубера [6], хотя здесь возможно и просто совпадение. – Ю. М.) ... сочетание авантюристичности, притом часто бульварной, с идеей, с проблемным диалогом... осмысливается и преодолевается у Достоевского на основе последовательного полифонизма его творчества» [2, с. 119].

Таким образом, бахтинский диалог требует выхода за пределы социальных ролей и идентичностей участников. Только так они смогут продемонстрировать свою открытость в продолжительном диалоге, происходящем здесь и сейчас. Только так они смогут выразить важные для них идеи и ценности и, таким образом, даже само их бытие – сложившиеся отношения с другими людьми, которые являются значимыми, важными и любимыми. Вспоминается диалог Шатова со Ставрогиным из романа Достоевского «Бесы»: «Мы два существа и сошлись в **беспредельности... в последний раз в мире**. Оставьте ваш тон и возьмите **человеческий!** Заговорите хоть раз в жизни голосом человеческим» [цитируется по: 2, с. 201].

Бахтин подчеркивает, что этому испытанию личности в онтологическом диалоге, где сталкиваются индивидуальные правды участников, часто способствует встреча с незнакомцами и определенная степень отчуждения. Этот процесс часто происходит на рыночной площади (агоре), где незнакомые люди встречаются в публичном пространстве по разным причинам и с разными интересами, где люди отчуждены от своих сообществ, особенно в условиях капитализма. Бахтин назвал этот процесс лишения людей их окончательно сформировавшихся социальных ролей, статусов, генеалогии и идентичности «карнавализацией»:

«Карнавализация – это не внешняя и неподвижная схема, которая накладывается на готовое содержание, а необычайно гибкая форма художественного видения, своего рода эвристический принцип, позволяющий открывать новое и до сих пор невиданное. **Релятивизуя** все внешне устойчивое, сложившееся и готовое, карнавализация с ее пафосом смен и обновлений позволила Достоевскому проникнуть в глубинные пласты человека и человеческих отношений. Она оказалась удивительно продуктивной для художественного постижения развивающихся капиталистических отношений, когда прежние формы жизни, моральные устои и верования превращались в «гнилые веревки» и обнажалась скрытая до этого амбивалентная и незавершимая природа человека и человеческой **мысли**. Не только люди и их поступки, но и идеи вырвались из своих замкнутых иерархических гнезд и стали сталкиваться в фамильярном контакте «абсолютного» (то есть ничем не ограниченного) диалога. Капитализм, как некогда «сводник» Сократ на афинской базарной площади, сводит людей и идеи» [2, с. 188]. (Бахтин также критиковал капитализм за создание условий одиночества, унижения, объективизации («материализация человека») и отсутствия признания, что часто приводит к чрезмерному диалогизму как другой форме чрезмерного монологизма, Капитализм создал условия для особого типа неизбежно одинокого сознания. Достоевский разоблачает всю фальшь этого сознания, поскольку оно движется по своему порочному кругу. – Ю. М.)

Бахтинский диалог – это не диалог друзей, не родственный диалог, не общинный диалог [25], скорее, это диалог встретившихся незнакомцев – чужих, не укорененных и лишенных своей общинной идентичности [21].

Деконструктивный критический диалог о трикстере

Бахтин утверждал, что, как и в жанре менипповой сатиры, в полифоническом диалоге Достоевского «истина становится диалогически проверяемой и вечно проверяемой» [30, с. 319], или, говоря словами самого Бахтина,

«Важнейшая особенность жанра мениппеи состоит в том, что самая смелая и необузданная фантастика и авантюра внутренне мотивируются, оправдываются, освящаются здесь чисто идейно-философской целью – создавать **исключительные ситуации** для провоцирования и испытания философской идеи – слова, **правды**, воплощенной в образе мудреца, искателя этой правды. Подчеркиваем, что фантастика служит здесь не для положительного воплощения правды, а для ее искания, провоцирования и, главное, для ее испытания...

Испытание мудреца есть испытание его философской позиции в мире, а не тех или иных, независимых от этой позиции, черт его характера. В этом смысле можно сказать, что содержанием мениппеи являются приключения идеи или правды в мире: и на земле, и в преисподней, и на Олимпе... Мениппея – это жанр «последних вопросов». В ней испытываются последние философские позиции. Мениппея стремится давать как бы последние, решающие слова и поступки человека, в каждом из которых – весь человек и вся его жизнь в ее целом. [2, с. 129, 130].

Бахтинский диалог по своей сути является деконструктивным. Его участники воспринимаются как разрушители важных и привычных истин, существующих идеологических позиций, устоявшихся взглядов и желаний, оказывающихся в подчинении у существующей культуры.

В отличие от многих других практик, таких как игра, где условием участия является принятие многого на веру, бахтинский диалог требует (временно) воздержаться от принятия утверждений на веру [11]. Спор с чужими (и своими) убеждениями, деконструкция принятых норм, правил, договоренностей, позиций – обязательная черта трикстера, но не тролля. Трикстер впадает в диссидентство, посвящая себя поиску альтернативного видения Добра, Истины и Красоты.

Троль берет на себя обязательство уничтожить концепцию авторского голоса, его чувство Добра, Истины и Красоты как таковое, чтобы получить власть. В отличие от трикстера, тролль не заинтересован в проверке истины, идеи и «человека в человеке» [2, с. 68, 70, 119]: «Диалогическое испытание идеи есть одновременно и испытание человека, ее представляющего» [2, с. 126]. Троль только маскируется под трикстера и не принимает на себя никаких идеологических обязательств. Соответственно, невозможно проверить и его идейную позицию, а цинизм тролля труслив и манипулятивен.

Деконструктивная природы бахтинского диалога позволяет определить его как образовательный, исходя из известной формулы Сократа: «Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы ее жить» [34].

Морально-онтологическая природа диалога

Бахтин утверждал, что природа диалога в произведениях Достоевского не чисто эпистемологическая, а скорее нравственная и онтологическая: «"Идей в себе" в платоновском смысле или "идеального бытия" в смысле феноменологов Достоевский не знает, не созерцает, не изображает. Для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы ничьими – были бы "в себе"» [2, с. 40].

Скорее, герои Достоевского противостоят друг другу в споре в самых разных формах. Их болезни, поступки, мечты, мировоззрение, репутация, жизненный опыт и судьбы либо получают словесное оформление, либо остаются в своем первоначальном виде.

Бахтин утверждал, что судьба человека является частью его голоса и, таким образом, человек участвует в диалоге своей судьбой:

«Определение голоса. Сюда входит и высота, и диапазон, и тембр, и эстетическая категория (лирический, драматический и т. п.). Сюда входит и мировоззрение, и судьба человека. Человек как целостный голос вступает в диалог. Он участвует в нем не только своими мыслями, но и своей судьбой, всей своей индивидуальностью [1, с. 351].

«Отсюда изображение страданий, унижений и **непризнанности человека** в классовом обществе. У него отняли признание и отняли имя. Его загнали в вынужденное одиночество, которое непокорные стремятся превратить в **гордое одиночество** (обойтись без признания, без других)» [1, с. 345].

Бахтинский диалог происходит на пороге, поскольку Достоевский «всегда изображает человека на **пороге** последнего решения, в момент **кризиса** и незавершенного – и **непредопределимого** – поворота его души» [2, с. 72]. На этом пороге окончательного решения, в кризисе индивидуальности, идеи, ценности, мечты и поступки человека – личная истина (правда), которой он привержен – все подвергаются вызову и проверке альтернативными правдами других. Приверженность человека поиску и ответу на вызовы самому себе и другим, является основой бахтинской этики, сформулированной им в понятии ответственности.

«Поэтому не жизнь идеи в одиноком сознании и не взаимоотношения идей, а взаимодействие сознаний в сфере идей (но не только идей) изображал Достоевский. А так как сознание в мире Достоевского дано не на пути своего становления и роста, то есть не исторически, а **рядом** с другими сознаниями, то оно и не может сосредоточиться на себе и на своей идее, на ее имманентном логическом развитии и втягивается во взаимодействие с другими сознаниями. Сознание у Достоевского никогда не довлеет себе, но находится в напряженном отношении к другому сознанию» [2, с. 40–41].

Образовательный режим бахтинского диалога

Итак, как может выглядеть образовательный режим бахтинского диалога?

Но что такое образовательный режим, и почему бахтинский диалог может быть вовлечен в него? В политическом смысле «режим» – это определенная, относительно стабильная организация политики. Политика – это навязывание действий, ценностей и суждений людям, которые не согласны с навязываемыми действиями, ценностями и суждениями, но вынуждены принимать это навязывание как легитимное с их точки зрения. Так, в условиях «принудительного» образования учащиеся могут согласиться с предложенной учебной программой, исходя из того, что институциональный орган образования лучше знает, что им следует изучать; другими словами, учащиеся могут принять кантовский образовательный патернализм. Напротив, в моих классах с демократическим управлением учащиеся голосуют за темы для изучения, и меньшинство принимает тему, за которую проголосовало большинство. В качестве альтернативы, когда голоса разделились поровну, мои ученики могут выбрать: бросить монетку, запланировать конкурирующие темы одну за другой или попросить меня, своего учителя, выбрать следующую тему. То, что в этом случае им приходится смириться с изучением темы, которая им не интересна и за которую они не голосовали, воспринимается ими как неизбежное следствие подобного компромисса.

С другой стороны, у моих учеников также есть другой выбор: они могут избежать вовлеченности в «политику», пропустив то занятие, на котором изучается не нравящаяся им тема. Вместо этого они могут изучать интересующую их тему самостоятельно или с желающими вне наших классных занятий. На одном из моих занятий студенты разделились на две группы, чтобы изучать темы по своему выбору в одной аудитории, обращаясь ко мне за помощью или подсказками при их изучении [см.: 22]. Утверждение свободы от навязывания (т. е. предоставление прав) само по себе является политическим актом, поскольку оно навязывает свободу от навязывания тем, кто в противном случае может захотеть ее навязать. Установление легитимного права держаться подальше от политики – легитимное навязывание – само по себе является политическим актом. У моих учеников есть политическое право не

приходить на собрания класса – я, их учитель, не могу заставить их прийти (т. е. так называемое «свободное посещение») [20].

Как видно из вышесказанного, бахтинский диалог основан на определенных правах сознаний. Право само по себе устанавливается организацией политики – частью политического режима. Говоря о «сознаниях с равными правами», Бахтин использовал политический язык для определения диалога в своей философии диалогизма. Если бахтинский диалог станет ядром образования, как может выглядеть его образовательный режим? Каковы политические принципы бахтинского диалога в образовании?

Самообразование

Первый политический принцип бахтинского диалога в образовании – самообразование ученика. Студент имеет законное право быть последней инстанцией в определении собственного образования: учиться или не учиться, что изучать (т. е. учебный план), как учиться (т. е. обучение), с кем учиться, когда учиться, где учиться, зачем учиться и как определить образование – его цель и качество в первую очередь [19: 22]. Этот политический принцип права на самообразование следует из определения Бахтиным его диалога как «сознания с равными правами». Современное образование – это преимущественно навязанное образование (за исключением «демократического образования», которое основано на самонаправленном обучении). Навязанное образование оправдывается кантовским образовательным патернализмом, который отрицает политическое право учащихся на самообразование. Согласно Канту, невежественные, незрелые, и неразумные люди не могут принимать правильные решения о своей судьбе – их нужно сначала обучить, против их воли, если это необходимо, прежде чем их автономия и достоинство будут признаны обществом [9].

Патернализм, «вмешательство в свободу человека ради его же блага» [8, с. 67], является формой монологизма, и это противоречит бахтинскому диалогу. Это не означает, что патернализм всегда неправилен, поскольку люди являются не только авторами своих представлений, убеждений, ценностей, идей и поступков, но и физическими, биологическими, психологическими, социальными объектами. Например, мою жизнь несколько раз спасали незнакомые люди, которые вытаскивали меня из-под колес приближающейся машины, потому что я пытался перейти дорогу, посмотрев не в ту сторону в городе Претория (Южно-Африканская Республика). В тот момент я меньше всего нуждался в бахтинском диалоге. Я оценил патерналистское вмешательство незнакомцев, которые для того, чтобы спасти мою жизнь, применили в отношении меня определенное насилие (если не сказать: действовали в отношении меня жестко), обращались со мной как с физическим объектом, а не как с субъектом для диалога. Однако в образовании, особенно в бахтинском диалогическом образовании, участники являются субъектами, а не объектами. Именно поэтому я утверждаю в своих работах, что кантовский образовательный патернализм по своей сути антиобразователен [см.: 15; 16, 19; 22].

Хотя политический принцип права студента на самообразование может быть выведен из бахтинского определения диалога, политический принцип самообразования – более широкое понятие, чем бахтинский диалог. Поскольку студент имеет право определять свое собственное образование, его определение образования может не быть основано на бахтинском диалоге. Вместо этого оно может включать в себя тренинг – обучение самодостаточным и деконтекстуализированным навыкам и фрагментам знаний. Это также может быть некритичная, но творческая социализация студента в желаемой им практике (например, стать шеф-поваром ресторана) и т. д. [16]. Поскольку бахтинский диалог уважает и легитимизирует невступление в диалог как право участника, выбор студента не определять образование как бахтинский диалог признается в бахтинском диалогическом образовании. Бахтинское диалогическое образование по своей сути плюралистично – оно отвергает распространенную тенденцию требовать монополии на образование по своему образу и подобию [26].

Симдидакт

Недавно я выделил следующие пять форм самообразования [22]: автодидакт [autodidact] (самостоятельное обучение), симдидакт [symdidact] (обучение со сверстниками), консультирование [advisement] (обучение с помощью консультанта), одигосдидакт [odigósdidact] (обучение с преподавателем с одобрения студента) и автопатернализм [autopaternalism] (студент требует, чтобы преподаватель подталкивал его к учебе). Из этих пяти форм самообразования только симдидакт – т. е. обучение с более или менее равными сверстниками – однозначно подходит под формат бахтинского диалога, хотя не любой симдидакт может включать в себя бахтинский диалог. Консультирование, одигосдидакт и автопатернализм предполагают стабильные роли участников и особые ролевые ориентации быть кем-то, кто не является полностью всей личностью («личностью-в-личности») (ср. обсуждение «ориентации на преподавателя» [23]). (Я старался избежать сексистского звучания на английском языке «человек-в-человеке» – ‘men to men’. – Ю.М.). Так, например, в ситуации учителя-консультанта, принуждающего студента к учебе, хотя и по просьбе последнего нарушаются перечисленные выше принципы бахтинского диалога. Бахтинский диалог не знает особых стабильных ролей и их стабильных ориентаций.

Рассмотрим случай одигосдидактной формы самообразования. В диалоге Сократа с юношей по имени Менон – он пришел к Сократу, своему учителю, чтобы попросить помочь ему разобраться в происхождении добродетелей: можно ли им научиться или они являются врожденными. Этот политический вопрос был весьма актуален в Афинах, где демократия в то время переживала кризис. Если добродетели можно научить, то власть демоса является хорошим политическим режимом, и наоборот, власть аристократов была более надежным политическим режимом, если добродетели были врожденными. Однако Сократ был заинтересован в обсуждении определения и природы добродетели. Сократ признал приоритет запроса Менона над своим собственным: ведь именно Менон попросил у Сократа о помощи, а не наоборот [33, р. 51–52]. Таким образом, Сократ принял на себя функцию учителя, хотя действовал при этом достаточно неискренне и манипулятивно (см. мой анализ здесь: [13]; но это уже другая история). Сократ, учитель/наставник, не мог полностью и на законных основаниях погрузиться в вопросы, глубоко интересовавшие его самого, ведя диалог с Меноном, своим учеником/подопечным.

Учитель помогает самообразованию ученика, а не занимается своим собственным образованием. Помимо педагогической ориентации на самообразование – как лучше научить ученика – самообразование учителя в лучшем случае является периферийным и случайным, а в худшем – мешает самообразованию ученика. Сознания учителя и ученика не имеют равных прав по определению. Это определяет направленность учителя на помощь в развитии уникального голоса ученика и его авторства. У ученика нет аналогичной приверженности своему учителю. У ученика нет подобных обязательств: он может быть самим собой в диалоге с учителем или сверстниками. Учитель должен выполнить свою педагогическую роль – обеспечить помощь. В бахтинском диалоге ученик – это не роль, а особая форма целостного бытия. Студент обращает внимание на свою и чужую рефлексивность, идеи, мнения, ценности, суждения, запросы, недоумения и т. д., чтобы понять их смысл. Напротив, учитель обращает внимание на «белые пятна» и сильные стороны ученика – то есть на его педагогические потребности. Учитель и ученик не являются равноправными партнерами в диалоге, что нарушает главный принцип бахтинского диалога, настаивающий на равноправии участвующих сознаний. Также бахтинский диалог не знает особых стабильных ролей и стабильных ориентаций для своих участников.

Что касается автодидакта, который учится через диалоги с самим собой и с текстами (и мультимедиа), а не с живыми людьми, то, на мой взгляд, Сократ правильно оспаривал «диалог с текстом» как подлинный диалог:

Согласно Сократу [32, с. 156–162], письменная речь исключает читателя из [производства] и обсуждения текста – диалога. Письменный текст не отвечает по-разному

различным аудиториям, которые с ним взаимодействуют. Письменный текст не может ответить на вопросы аудитории, в результате чего аудитория считает письменный текст непонятным или даже ошибочным. Таким образом, [вся] ответственность за адекватное понимание письменного текста лежит на читателе. Письменный текст превращает речь в распространение информации от одного ко многим. Напротив, в устной речи (точнее, в диалогической практике) говорящий и слушающий имеют очень временные и взаимозаменяемые роли и часто оба симметрично называются говорящими в диалоге. В письменном тексте роли писателя и читателя стабильны и асимметричны. Устная речь предполагает воплощенное и расположенное производство/потребление текста, в то время как в письменном тексте производство и потребление часто развоплощены и деконтекстуализированы от непосредственных жизненных потоков участников – письменный текст остается материально неизменным и не реагирует на новые аргументы читателей или новые обстоятельства писателя (письменный текст может «отомстить» создателю в изменившихся жизненных обстоятельствах) [29, с. 203].

За исключением симдидакта, все остальные формы самообразования искажают и компрометируют бахтинский диалог. Более того, это происходит даже в том случае, если участники процесса самообразования могут быть привлечены и глубоко преданы бахтинскому диалогическому образованию.

Агора

Классическая афинская Агора, расположенная в оливковых садах у подножия Акрополя, была центром общественной жизни афинского полиса. Прежде всего, это был рынок, куда местные жители и чужестранцы приносили свои товары на продажу. Это было также судебное место. Афиняне мужского пола приходили сюда, чтобы проверить, не выбрали ли их в присяжные для рассмотрения некоторых судебных дел в Перистильном суде. Это было политическое пространство города, где проходили собрания, на которых обсуждались общественные вопросы, выслушивались аргументы и принимались решения. Это было религиозное пространство с несколькими храмами. Это место, где можно было подвергнуть остракизму своих сограждан, опустив табличку с именем преступника (или обидчика) в специальную урну. Это было место публичных сплетен и народных гуляний. И да, это было место, где можно было подслушивать, слушать, обращаться и обсуждать интересные политические и философские вопросы с мудрецами, место, куда люди приходили послушать Сократа, его учеников, софистов и других философов и уходили по своему желанию.

Агора была местом для встреч и смешивания несмешиваемого; местом для встречи с незнакомыми людьми, а также с родственниками, соседями и друзьями; местом для заранее запланированных и случайных действий, заранее подготовленных речей и многоголосых споров, место для поэзиса и праксиса; местом встречи общественного и частного, регламентации и импровизации, строгого ритуала и безудержного празднества. Агорой правил Аполлон, бог света, рационального мышления и порядка, вызывающий к логике, благоразумию и чистоте. Также Агорой правил Дионис, бог вина и неистовых плясок, иррациональности и хаоса, вызывающий к эмоциям и инстинктам. (Ср. «теорию трех рюмок» образовательного диалога Александра Сидоркина [36]). Именно поэтому афинская Агора является идеальной метафорой места, где бахтинский диалог может происходить непринужденно.

Следует подумать, какие еще образовательные режимы можно выделить из бахтинского диалога.

Заключение

Мой анализ бахтинского диалога и его образовательного режима поднимает, по крайней мере, два важных вопроса. Во-первых, действительно ли педагоги, преданные идее бахтинского диалога, хотят ограничиться только бахтинским диалогом с его акцентированным плюрализмом неслиянных сознаний, обладающих равными правами; проверкой не только людей-носителей идей, но и самих идей; лишением людей их стабильных ролей,

идентичностей и ориентаций; фокусировкой на онтологически заряженных, «окончательных проклятых» вопросах; ограничиться представлением участников диалога как других и рассмотрением образования как деконструктивного по существу феномена? Должны ли его участники (студенты и преподаватели) быть вовлечены в него частично или полностью, и в случае последнего, по каким причинам и на каких условиях? Какие другие типы диалога и не-диалога следует включить в дополнение к бахтинскому диалогу или вместо него и почему?

Во-вторых, действительно ли педагоги, исповедующие бахтинский диалог, хотят следовать образовательному режиму, возникающему из бахтинского диалога, основанного на принципе самообразования (а не на кантовском образовательном патернализме), на симдидакте (а не на традиционном обучении)? Что для них предпочтительнее – проявить собственную уязвимость в диалоге со своими учениками или спрятаться за типичностью и абстракцией? Строить Агору или предмет и класс? Превратятся ли в этих обстоятельствах педагоги в анахронизм или они станут учениками среди других учеников? Должны ли они быть вовлечены в свое собственное самообразование – частично или полностью? И в случае последнего, по каким причинам и на каких условиях?

Какие другие типы образовательных режимов следует включить в дополнение к бахтинскому диалогическому образовательному режиму и почему? Эти вопросы важны, потому что, как я показал, бахтинский диалог содержит в себе релятивистский, философский и жанровый плюрализм, который стимулирует к подключению другие, не-бахтинские, режимы. Кроме того, самоопределение людей в диалоге и в образовательном процессе требует признания того, что их участники должны иметь законное право определять и переопределять диалог, свое (само)образование и свой образовательный режим.

Автор выражает надежду, что статья станет поводом для дальнейшего обстоятельного разговора.

*Авторизованный перевод с английского
Д.А. Дубровской и А.Д. Владимировой (под ред. С.А. Дубровской)*

1. *Бахтин М.М.* Работы 1940-х – начала 1960-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. 732 с.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. С. 6–300.
3. Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению. Материалы XVII Международной Бахтинской конференции / отв. ред. Н.И. Воронина, ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Ключева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. 325 с.
4. *Осовский О.Е., Киржаева В.П.* Диалогическая педагогика М.М. Бахтина и возможности полифонического исследования в образовательной практике. Рецензия на монографию: Matusov E., Marjanovic-Shane A., Gradovski M. Dialogic pedagogy and polyphonic research art: Bakhtin by and for educators. L.; N.Y. A.O.: Palgrave Macmillan, 2019. 326 p.) // Гуманитарные науки и образование. 2019. Т. 10, № 3(39). С. 160–163.
5. *Brandist C., Gardiner, M. E., White, E. Jayne, & Mika, C. (Eds.).* Bakhtin in the Fullness of Time: Bakhtinian Theory and the Process of Social Education. London: Routledge, 2020.
6. *Buber M.* Between man and man. London: Routledge, 2002.
7. Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. [Электронный ресурс]. URL: <https://dpj.pitt.edu/ojs/dpj1/about>
8. *Dworkin G.* Paternalism. The Monist. 1972. N 56(1), pp. 64–84.
9. *Kant I.* (1784). An answer to the question: What is Enlightenment? Retrieved from https://www.stmarys-ca.edu/sites/default/files/attachments/files/Kant--What%20Is%20Enlightenment_.pdf
10. *Lensmire T.J.* The teacher as Dostoevskian novelist. Research in the Teaching of English. 1997. N 31(3), pp. 367–392.
11. *Marjanovic-Shane A.* “Spoilsport” in drama education vs. dialogic pedagogy. Dialogic Pedagogy: An International Online Journal, 4, A45-A80. doi:10.5195/dpj.2016.151.

12. *Matusov E.* Journey into dialogic pedagogy. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2009.
13. *Matusov E.* Comprehension: A dialogic authorial approach. *Culture & Psychology*. 2015. N 21(3), pp. 392–416. doi:10.1177/1354067X15601197
14. *Matusov E.* A student's right to freedom of education and a teacher's fiduciary obligation to support it: Reply to the commentaries. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2020. N 8, SF97-SF114. doi:10.5195/dpj.2020.357
15. *Matusov E.* A student's right to freedom of education. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2020. N 8, SF1-SF28.
16. *Matusov E.* Envisioning Education in a Post-Work Leisure-Based Society: A Dialogical Approach. Springer. Palgrave Macmillan, 2020. 332 p.
17. *Matusov E.* Progressive education is the opium of the educators. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 2021, N 56(4), pp. 1–34.
18. *Matusov E.* The relationship between education and learning and its consequences for dialogic pedagogy. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2021. N 9, E1-E19.
19. *Matusov E.* Teacher as a benevolent dictator. In: R.L. Hampel (ed.), *Radical Teaching in Turbulent Times: Martin Duberman's Princeton Seminars, 1966–1970*. New York: Palgrave Macmillan, 2021, pp. 207–226.
20. *Matusov E.* Community vs. society: The normative vision of sociality in joint self-education. *Culture and Psychology*. 2022. Pp. 1–27. doi:10.1177/1354067X221147681
21. *Matusov E.* The teachers' pedagogical fiduciary duty to their students. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2022. Pp. 1–26. doi:10.1007/s12124-022-09690-8
22. *Matusov E., & Brobst, J.* Radical experiment in dialogic pedagogy in higher education and its centaur failure: Chronotopic analysis. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2013.
23. *Matusov E., & Marjanovic-Shane, A.* Rehabilitation of power in Democratic Dialogic Education. In: K. Jezierska & L. Koczanowicz (Eds.), *Democracy in dialogue, dialogue in democracy* Farnham, UK: Ashgate Publishing Ltd., 2015, pp. 193–209.
24. *Matusov E., & Marjanovic-Shane A.* Typology of critical dialogue and power relations in Democratic Dialogic Education. In: K. Jezierska & L. Koczanowicz (eds.), *Democracy in dialogue, dialogue in democracy*. Farnham, UK: Ashgate Publishing, Ltd., 2015, pp. 211–229.
25. *Matusov E., & Marjanovic-Shane, A.* The State's Educational Neutrality: Radical proposal for educational pluralism (Editorial). *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2016. N 4, E1-E26. doi:10.5195/dpj.2016.170
26. *Matusov E., Marjanovic-Shane, A., & Gradovski, M.* Dialogic pedagogy and polyphonic research art: Bakhtin by and for educators: Palgrave Macmillan, 2019.
27. *Matusov E., & Miyazaki, K.* Dialogue on dialogic pedagogy. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*, 2014. N 2, SI:ddp-1 - SI:ddp-47. doi:10.5195/dpj.2014.121
28. *Matusov E., & St. Julien, J.* Print literacy as oppression: Cases of bureaucratic, colonial, totalitarian literacies and their implications for schooling. *TEXT: International Journal*. 2004. N 24(2), pp. 197–244.
29. *Morson G.S.* The process of ideological becoming. In: A.F. Ball & S.W. Freedman (eds.), *Bakhtinian perspectives on language, literacy, and learning*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004, pp. 317–331.
30. *Osovsky O., Dubrovskaya S., Kirzhaeva V., Maslova E.* Ken Hirschkop's "new Bakhtin" for the English-speaking students. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2022. V. 10. P. 1–9. [Электронный ресурс]. URL: <https://dpj.pitt.edu/ojs/dpj1/article/view/521/248>
31. *Plato. Phaedrus* (R. Hackforth, trans.). Cambridge, UK: University Press, 1952.
32. *Plato & Bluck R.S. Meno*. Cambridge, UK: University Press, 1961.
33. *Plato & Riddell J.* The Apology of Plato, with a revised text and English notes, and a digest of Platonic idioms. New York: Arno Press, 1973.
34. *Shread C. & Osório M.* School Circles: Wondering school in the Netherlands [documentary film]. Netherlands: Wonder school, 2018.
35. *Sidorkin A.M.* Beyond discourse: Education, the self, and dialogue. Albany, NY: State University of New York Press, 1999.
36. *Sidorkin A.M.* Learning relations: Impure education, deschooled schools & dialogue with evil. New York: P. Lang, 2002.

The educational regime of the Bakhtinian dialogue

© 2023 Eugene Matusov

Eugene Matusov, professor in the School of Education at the University of Delaware.

E-mail: ematusov@udel.edu

University of Delaware. Newark, USA

Annotation. Today dialogue-oriented educational theorists and practitioners are attracted to Bakhtin's notion of dialogue. In my article, I identify the five main features of Bakhtin's dialogue and consider what kind of educational mode is formed on its basis. The result of the article is a problematization of Bakhtin's dialogue and the educational practice associated with it.

Keywords: Bakhtin, dialogic pedagogy, educational regime, Bakhtinian dialogue, a plurality of unmergeable consciousnesses with equal rights.

1. Bahtin M.M. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov // Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. 732 s.
2. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo // Bahtin M.M. Sobranie sochinenij: v 7 t. T. 6. M.: Russkie slovari: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. S. 6–300.
3. Idei Mihaila Bahtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k polifonicheskomu myshleniyu. Materialy XVII Mezhdunarodnoj Bahtinskoj konferencii / otv. red. N.I. Voronina, red.-sost.: S.A. Dubrovskaya, I.V. Klyueva, A.A. Sychev. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2021. 325 s.
4. Osovskij O.E., Kirzhaeva V.P. Dialogicheskaya pedagogika M.M. Bahtina i vozmozhnosti polifonicheskogo issledovaniya v obrazovatel'noj praktike. Recenziya na monografiyu: Matusov E., Marjanovic-Shane A., Gradovski M. Dialogic pedagogy and polyphonic research art: Bakhtin by and for educators. L.; N.Y. A.O.: Palgrave Macmillan, 2019. 326 p.) // Gumanitarnye nauki i obrazovanie. 2019. T. 10, № 3(39). S. 160–163.
5. Brandist C., Gardiner, M. E., White, E. Jayne, & Mika, C. (Eds.). Bakhtin in the Fullness of Time: Bakhtinian Theory and the Process of Social Education. London: Routledge, 2020.
6. Buber M. Between man and man. London: Routledge, 2002.
7. Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dpj.pitt.edu/ojs/dpj1/about>
8. Dworkin G. Paternalism. The Monist. 1972. N 56(1), pp. 64–84.
9. Kant I. (1784). An answer to the question: What is Enlightenment? Retrieved from [https://www.stmarys-ca.edu/sites/default/files/attachments/files/Kant--What%20Is%20Enlightenment .pdf](https://www.stmarys-ca.edu/sites/default/files/attachments/files/Kant--What%20Is%20Enlightenment.pdf)
10. Lensmire T.J. The teacher as Dostoevskian novelist. Research in the Teaching of English. 1997. N 31(3), pp. 367–392.
11. Marjanovic-Shane A. “Spoilsport” in drama education vs. dialogic pedagogy. Dialogic Pedagogy: An International Online Journal, 4, A45-A80. doi:10.5195/dpj.2016.151.
12. Matusov E. Journey into dialogic pedagogy. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2009.
13. Matusov E. Comprehension: A dialogic authorial approach. Culture & Psychology. 2015. N 21(3), pp. 392–416. doi:10.1177/1354067X15601197
14. Matusov E. A student's right to freedom of education and a teacher's fiduciary obligation to support it: Reply to the commentaries. Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2020. N 8, SF97-SF114. doi:10.5195/dpj.2020.357
15. Matusov E. A student's right to freedom of education. Dialogic Pedagogy: An International Online Journal. 2020. N 8, SF1-SF28.
16. Matusov E. Envisioning Education in a Post-Work Leisure-Based Society: A Dialogical Approach. Springer. Palgrave Macmillan, 2020. 332 p.
17. Matusov E. Progressive education is the opium of the educators. Integrative Psychological and Behavioral Science, 2021, N 56(4), pp. 1–34.

18. Matusov E. The relationship between education and learning and its consequences for dialogic pedagogy. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2021. N 9, E1-E19.
19. Matusov E. Teacher as a benevolent dictator. In: R.L. Hampel (ed.), *Radical Teaching in Turbulent Times: Martin Duberman's Princeton Seminars, 1966–1970*. New York: Palgrave Macmillan, 2021, pp. 207–226.
20. Matusov E. Community vs. society: The normative vision of sociality in joint self-education. *Culture and Psychology*. 2022. Pp. 1–27. doi:10.1177/1354067X221147681
21. Matusov E. The teachers' pedagogical fiduciary duty to their students. *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2022. Pp. 1–26. doi:10.1007/s12124-022-09690-8
22. Matusov E., & Brobst, J. *Radical experiment in dialogic pedagogy in higher education and its centaur failure: Chronotopic analysis*. Hauppauge, NY: Nova Science Publishers, 2013.
23. Matusov E., & Marjanovic-Shane, A. Rehabilitation of power in Democratic Dialogic Education. In: K. Jezierska & L. Koczanowicz (Eds.), *Democracy in dialogue, dialogue in democracy* Farnham, UK: Ashgate Publishing Ltd., 2015. Pp. 193–209.
24. Matusov E., & Marjanovic-Shane A. Typology of critical dialogue and power relations in Democratic Dialogic Education. In: K. Jezierska & L. Koczanowicz (eds.). *Democracy in dialogue, dialogue in democracy*. Farnham, UK: Ashgate Publishing, Ltd., 2015. Pp. 211–229.
25. Matusov E., & Marjanovic-Shane, A. The State's Educational Neutrality: Radical proposal for educational pluralism (Editorial). *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2016. N 4, E1-E26. doi:10.5195/dpj.2016.170
26. Matusov E., Marjanovic-Shane, A., & Gradovski, M. *Dialogic pedagogy and polyphonic research art: Bakhtin by and for educators*: Palgrave Macmillan, 2019.
27. Matusov E., & Miyazaki, K. Dialogue on dialogic pedagogy. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*, 2014. N 2, SI:ddp-1 - SI:ddp-47. doi:10.5195/dpj.2014.121
28. Matusov E., & St. Julien, J. Print literacy as oppression: Cases of bureaucratic, colonial, totalitarian literacies and their implications for schooling. *TEXT: International Journal*. 2004. N 24(2), p. 197–244.
29. Morson G.S. The process of ideological becoming. In: A.F. Ball & S.W. Freedman (eds.). *Bakhtinian perspectives on language, literacy, and learning*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2004. Pp. 317–331.
30. Osovsky O., Dubrovskaya S., Kirzhaeva V., Maslova E. Ken Hirschkop's "new Bakhtin" for the English-speaking students. *Dialogic Pedagogy: An International Online Journal*. 2022. V. 10. P. 1–9. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dpj.pitt.edu/ojs/dpj1/article/view/521/248>
31. Plato. *Phaedrus* (R. Hackforth, trans.). Cambridge, UK: University Press, 1952.
32. Plato & Bluck R.S. *Meno*. Cambridge, UK: University Press, 1961.
33. Plato & Riddell J. *The Apology of Plato, with a revised text and English notes, and a digest of Platonic idioms*. New York: Arno Press, 1973.
34. Shread C. & Osório M. *School Circles: Wondering school in the Netherlands* [documentary film]. Netherlands: Wonder school, 2018.
35. Sidorkin A.M. *Beyond discourse: Education, the self, and dialogue*. Albany, NY: State University of New York Press, 1999.
36. Sidorkin A.M. *Learning relations: Impure education, deschooled schools & dialogue with evil*. New York: P. Lang, 2002.

Бахтин и Кирпотин: об одной странице из отечественной истории рецепции личности и идей М.М. Бахтина

© 2023 С.А. Дубровская*, А.В. Струкова**

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.*

E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

*Струкова Александра Владимировна, магистр филологии, преподаватель кафедры зарубежной
литературы Казанского (Приволжского) федерального университета*

E-mail: zuevasasha@inbox.ru

**Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия*

***Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, Россия*

Аннотация. Реконструкция отечественной рецепции личности и идей М.М. Бахтина – важная часть современного бахтиноведения. Одной из ее составляющих является построение индивидуальных траекторий бахтинской рецепции. Цель статьи – реконструировать взаимоотношения М.М. Бахтина и известного советского литературоведа В.Я. Кирпотина. На материале архива ученого, его мемуаров и эпистолярия, работ 1960-х – 1970-х гг. авторы выявляют специфику взглядов Кирпотина на полифонический роман, воспроизводят его частные высказывания, напоминают о роли литературоведа на бахтинской защите. По переписке Кирпотина и В.В. Кожина восстанавливается эпизод, связанный с публикацией очерка биографии Бахтина в сборнике «Проблемы поэтики и истории литературы» (Саранск, 1973).

Ключевые слова: М.М. Бахтин, В.Я. Кирпотин, В.В. Кожин, рецепция идей, личные архивы, полифонический роман, «Проблемы поэтики Достоевского».

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда: проект № 23-28-00175 «Мыслитель в своем отечестве: история российской рецепции идей М.М. Бахтина на фоне мировых вызовов».

Рецепция личности и идей того или иного мыслителя составляет важную часть его биографии, истории научной школы и интеллектуальной истории страны в целом. Реконструкция отечественной рецепции личности и идей М.М. Бахтина не проведена до сих пор, хотя отдельные попытки предпринимались отечественными и зарубежными исследователями. Здесь нужно назвать книгу К. Эмерсон «Первые сто лет Михаила Бахтина» [29], ряд заметных работ отечественных бахтиноведов, в частности Н.Л. Васильева [3], С.И. Кормилова [16], Н. Перлиной [26], В.Л. Махлина [17; 18], О.Е. Осовского [20; 21; 23], Н.А. Панькова [24] и др.

Сегодня в целом сформулировано общее представление об отечественной рецепции личности и идей Бахтина и ее этапах [см. подробнее: 22]. В то же время многие механизмы этого процесса, его отдельные периоды и конкретные детали нуждаются в уточнении [6]. В этом контексте одной из актуальных задач представляется определение «индивидуальных траекторий рецепции» (О.Е. Осовский), то есть детальное описание того, каким образом и в каком контексте воспринимался Бахтин конкретным участником отечественного интеллектуального процесса. На этом фоне привычная конструкция «Бахтин и...» обретает

новое измерение, не только превращаясь в элемент общей конструкции, но и меняя (в определенной степени) ее конфигурацию.

Цель статьи – реконструировать взаимоотношения Бахтина с Валерием Яковлевичем Кирпотиным (1899–1998), известным советским литературоведом и критиком, исследователем творчества Ф.М. Достоевского, активным участником литературной и общественной жизни страны 1920–1970-х гг. Опираясь на дневниковые записи и письма Кирпотина, иные материалы, опубликованные в 1990–2010-е гг., мы имеем возможность восстановить неизвестные детали биографии Бахтина. При этом одновременно показать, как уже сложившаяся к началу 1970-х гг. репутация Бахтина-литературоведа и мыслителя, его общественный авторитет сказываются на реакции Кирпотина в связи с небольшими неточностями, затрагивающими его имя. Речь идет о биографическом очерке (авторы – В.В. Кожин и С.С. Конкин), опубликованном в саранском «юбилейном сборнике» [28, с. 5–15]. Этот эпизод позволяет сегодняшнему исследователю представить характер восприятия не столько идей, сколько личности самого Бахтина советским литературоведческим истеблишментом эпохи.

Выбор Валерия Яковлевича Кирпотина в качестве героя нашей статьи обусловлен не только тем, что Кирпотин оставил воспоминания об участии в защите Бахтина, но и тем, что в своих работах он высказал некоторые критические соображения по поводу концепции полифонического романа и бахтинской интерпретации Достоевского в целом. Прежде чем перейти к анализу кирпотинского кейса в истории отечественной рецепции Бахтина и бахтинского наследия, напомним о самой личности исследователя, тем более, что есть историко-биографические и даже географические пересечения Бахтина и Кирпотина.

Хорошо известно, что Кирпотин играл заметную роль в истории не только советской литературы, но и советской культуры и общественной мысли [см.: 4; 7]. С одной стороны, он – функционер, сформировавшийся к концу 1920-х гг., и занимавший несколько значительных постов в партийной и литературной иерархии; с другой, в своих лучших работах он – тонкий интерпретатор отдельных сторон творчества Достоевского, инициатор проведения юбилейных мероприятий к 125-летию со дня рождения писателя и даже жертва борьбы с космополитизмом на рубеже 1940–1950-х гг.

Биография Кирпотина, «ровесника железного века» – важнейший источник сведений о литературной, научной и общественно-политической жизни страны 1920-х – 1980-х гг. Родившийся в благополучной еврейской семье в г. Ковно в Виленском крае (и здесь первое пересечение с биографией Бахтина, который провел несколько лет своего детства в Вильно), подростком в годы Первой мировой войны он переезжает в Орел (второе пересечение), где завершает гимназическое образование. После февраля 1917 г. Кирпотин становится участником политических событий, примыкая сначала к меньшевикам, а затем переходя к большевикам, редактируя большевистскую газету. В 1919 г. он вступает в коммунистическую партию, и с этого момента выстраивает свою карьеру в партийной печати, в особом отделе и органах военно-политического просвещения. Есть в биографии Кирпотина и «темные страницы» – служба в дивизионном Особом отделе, работа после Гражданской войны в Коминтерне и соответствующие служебные командировки в страны Западной Европы.

По окончании Института красной профессуры, а затем Института языка и литературы Комкадемии, Кирпотин, молодой проверенный коммунист, возглавляет кафедру марксизма в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева в Ленинграде, оказавшись в числе тех, кому поручено обеспечить контроль партийного центра над городом, бывшим оплотом зиновьевской оппозиции. В Ленинграде в 1929 г. он публикует свою первую книгу «Радикальный разночинец Д.И. Писарев» в издательстве «Прибой»: «Времена в издательствах были не бюрократические. Я отнес свою рукопись в товарищество «Прибой», мою книгу прочли и через месяц сказали:

– Берем!

По выходе в свет книга обратила на себя внимание, но не историков, на что я рассчитывал, а литературоведов и литературных критиков [12, с. 127].

Как известно, именно в этом издательстве и в том же году были опубликованы «Проблемы творчества Достоевского». Очевидно, в эти годы происходит знакомство Кирпотина с П.Н. Медведевым, о котором он рассказывал Н.А. Панькову в начале 1990-х гг.: «Волошинова Кирпотин не знал. С Медведевым был знаком, и тот показался ему человеком «неглубоким» («не мог он написать сильную книгу») [24, с. 114]. Трудно сказать определенно, пересекался ли в это время Кирпотин с Бахтиным, но судя по его воспоминаниям, бахтинскую книгу о Достоевском он знал с момента ее появления. По крайней мере, именно такое впечатление оставляет приводимая Паньковым цитата. Речь идет о встрече в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР (ИМЛИ) весной 1946 г.: «Помню, сижу я в ИМЛИ, в своем кабинете, заходит Бахтин. Просит поставить на защиту его работу. Говорит: “Нужна степень, чтобы получить карточки” (ему продовольственные карточки без этого не давали). Я тогда был заместителем директора ИМЛИ. А директором был Шишмарев <...> Бахтина я до этого лично не знал. Знал, что его выслали из Ленинграда, но сделал вид, что этого не знаю. Времена тогда были железные... Книгу его о Достоевском я оценил, но не соглашался с нею» [24, с. 113].

Напомним, что до работы в ИМЛИ Кирпотин переживает несколько серьезных карьерных взлетов: он принимает активное участие в создании Союза писателей СССР, по совокупности своих литературоведческих работ в 1936 г. получает степень доктора филологических наук без защиты диссертации, в течение нескольких лет занимает должности заведующего сектором художественной литературы управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), ответственного секретаря «Организационного комитета Союза писателей СССР». С 1937 г. он – старший научный сотрудник ИМЛИ. Кирпотин много публикуется, в числе изданий – книги с выразительными названиями «Наследие Пушкина и коммунизм» (1936), «Политические мотивы в творчестве Лермонтова» (1939) и др.

В октябре 1945 г. директор ИМЛИ академик В.Ф. Шишмарев предложил Кирпотину занять должность заместителя директора по научной работе, полагая целесообразным ввести в руководство института молодого и энергичного человека с хорошими литературными и партийно-административными связями. «Передо мной особенно остро стоит вопрос со вторым заместителем директора, который ведал бы научной частью, – писал 30 октября Шишмарев Кирпотину <...> Раздумывая по поводу научной части, я остановился на Вашей кандидатуре. Вы специалист по русской литературе (и – западник), у Вас и связи с современной литературой, которой Вы и занимаетесь, и в жизни которой принимаете участие. Вы хорошо знаете институт, в котором работаете ряд лет, знаете, следовательно, его личный состав. У Вас связи с московскими научными работниками (чем я пока особенно похвалиться не могу); наконец, Вы член партии. Последнее обстоятельство немаловажно, так как я – беспартийный, и партийцев среди наших ведущих работников не очень много» [12, с. 538–539].

15 ноября 1946 г. именно Кирпотин в отсутствие Шишмарева, проголосовавшего заранее и покинувшего заседание, ведет процедуру защиты диссертации Бахтина. Согласимся с Н.А. Паньковым и И.Л. Поповой, полагавшими, что функции председательствующего Кирпотин исполнял профессионально, и практически семичасовая защита прошла без каких-либо нарушений [25, с. 91–153; 27, с. 70–83]. Судя по стенограмме Кирпотин не только предоставил слово официальным и неофициальным оппонентам, но и дал возможность А.А. Смирнову, И.М. Нусинову и А.К. Дживелегову выступить повторно, тем самым разрядив заметно накалившуюся атмосферу. Выступление самого Кирпотина было неоднозначным и содержало ряд критических замечаний, касавшихся одного из ключевых тезисов диссертации Бахтина. При этом для Кирпотина очевидны неординарность личности соискателя и масштаб работы, ее важность и значение для современной науки: «Наш диспут принял очень интересный и глубокий характер, и это хорошо. Обсуждаем не только вопрос о том, присуждать ли М.М. Бахтину кандидатскую или докторскую степень, мы обсуждаем также ряд вопросов по существу. Эрудиция диссертанта, творческий характер его научной деятельности не вызывают у нас сомнений, но спор разгорелся, и спор этот имеет большое значение» [1, с. 1048].

Кирпотин, как и выступавшие до него Н.К. Пиксанов и Н.Л. Бродский, принципиально не соглашается с тем, что условно можно назвать погружением Рабле в глубины средневековой народной культуры: «Один из тезисов диссертации гласит следующее: что если бы Рабле выступал бы только как гуманист, как человек эпохи Возрождения, то книга, написанная им, явилась бы посредственной и рядовой книгой. Мало того, – что те места, те главы в книге, где Рабле выступает как человек эпохи Возрождения, эти главы очень ординарны и неглубоки, а там Рабле становится таким великим, когда он в своей книге воскрешает или воспроизводит то, чем жило средневековье, при этом неофициальное средневековье, а жил народ в средние века. И тут начинается у меня ряд возражений. Мне кажется очень искусственным это разделение средневековья на официальную жизнь церкви и феодальной верхушки и на жизнь народа, в том смысле, что там идеология, которая относится только к фасаду, а если проникнуть за этот фасад, разбить его пинком ноги, приподнявши сутану, то мы откроем нечто совсем иное» [1, с. 1049].

При этом Кирпотин демонстрирует своеобразную «переимчивость»: на фоне традиционных марксистских представлений о сути феодального мира и феодальных отношений в Западной Европе звучит легко воспроизводимая терминология и фразеология Бахтина. «Мне кажется, разделение это слишком механистическое, – подчеркивает он. – Прежде всего, если проникнуть за этот фасад, мы вовсе не найдем вечного праздника, вечного карнавала, мне кажется, мы найдем другое: вечный, беспросветный, очень низкий по своей технике и по производительности, мученически тяжелый труд <...> народные массы, которые тут представлены как источник бесконечного веселья, что они часто не только не имели возможности веселиться и критиковать этот строй, но часто выступали и как сила, поддерживающая этот феодальный, религиозный строй. Тут нет ничего парадоксального, это вытекает из установок марксизма <...>. А то, что здесь говорилось товарищем Бахтиным, есть сильное приукрашивание этой скудной и бедной жизни. Средневековье не было сплошным карнавалом, как здесь об этом говорили» [1, с. 1049].

Соответственно, в затронутой Бахтиным проблеме Кирпотина прежде всего интересуют ее идеологическая составляющая и Рабле как идеолог Возрождения. Отсюда вытекает его полемика с Бахтиным, отстаивающим, с его точки зрения, «средневековость» французского писателя: «...из такой оценки происходит недооценка идеологии Возрождения и происходит грубейшая идеализация средневековья. Мне кажется, в том, что я говорю, – это очень серьезный упрек. Но тут ничего обидного в том смысле, что я не собираюсь ни в коем случае умалять значение эрудиции и талантов диссертанта. Я это признаю. Я – специалист по русской литературе, знаю его книгу о Достоевском, но с точки зрения столкновения точек зрения тут есть расхождение. Идет докторский диспут, мы обязаны высказать свое мнение, свои расхождения, а расхождения затрагивают очень большой серьезный вопрос» [1, с. 1050].

В финале своего выступления он еще раз отметит важность фигуры Рабле-идеолога Возрождения, подчеркнув одновременно значительность и плодотворность происходящего на заседании обсуждения: «раскрыть то, что представляет собой народ его времени, Рабле мог потому, что он был идеологом, сознательным человеком эпохи Возрождения, представителем передового светского мирозерцания. Я не мог сказать против книги, но мог выступить на основе того, что здесь говорилось. Тут много было сказано такого, что положение дела уяснило» [1, с. 1051].

Отвечая на выступления Кирпотина, Бахтин еще раз акцентирует внимание на своем понимании карнавала и его глубокого революционизирующего характера: «...остановлюсь на возражениях Валерия Яковлевича. Это возражения очень существенные, но принять их целиком не могу <...> Я считаю, что тот народ, в традициях которого создан (роман) Рабле, глубоко прогрессивен <...> Меня интересовала эта жизнь, она глубоко прогрессивна и революционна, и этот карнавальная смех – он очищал мир от страха. Я в своей книге целиком процитировал подлинник с подробным описанием карнавала Гете. Мне кажется, я там сумел показать глубоко прогрессивный, революционизирующий характер сознания карнавала, сознания единства, физического временного единства. Следовательно, я не согласен с этой

частью возражений, но, что мне надо было дать разъяснения, с этим вопросом я совершенно согласен» [1, с. 1065].

В дальнейшем Кирпотин будет внимательно следить за Бахтиным-достоевсковедом. Должность заместителя по научной работе Кирпотин занимал недолго: уже в конце 1946 г. он подает Шишмареву заявление с просьбой освободить его от должности [12, с. 540]. Причин тому несколько: ему не простили активной организации юбилея Достоевского (по его собственной версии, на него рассердился лично Сталин), позднее сюда же добавилась и попытка поучаствовать в травле А.Н. Веселовского и всего сравнительного литературоведения. Статья Кирпотина в журнале «Октябрь», как и позиция редакции в целом, получит резкую отповедь на страницах газеты «Культура и жизнь» в марте 1948 г.: «участники дискуссии в журнале “Октябрь” и некоторых других литературных органах заняли совершенно неправильную позицию. Примечательна с этой точки зрения статья В. Кирпотина. Характеризуя Веселовского как буржуазного либерала, Кирпотин тут же, словно испугавшись собственной “смелости”, поспешно ретируется; он в своей статье “растекается мыслью по древу”, пускается в пустопорожние рассуждения “о специальных ученых заслугах” Веселовского, обнаруживает в его “наследстве” нечто такое, что может “действительно сослужить пользу”. Буржуазный либерализм был одним из врагов революционно-общественной мысли XIX века. Об этой истине забыл, очевидно, Кирпотин» [цит. по: 5]. В дальнейшем Кирпотин окажется одной из мишеней кампании по борьбе с космополитизмом и до начала оттепели практически уйдет в тень.

Оживившийся во второй половине 1950-х гг. интерес к автору «Проблем творчества Достоевского» отчасти отразится и в книге Кирпотина «Ф.М. Достоевский. Творческий путь. (1821–1859)», где монография Бахтина будет упомянута наряду со статьей В.В. Виноградова в связи с повестью «Двойник» [11, с. 355]. Более того – Кирпотин окажется в числе тех, кто выступит в поддержку переиздания книги Бахтина о Достоевском в письме в издательство «Советский писатель». Наряду с Кирпотинским письмо подписали К.А. Федин, В.В. Виноградов, Л.И. Тимофеев, М.Б. Храпченко, В.Б. Шкловский, Л.Е. Пинский, Л.П. Гроссман, Б.С. Рюриков [подробнее см.: 2, с. 469–480].

Появляется имя Кирпотина и на страницах «Проблем поэтики Достоевского» [2, с. 48]. Бахтин не только называет его среди ведущих исследователей творчества великого писателя, но и усматривает в отдельных формулировках кирпотинской книги о Достоевском близость своей концепции полифонического романа: «В противоположность очень многим исследователям, видящим во всех произведениях Достоевского одну-единственную душу – душу самого автора, Кирпотин подчеркивает особую способность Достоевского видеть именно чужие души <...> Верное понимание “психологизма” Достоевского как объективно-реалистического видения противоречивого коллектива чужих психик последовательно приводит В. Кирпотина и к правильному пониманию полифонии Достоевского, хотя этого термина сам он и не употребляет» [2, с. 46–47].

Отметим, что оценка Бахтина – не дежурный комплимент литературоведу, а результат глубокой проработки материала, о чем свидетельствуют «Дополнения и изменения к Достоевскому» [2, с. 303, 323, 436], а также пометы мыслителя на страницах книг Кирпотина о Достоевском [см. подробнее: 13, с. 76]. В дальнейшем Бахтин сохранит интерес к работам литературоведа. Так, в рабочих записях он отметит привлечение его внимание «кирпотинские места» в рукописи Кожина о романе «Преступление и наказание» [2, с. 436].

Еще раз Бахтин вспомнит о Кирпотине в интервью польскому журналисту З. Подгужецу, называя лучшие достижения советского достоевсковедения: «Я считаю очень ценными работы покойного Долинина, Фридендера, Кирпотина, Бурсова, Евнина. Все эти работы рассматривают разные грани Достоевского, но я вообще не считаю, что в области литературоведения возможен какой-то один подход» [2, с. 460].

Свой внутренний диалог с Бахтиным Кирпотин продолжит в новых исследованиях о Достоевском, так и не согласившись до конца с идеей многоголосия: «М.М. Бахтин говорит о “чистом голосе”, об “образе идеи” у Достоевского. Он, правда, предупреждает, что “образ

идеи” (у Достоевского) неотделим от образа человека – носителя этой идеи. Однако он тут же “необходимо” подчеркивает, что герой Достоевского – “это не характер, не темперамент, не социальный или психологический тип... Нелепой была бы самая попытка сочетать, например, идею Раскольникова... с его завершенным характером и с его социальной типичностью как разночинца шестидесятых годов...”. Но ведь эта “нелепость” принадлежит самому Достоевскому – иначе нам придется признать, что текст, посвященный характеру, темпераменту, психологии, “социальному положению” (слова самого Достоевского) Раскольникова написаны только для заполнения художественного вакуума» [9, с. 549].

С этого времени Бахтин и его книга обязательно присутствуют в размышлениях Кирпотина о Достоевском. Иногда это присутствие носит технический характер. Так, в «Избранных трудах», второй том которых представляет собой авторскую контаминацию фрагментов предшествующих книг, появляется ссылка на третье издание книги Бахтина о Достоевском [8, с. 135]. Кажущаяся «дежурность» не должна вводить в заблуждение, в действительности Кирпотин вдумчиво читает и перечитывает Бахтина. Самый масштабный анализ бахтинских идей представлен в его монографии «Достоевский-художник» (1972). В ней литературовед предметно рассматривает пункты расхождений бахтинской концепции полифонического романа с постулатом о «романе-трагедии» у Вяч. И. Иванова, подчеркивает несовпадение идеи Бахтина и ее интерпретации А.В. Луначарским. При этом Кирпотин впервые в отечественном литературоведении проводит сопоставление первого и второго изданий бахтинской книги о Достоевском, отмечая важные пассажи варианта 1929 г., исключенные при переиздании: «”Мир Достоевского глубоко персоналистичен”, – пишет М. Бахтин и в первом, и во втором издании своей книги. “Персоналистичен” – термин определенной ветви экзистенциалистской философии. При “персоналистском” подходе личность, в том числе и личность героя художественного произведения, становится существованием, неслиянным с другими существованиями.

Первое издание своей книги М. Бахтин снабдил предисловием, в котором предупреждал: “...Историческая точка зрения все время учитывалась нами; более того, она служила тем фоном, на котором мы воспринимали каждое разбираемое нами явление. Но фон этот не вошел в книгу... В основу настоящего анализа положено утверждение, что всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично. В нем скрещиваются живые социальные силы, каждый элемент его формы пронизан живыми социальными оценками. Поэтому и чисто формальный анализ должен брать каждый элемент художественной структуры как точку преломления живых социальных сил, как искусственный кристалл, грани которого построены и отшлифованы так, чтобы преломлять определенные лучи социальных оценок и преломлять их под определенным углом”. Опираясь на социологические предпосылки, сформулированные самим Бахтиным, Луначарский изъясил бахтинский анализ диалога у Достоевского из его собственной системы и подчинил его в качестве элемента задачам марксистского литературоведения» [10, с. 273].

Кирпотину очевидна глубокая внутренняя религиозность бахтинского полифонизма, о которой, однако, он может написать только в дневнике. Задумываясь о «стыдливости» современного литературоведения и литературной критики, он записывает 4 февраля 1974 г.: «Статья Ф. Кузнецова “Духовные ценности” (“Новый мир”, № 1 за 1974 г.) верна, но не увлекательна. Но я хочу сказать о другом. Кузнецов стеснен. Он не может сказать Аннинскому, что тот проповедует религию, как не решается сказать Солженицыну, что его положительный идеал – религия и нация. Как не удастся показать (пока, может быть), что Бахтин религиозный литературовед» [12, с. 743–744].

Как показывают недавно опубликованные материалы, в истории бахтинской рецепции в СССР первой половины 1970-х гг. есть эпизод, непосредственным участником которого невольно оказался Кирпотин. В связи с 75-летием со дня рождения Бахтина кафедра русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета приняла решение об издании юбилейного сборника научных статей, посвященного мыслителю. Ответственный

редактор – С.С. Конкин – не раз вспоминал о том, с какими сложностями ему пришлось столкнуться при реализации этого проекта [см. подробнее: 14].

Среди ученых, представивших статьи в этот бахтинский сборник, были те, кто составляет цвет отечественной гуманитарной науки второй половины XX – начала XXI века: академики М.П. Алексеев, Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, доктора наук Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев и др., в том числе и коллеги Бахтина по кафедре.

Кирпотин получил этот сборник в декабре 1974 г. и, судя по всему, книга ему не понравилась. Сборник вызвал у литературоведа негативную реакцию, зафиксированную в дневнике. Так, 16 декабря он записал: «Вышел сборник “Проблемы поэтики и истории литературы”, Саранск, 1973 г. Издание осуществлено в честь Бахтина. Во всех статьях истреблены разум, идея, идеал. Во всех статьях – цеховой жаргон» [12, с. 745]. В результате досталось и Бахтину, оценка которого в дневнике приобрела неоднозначный характер и значительно отличалась от того, что Кирпотин говорил в своих исследованиях второй половины 1960-х – начала 1970-х гг.: «Если говорить о творчестве самого Бахтина, то, на мой взгляд, он очень способный, очень образованный, но не слишком оригинальный. Он первым в России применил экзистенциальную мудрость. Если культура насквозь проедена такой “наукой”, таким мирозерцанием, таким византизмом – тогда все готово для крушения. Приходите, вандалы или турки, или взрывайте атомную бомбу. Все созрело!» [12, с. 745].

Однако эта эмоциональная и несправедливая реакция Кирпотина на появление сборника объясняется, вероятнее всего, не столько научными разногласиями с его авторами, сколько наличием в тексте одного фрагмента, болезненного и даже показавшегося литературоведу оскорбительным. В биографическом очерке Кожина и Конкина был кратко представлен сюжет о бахтинской защите. Именно он и вызвал агрессивное недовольство Кирпотина.

Почти дословно воспроизводя заметку, опубликованную в «Вестнике АН СССР» и ссылаясь на нее, Конкин, которому принадлежал раздел бахтинской биографии с 1945 г., писал: «Как отмечалось вскоре после этого в одном из хроникальных обзоров, “с принципиальными возражениями против основных положений диссертанта выступили член-корреспондент АН СССР Н.К. Пиксанов, профессора Н.Л. Бродский и В.Я. Кирпотин”. Это обстоятельство вызвало вторичные выступления всех трех оппонентов, которые еще раз подтвердили свои оценки и свои предложения. Дискуссия длилась более семи часов. Степень кандидата филологических наук была присуждена М.М. Бахтину единогласно. Вслед за этим было поставлено на голосование предложение оппонентов о присуждении диссертанту докторской степени. За это предложение голосовало семь, против – шесть членов совета. В Высшей аттестационной комиссии не были поддержаны и утверждены результаты голосования, и ученому было отказано в присуждении степени доктора филологических наук» [28, с. 11].

Именно эта цитата вызвала возмущение Кирпотина, усмотревшего в ней прямой намек на то, что он голосовал против диссертации Бахтина. Посчитав себя глубоко оскорбленным, Кирпотин направил письмо Кожину, своему давнему знакомому, с требованием опровержения приводимых в очерке фактов. Сегодня это письмо опубликовано в составе мемуаров Кирпотина. И мы имеем возможность воспроизвести соответствующий фрагмент. «Вадим Валерьянович! Я только сейчас ознакомился с саранским сборником в честь М. Бахтина. Сборник открывается биографией Бахтина, написанной Вами и С. Конкиным (которого не имею чести знать). В биографии достаточно недвусмысленно подчеркнуто, что я (вместе с Бродским и Пиксановым) выступал будто бы против диссертации М. Бахтина о Рабле, против присуждения ему ученой степени доктора. Вот, однако, факты... В 1946 году я был зам. директора ИМЛИ им. Горького. Двинул дело с диссертацией М. Бахтина я! Я же организовал ее защиту в максимально короткие сроки. Первоначально я предложил Бахтину защищать диссертацию как докторскую <...> Основных теоретических принципов Бахтина я не разделял и не разделяю. Это известно по моим работам... В этих условиях ложное освещение моей роли в защите Бахтиным его диссертации приобретает оттенок опорочивания

моей позиции. Забота о добрых нравах в научной деятельности требует, чтобы Вы изыскали способ восстановить истину, нарушенную в вышеназванной биографии, подписанной и Вашим именем» [12, с. 745–746].

Справедливости ради следует отметить, что повышенная эмоциональность реакции Кирпотина мало соотнобразуется с реальностью. Фактически высказанная претензия должна была быть адресована автору заметки, текст которой соответствовал фактографии защиты. Версия Кирпотина о его деятельном участии в организации и проведении защиты Бахтина (на это первым указал Н.А. Паньков) не во всем соответствует действительности и представляет собой только его, кирпотинское, видение дела. Благодаря разысканиям Панькова, И.Л. Поповой, В.И. Лаптуна сегодня хорошо известно об участии в этом процессе огромного количества людей: от А.А. Смирнова, Л.И. Тимофеева, В.Ф. Шишмарева до Г.С. Петрова, Е.В. Тарле, Б.В. Залесского и М.В. Юдиной [19, с. 29–41; 25, с. 91–356; 27, с. 70–109].

Кожинов серьезно отнесся к кирпотинскому письму и в целом поддержал его. Он попытался опубликовать письмо-разъяснение, в котором не столько опровергались факты из очерка, сколько рассказывалось о той большой положительной роли, которую сыграл Кирпотин в судьбе бахтинской диссертации. Приведем фрагмент: «Почти 13 <так!> лет назад, 15 ноября 1946 года, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР состоялась защита диссертации М.М. Бахтина “Рабле в истории реализма”. “Вестник Академии наук СССР” опубликовал информационную заметку об этой защите (см. выпуск 5 за 1947 год, стр. 123). В наши дни заметка эта послужила основным источником сведений о данном эпизоде для статьи “Михаил Михайлович Бахтин. Краткий очерк жизни и деятельности”, опубликованной в сборнике статей “Проблемы поэтики и истории литературы” (Саранск, 1973 г.) <...>. Из этого [содержания заметки – С.Д., А.С.] недвусмысленно вытекает, что В.Я. Кирпотин не разделял высокой оценки диссертации М.М. Бахтина, не считал ее “представляющей большой и принципиальный интерес” и, следовательно, был против присуждения ее автору искомой степени» [цит. по: 12, с. 747–748].

Объясняя необходимость прояснения ситуации, Кожинов фактически использует аргументацию, высказанную в адресованном ему письме Кирпотина. Соглашаясь с его автором в том, что в подобном историческом контексте Кирпотин превращается из исследователя, дискутирующего с Бахтиным по конкретным аспектам творчества Достоевского, в давнего гонителя ученого: «Складывается, таким образом, не очень-то лестная для В.Я. Кирпотина картина. Известно, что он не раз выступал “с принципиальными возражениями против основных положений” М.М. Бахтина; самый свежий пример – достаточно резкая полемика с книгой М.М. Бахтина о Достоевском в статье В.Я. Кирпотина “Достоевский и племянник Рамо” (см. “Вопросы литературы”, 1974, № 7, стр. 177–178).

Теперь же, так сказать, “выясняется”, что В.Я. Кирпотин не только выступал “с возражениями”, но и пытался в свое время закрыть М.М. Бахтину путь к ученой степени. Все это, однако, не соответствует действительности. Реальные факты кратко изложены в письме В.Я. Кирпотина к автору этих строк 16 декабря 1974 года. Точность этого изложения подтверждается рассказами, слышанными мною и ранее, и ныне от М.М. Бахтина, и рядом документов» [Цит. по: 12, с. 748].

Публикация опровержения не состоялась. Первоначально Кожинов планировал напечатать письмо в журнале «Известия АН СССР. Серия языка и литературы». Однако его главный редактор Д.Д. Благый так и не принял положительного решения по этому вопросу. Сменившему его на этом посту известному лингвисту Г.В. Степанову эта история показалась неактуальной, и Кирпотин с Кожиновым были вынуждены искать новую площадку для публикации. Не смогли они опубликовать письмо и в журнале «Филологические науки. Научные доклады высшей школы». Главный редактор П.А. Николаев сообщал Кирпотину 29 ноября 1975 г.: «Моя редколлегия “Филологических наук” то “за”, то “против”. Я уже решил напечатать одно письмо Кожинова (на это многие были согласны), да тут он мне сообщил, что “дело уладилось”. Если “Вопросы литературы” сообщат обо всем пристойно и убедительно –

то и слава богу. Винават я перед Вами, но поделаться ничего пока не смог» [цит. по: 12, с. 750–751].

Николаев, пожалуй, первым обратил внимание не только на репарационную составляющую этого инцидента: ему очевидно его место в общей картине рецепции идей Бахтина и формирующегося отношения к его наследию. Именно на фоне интереса «многих ученых» крохотный сюжет «Бахтин и Кирпотин» на страницах саранского сборника приобрел подобающий масштаб. Как отмечал Николаев, «единственное добро – многие ученые уже знают о несправедливости саранского автора» [Цит. по: 12, с. 751].

Неудачей завершилось и практически решенное дело с публикацией письма Кожина в журнале «Вопросы литературы». Можно предположить, что причиной тому стали и удаленность по времени этой истории от момента публикации саранского сборника, и все меньшая ее актуальность, особенно на фоне кончины Бахтина в марте 1975 г.

Неизвестно, дошла ли эта «бахтинско-кирпотинская» история до С.С. Конкина, но в любом случае его интерпретация истории бахтинской защиты оставалась почти неизменной. Так, в очерке «Ученый с мировой известностью» она повторена практически дословно, правда без упоминания имен Пиксанова, Бродского и Кирпотина [14, с. 71]. В «первозданном виде» повторяется этот фрагмент и в книге «Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества» [15, с. 261].

Оценивая эту страницу отечественной истории бахтинской рецепции 1960-х – первой половины 1970-х гг., отметим следующее. Прежде всего, она свидетельствует о значимости личности Бахтина и об очевидном понимании важности его идей отечественным литературоведческим истеблишментом. В случае Кирпотина эта история обусловлена еще и тем, что, будучи внутренне несогласным со многими позициями Бахтина, он гораздо точнее и глубже, нежели другие его ровесники и младшие современники, понял смыслы полифонического романа, в частности четко обозначив литературоведческую позицию Бахтина как религиозно-философскую. Второй момент связан с тем, что Кирпотину, очевидно, не хотелось оказаться среди «гонителей» Бахтина. Именно этим объясняется его острая реакция на публикацию в провинциальном сборнике и требование восстановления его доброго имени.

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. *Васильев Н.Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 408 с.
4. *Герасимова С.В.* Кирпотин Валерий Яковлевич // Русские литературоведы XX века: Биобиблиографический словарь. Т. 1: А–Л / сост. А.А. Холиков; под общ. ред. О.А. Клинга и А.А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 383–384.
5. *Дубровская С.А.* «Против буржуазного либерализма в литературоведении (По поводу дискуссии об А. Веселовском)» / Материалы для «Бахтинской энциклопедии» // Бахтинский вестник. 2020. № 1(3). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49721943>
6. *Дубровская С.А., Осовский О.Е.* О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
7. *Калашиников В. А.* Кирпотин // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 3: Иаков – Лакснесс. 1966. Стб. 541–542.
8. *Кирпотин В.Я.* Избранные работы: В 3 т. Т. 2: Достоевский. М.: Худож. лит., 1978. 485 с.
9. *Кирпотин В.Я.* Достоевский в шестидесятые годы М.: Худож. лит., 1966. 560 с.
10. *Кирпотин В.Я.* Достоевский – художник: Этюды и исследования. М.: Сов. писатель, 1972. 319 с.

11. Кирпотин В.Я. Ф.М. Достоевский. Творческий путь. (1821–1859). М.: Гослитиздат, 1960. 607 с.
12. Кирпотин Валерий Яковлевич. Ровесник железного века: мемуар. кн. / сост. Э. Пашнев, Н. Кирпотина. М.: Захаров, 2006. 842 с.
13. Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: [Б.и.], 2010. 468 с.
14. Конкин С.С. Ученый с мировой известностью // Штрихи к портретам: Деятели культуры Мордовии в воспоминаниях современников. Саранск, 1990. С. 65–85.
15. Конкин С.С., Конкина Л.С. М.М. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.
16. Кормилов С.И. Металингвистическая классификация типов прозаического слова М. Бахтина и состав литературно-художественного произведения // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 189–205.
17. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 174 с.
18. Махлин В.Л. Наследие и рецепция, или Р. Якобсон о М. Бахтине // Вопросы литературы. 2016. № 6. С. 94–108.
19. Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография / О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С.А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 232 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы. Вып. 2).
20. Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960-х – середины 1990-х годов. Саранск, 2003. 147 с.
21. Осовский О.Е. Филолог или философ? Интеллектуальное «странничество» М.М. Бахтина: взгляд из 1990-х // Русская литература. 2018. № 1. С. 250–251.
22. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 227–265.
23. Осовский О.Е. Бахтин, метапроза, советская литература // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 194–197.
24. Паньков Н.А. Беседа с В.Я. Кирпотиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 112–114.
25. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: МГУ, 2009. 720 с.
26. Перлина Н. Диалог о диалоге: Бахтин – Виноградов (1924–1965) // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. СПб., 1995. С. 155–170.
27. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
28. Проблемы поэтики и истории литературы: сборник статей к 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина / отв. ред. С.С. Конкин. Саранск: Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 1973. 270 с.
29. Emerson C. The first hundred years of Mikhail Bakhtin. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 2000. XVI, 293 с.

Bakhtin and Kirpotin: on a page from the Russian history of the reception of M.M. Bakhtin's personality and ideas

© 2023 S.A. Dubrovskaya*, A.V. Strukova**

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as
a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center
in N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Alexandra V. Strukova, MA in Philology, Lecturer at the Department of Foreign Literature,
Kazan (Volga Region) Federal University*

*N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Russia

**Kazan (Volga Region) Federal University. Kazan, Russia

The study was prepared with financial support from the Russian Science Foundation: project No 23-28-00175 "A Thinker in His Homeland: the History of Russian Reception of M.M. Bakhtin's Ideas against the World Challenges".

Annotation. The reconstruction of the domestic reception of M.M. Bakhtin's personality and ideas is an important part of modern Bakhtin Studies. One of its components is the construction of individual trajectories of Bakhtinian reception. The purpose of this article is to investigate the perception of M.M. Bakhtin's personality and ideas by the famous Soviet literary scholar V.Ya. Kirpotin. Using material from the scholar's archive, his memoirs and epistolary, and his works of the 1960s and 1970s, the authors identify the specifics of Kirpotin's views on the polyphonic novel, reproduce his private statements, and recall the role of the literary scholar in the Bakhtin defense.

The correspondence between Kirpotin and Kozhinov reconstructs an episode related to the publication of M.M. Bakhtin's biography essay in the collection "Problems of Poetics and History of Literature" (Saransk, 1973).

Keywords: M.M. Bakhtin, V.Y. Kirpotin, V.V. Kozhinov, Reception of Ideas, Personal Archives, Polyphonic Novel, *Problems of Dostoevsky's Poetics*.

1. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij [v 6 (7) t.]. T. 4(1): «Fransua Rable v istorii realizma» (1940 g.). Materialy k knige o Rable (1930—1950-e gg.). Kommentarii i prilozhenija. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. 1120 s.
2. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij [v 6 (7) t.]. T. 6: Problemy pojetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960–1970-h gg. M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 800 s.
3. *Vasil'ev N.L.* Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina»: V poiskah utrachennogo vremeni. Rekonstrukcii i dekonstrukcii. Kvadratura kruga. M.: LIBROKOM, 2013. 408 s.
4. *Gerasimova S.V.* Kirpotin Valerij Jakovlevich // Russkie literaturovedy XX veka: Biobibliograficheskij slovar'. T.1: A-L /sost. A.A. Holikov; pod obshej redakciej O.A. Klinga i A.A. Holikova. M.; SPb.: Nestor-Istorija, 2017. S. 383–384.
5. *Dubrovskaja S.A.* «Protiv burzhuaznogo liberalizma v literaturovedenii (Po povodu diskussii ob A. Veselovskom)»/ Materialy dlja «Bahtinskoj jenciklopedii» // Bahtinskij vestnik. 2020. № 1(3). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49721943>
6. *Dubrovskaja S.A., Osovskij O.E.* O citatah iz Gercena v issledovanii M.M. Bahtina o Rable // Russkaja literatura. 2020. № 3. S. 252–255.
7. *Kalashnikov V.A.* Kirpotin // Kratkaja literaturnaja jenciklopedija / gl. red. A.A. Surkov. M.: Sov. jencikl., 1962–1978. T. 3: Iakov – Laksness. 1966. Stb. 541–542.
8. *Kirpotin V.Ja.* Izbrannye raboty: V 3 t. T. 2: Dostoevskij. M.: Hudozh. lit., 1978. 485 s.
9. *Kirpotin V.Ja.* Dostoevskij v shestidesjatye gody M.: Hudozh. lit., 1966. 560 s.
10. *Kirpotin V.Ja.* Dostoevskij - hudozhnik: Jetjudy i issledovanija. M.: Sov. pisatel', 1972. 319 s.
11. *Kirpotin V.Ja.* F.M. Dostoevskij. Tvorcheskij put' (1821–1859). M.: Goslitizdat, 1960. 607 s.
12. *Kirpotin Valerij Jakovlevich.* Rovesnik zheleznogo veka: memuar. kn. / sost. Je. Pashnev, N. Kirpotina. M.: Zaharov, 2006. 842 s.
13. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: [B.i.], 2010. 468 s.
14. *Konkin S.S.* Uchenyj s mirovoj izvestnost'ju// Shtrihi k portretam: Dejateli kul'tury Mordovii v vospominanijah sovremennikov Saransk, 1990. S. 65–85.
15. *Konkin S.S., Konkina L.S.* M.M. Mihail Bahtin: Stranicy zhizni i tvorchestva. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1993. 400 s.

16. *Kormilov S.I.* Metalingvističeskaja klassifikacija tipov prozaičeskogo slova M. Bahtina i sostav literaturno-hudožestvennogo proizvedenija // *Bahtinologija: issledovanija, perevody, publikacii*. SPb., 1995. S. 189–205.
17. *Mahlin V.L.* Bol'shoe vremja: Podstupy k myshleniju M.M. Bahtina. Siedlce: Uniwersytet przyrodniczo-humanistyczny w Siedlcach, 2015. 174 s.
18. *Mahlin V.L.* Nasledie i recepcija, ili R. Jakobson o M. Bahtine // *Voprosy literatury*. 2016 № 6. C. 94–108.
19. Mihail Mihajlovich Bahtin: lichnost' i nasledie: monografija / O.E. Osovskij, V.P. Kirzhaeva, S.A. Dubrovskaja [i dr.]; otv. red. S.A. Dubrovskaja. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 232 s. (Bahtinskaja jenciklopedija: materialy. Vypusk 2).
20. *Osovskij O.E.* V zerkale "drugogo": recepcija nauchnogo nasledija M.M. Bahtina v anglo-amerikanskom literaturovedenii 1960-h – serediny 1990-h godov. Saransk: 2003. 147 s.
21. *Osovskij O.E.* Filolog ili filosof? Intellektual'noe «stranničestvo» M.M. Bahtina: vzgljad iz 1990-h // *Russkaja literatura*. 2018. № 1. S. 250–251.
22. *Osovskij O.E., Dubrovskaja S.A.* Bahtin, Rossija i mir: recepcija idej i trudov učenogo v issledovanijah 1996–2020 godov // *Nauchnyj dialog*. 2021. № 7. S. 227–265.
23. *Osovskij O.E.* Bahtin, metaproza, sovetskaja literatura // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. 1993. № 2–3. C. 194–197.
24. *Pan'kov N.A.* Beseda s V.Ja. Kirptinym // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. 1993. № 2–3. S. 112–114.
25. *Pan'kov N.A.* Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: MGU, 2009. 720 s.
26. *Perlina N.* Dialog o dialoge: Bahtin – Vinogradov (1924–1965) // *Bahtinologija: issledovanija, perevody, publikacii*. SPb., 1995. S. 155–170.
27. *Popova I.L.* Kniga M.M. Bahtina o Fransua Rable i ee znachenie dlja teorii literatury. M.: IMLI RAN, 2009. 464 s.
28. Problemy pojetiki i istorii literatury: sbornik statej k 75-letiju so dnja rozhdenija i 50-letiju nauchno-pedagogičeskoj dejatel'nosti Mihaila Mihajlovicha Bahtina / otv. red. S.S. Konkin. Saransk: Mordovskij gos. un-t im. N.P. Ogareva, 1973. 270 s.
29. *Emerson C.* The first hundred years of Mikhail Bakhtin. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 2000. XVI, 293 s.

М.М. Бахтин об А.С. Пушкине

© 2023 С.А. Шульц

*Сергей Анатольевич Шульц, доктор филологических наук,
независимый исследователь
E-mail: s_shulz@mail.ru*

Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. У М.М. Бахтина выстраиваются контуры достаточно гибкой целостной интерпретации пушкинского творчества. В статье выделяются три основных смысловых узла, в которых происходит осмысление Бахтиным Пушкина. Первый основан на ценностно-философском подходе и связан с диалогической идеей взаимопроникновения личностных ценностно-идеологических контекстов и кругозоров автора и героев. Второй посвящен романной поэтике и прозаизации. Третий соотнесен с теорией карнавала. Несмотря на нередкую интенцию иллюстративности по отношению к собственно философско-филологической идее исследователя, бахтинские характеристики многое привносят в наше понимание органики пушкинского мира. С другой стороны, творчество Пушкина приобретает освещающее значение для понимания бахтинских концепций. Бахтинская пушкинистика с особой отчетливостью обнаруживает герменевтичность бахтинского метода: толкование текста рождается из исторически осмысленной субъективности интерпретатора. Назовем эту субъективность ответственной: она ответственна постольку, поскольку отмечена такими чертами, как масштабность мысли и глубина проникновения в предмет. Вместе с тем указанная субъективность укоренена в органических, живых движениях события бытия, в особо трактованном герменевтическом предположении-кругозоре.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, М.М. Бахтин, диалогизм, карнавальность, прозаизация, теория романа, герменевтика.

Фигура А.С. Пушкина привлекала внимание М.М. Бахтина на протяжении всего научного пути исследователя: от ранних работ 1920-х годов до позднейших заметок. Входил ли поэт в круг ключевых, предпочтительных для бахтинской филологии и культурфилософии авторов или занимал в его научном творчестве достаточно факультативное место?

К. Кларк и М. Холквист, например, сужают число «любимых фигур личного пантеона Бахтина» до четырех (Рабле, Гете, Достоевский, Данте), и здесь не находится места Пушкину [38, с. 295]. Исключен он и из списка «собеседников-единоверцев» ученого, составленного В.Н. Турбиным (Руссо, Гете, Гоголь, Вяч. Иванов, Флобер, Рабле, Достоевский) [27, с. 29–30]¹.

В то же время при некотором расширении круга – по сравнению с подходом Кларк/Холквиста и Турбина – контекст изменяется, и ситуация с бахтинскими «точками опоры» предстает в ином свете. Именно поэтому Пушкин, наряду с Достоевским, Рабле, Гете, Шекспиром, Данте, Гоголем и Флобером, закономерно назван С.Г. Бочаровым и Л.А. Гоготишвили «одним из опорных звеньев» «историко-теоретических концепций» Бахтина [17, с. 496]. Этот список представляется предельно взвешенным и сбалансированным, что заставляет говорить о неслучайности присутствия Пушкина в бахтинском мире.

В самом деле, пушкинское творчество в той или иной форме соотносится Бахтиным с важнейшими моментами его построений. К ним относятся «философия поступка», концепция автора и героя, романная поэтика и теория романизации, прозаизация, диалогизм, теория

¹ Присутствие здесь Руссо явно вызывает вопросы.

карнавала. Это позволяет увидеть в Пушкине постоянного духовного собеседника Бахтина. Вместе с тем, как нередко бывает у Бахтина, ключевые идеи, касающиеся, в частности Пушкина, только более или менее намечены, что, однако, лишь увеличивает смысловую перспективу и предоставляет читателям возможность сотворчества.

Бахтин не «пристегивает» поэта к своим теориям, не «модернизирует» его на свой лад, в то же время рассматривая его в достаточно неожиданных контекстах, что сближает Бахтина с одной из ведущих историко-философских и историко-литературных линий XX в. (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер, Ф. Лаку-Лабарт и др.), когда предмет осмысливается через призму исследовательской субъективности, понятой исторически. Эта линия – по преимуществу герменевтическая (ср.: [16], а также: [30; 31; 33]).

В работе «<К философии поступка>» (1920–1924) имя Пушкина привлекается как пример диалогического контакта в рамках пары автор/герой и взаимоотношений героев в целом произведения. Бахтин рассматривает художественное произведение в плане его внутреннего диалогизма, показывая взаимопроникновение различных личностных ценностно-идеологических кругозоров-самосознаний² автора и героев.

Анализируя в этой связи пушкинское стихотворение «Для берегов отчизны дальней...», исследователь выделяет в нем контексты лирического героя и героини, демонстрируя, что второй контекст, не теряя своей самостоятельности, «объемлется первым (ценностно утверждается им)» [7, с.60]. В свою очередь, оба этих контекста «объемлются единым ценностно-утверждающим контекстом автора-художника <...> и созерцателя», находящегося в позиции «вненаходимости» [7, с. 60]. «Ценностное» у раннего Бахтина означает те или иные варианты картины мира, что шире обычной аксиологии. Уже в 1930-е гг. Бахтин отказывается от ценностных категорий, практически уходя от аксиологии. Последние же строки стихотворения – «Исчез и поцелуй свиданья... / Но жду его – он за тобой!» – утверждают идею того, что не замкнут круг событийного взаимопроникновения ценностных контекстов героев, что надежда на свидание сохраняется и после смерти героини [7, с. 64].

Примерно в то же время, но на несколько ином витке своего теоретизирования Бахтин возвращается к этому же стихотворному тексту в обширном фрагменте работы «<Автор и герой в эстетической деятельности>» (1920–1924). Уже в первых двух строках Бахтин обнаруживает глубинное взаимодействие различных субъективных контекстов:

«Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой...

«”Берега отчизны” лежат в ценностном пространственно-временном контексте жизни героини, для нее, в ее эмоционально-волевом тоне возможный пространственный кругозор становится **отчизною**: это момент события в ее жизни»; в то же время этот момент конкретизирован здесь одновременно и в «направлении к герою», в «контексте его судьбы»: «ты покидала»; «в направлении к ней лучше было бы сказать “возвращалась”, ведь она едет на родину» [2, с. 72–73].

Теперь пушкинский шедевр используется прежде всего для описания «архитектонической функции ценностного мира человека в художественном целом» [2, с. 73]. Во многом в пику аристотелевско-гегелевской эстетики на примере этого стихотворения исследователь заостряет момент неизбежного различия между автором и его героем: даже автору-лирику необходим герой в качестве некоей точки центрирования реальности как многополюсной реальности сознания. Иначе говоря, согласно Бахтину, и в лирике не бывает чистого самораскрытия «от себя», чистого «подражания субъекту». Причем различие между автором и героем носит эмоционально-волевой, ценностно-эстетический характер.

² «Кругозор» у Бахтина означает чаще всего именно «самосознание».

По мнению Бахтина, тема любви и смерти как основная в этом произведении, будучи в принципе этической, все же оказывается тут «лишена своего этического жала», «закрыта образом *поцелуя*» – а это «центральный тематический образ» [2, с. 79]. То есть читатель оценивает событие стихотворения сугубо в плане его эстетического осуществления, как уже завершенное и разрешенное «для нас» событие – «хотя прозаический анализ мог бы и должен был бы философски-религиозно углубить эту тему в соответствующем направлении» [2, с. 80].

На пушкинском материале Бахтин показывает, что образу в сознании автора может предшествовать понятие как часть познавательного уровня творческой деятельности. Ценностные категории, согласно Бахтину, характеризуют и внутренние миры героев, и весь мир произведения (предметности) в их конкретике: «... оценка проникает предмет, более того, оценка создает образ предмета, именно формально-эстетическая реакция сгущает понятие в образ предмета» [2, с. 77].

Интенции пушкиноведческих разборов Бахтиным лирики отчасти были востребованы С.Н. Бройтманом при создании им концепции диалога в русской лирике [см.: 20]. Бройтман отмечает, что рефлекс диалога в русской лирике начинаются с Пушкина [21, с. 105–134]. Последующее развитие концепции диалога в пушкинском творчестве, принадлежащее И.С. Юхновой, также опирается на идеи Бахтина [35; 36].

Романная поэтика изучалась Бахтиным в том числе за счет обращения к «Евгению Онегину» («Слово в романе», 1934–1935; «Из предыстории романного слова», 1940 и др.). В соответствии с установками бахтинской поэтологии «Евгений Онегин» рассматривался в плане диалогической стилистики, а также в плане ценностно-философского значения формы. Почти как и в случае с Достоевским, чисто содержательный («тематический») уровень произведения оказывается словно за пределами внимания исследователя, однако это делает толкование еще более глубоким. Бахтиным отмечается условно-пародийный характер стилистики пушкинского «романа в стихах» («самокритика литературного языка эпохи» [5, с. 521]) и почти отсутствие собственного прямого языка автора, хотя все же автор оказывается «вездесущ» в произведении [5, с. 519]. Необходимость учета диалогически-пародийного контекста становления основных героев особо подчеркивается. В противном случае, как метко сказано Бахтиным, мы интерпретируем не столько произведение Пушкина, сколько его мелодраматическую версию, вошедшую в широкий оборот благодаря опере Чайковского, исключившей пародийные моменты «Евгения Онегина» [13, 177].

Бахтин выделяет в «романе в стихах» три основных «голоса» или «образа языка», принадлежащие трем главным героям: Онегину, Ленскому и Татьяне. При этом «голос» – это личностно-идеологический «голос», а «образ языка» – также личностно-идеологический, выражение мировоззрения и сущности личности (ее самосознания). Самый яркий случай несовпадения подразумеваемого авторского «образа языка» и языка героя обнаруживается в пассажах, посвященных Ленскому. Образ стиля Ленского – «образ чужого поэтического стиля сентиментально-романтического» [5, с. 516], неизменно вышучиваемый Пушкиным. В частности оценка поэзии Ленского, как показано Бахтиным, дается в основном «в зоне» голоса самого Ленского:

«Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна... –

«Здесь “песнь” Ленского сама себя характеризует, на своем языке, в своей поэтической манере» – причем автор воспринимает стилистику Ленского явно иронически; зато «прямая пушкинская характеристика “песни” Ленского <...> звучит совершенно иначе:

Так он писал темно и вяло...» [13, с. 83; 5, с. 515–516].

По мнению Бахтина, все в той же зоне Ленского построены сцена дуэли и поминальный плач о погибшем поэте, однако при этом туда все время вмешивается реалистический и трезвый авторский голос. Зато «зона», «район действия» голоса Онегина осваиваются автором

несколько в ином ключе: мысли Онегина могут в значительной мере вызывать сочувствие Пушкина, хотя он «и видит ограниченность и неполноту онегинско-байронического мировоззрения и стиля» [5, с. 517]. Так язык автора (авторское сознание, авторская позиция) оказывается гораздо ближе к языку Онегина, чем к языку Ленского, «он (т. е. автор. – С.Ш.) уже не только вне его, но и в нем; он не только изображает этот «язык», но в известной мере и сам говорит на нем [5, с. 517]. Герой находится в зоне возможной беседы с ним, в зоне диалогического контакта. Таким образом, чужой голос-мировоззрение оказывается одновременно «и изображающим, и изображенным», что типично для величайших романских образов (например, образа Дон Кихота)» [5, с. 518].

Наконец, голос Татьяны охарактеризован Бахтиным через «своеобразное сочетание мечтательно-сентиментального ричардсоновского языка “барышни уездной” с народным языком нянинных сказок и бытовых рассказов, крестьянских песен, гаданий и т. п. Ограниченное и почти смешное, старомодное в этом языке сочетается с безгранично серьезной и прямой правдой народного слова» [5, с. 518–519]. При этом Пушкин «не только изображает этот язык, но и весьма существенно говорит на нем. Значительные части романа даны в зоне голоса Татьяны» [5, с. 519].

Очевидно, что главным в «романе в стихах» для Бахтина оказывается уходящая в даль смысловая перспектива пересечения различных идеологических «голосов». В результате этого художественная идея приобретает вид сложной, противоречивой целостности – целостности непрерывного продуктивного «мерцания» различных значений и жизненных позиций, которые принципиально не могут быть сведены к единому знаменателю. Поэтому точка в художественно-экзистенциальном диалоге героев (то есть в диалоге самой жизни, от «лица» которой выступает роман) не поставлена и не может быть поставлена. Распространенная же Р.О. Якобсоном на пушкинский роман концепция романтической иронии [37] при многих верных аспектах превращает разноречие романа отчасти в монолог.

Ставшую расхожей формулу Белинского о «Евгении Онегине» – «энциклопедия русской жизни» – Бахтин пытается «приручить», истолковывая на свой лад: в понятие «энциклопедии» им включается идеологическое многоязычие [5, с. 521]. Эти и другие бахтинские интуиции о пушкинском романе были впоследствии развиты С.Г. Бочаровым [19], Н.Д. Тамарченко [26], С.А. Дубровской [22, с. 100–116].

В «Повестях Белкина» Бахтиным особо отмечается вымышленная фигура повествователя и «издателя» как «чужой голос» [10, с. 214], привносящий продуктивное остранение эксплуатируемых в цикле поэтически-романтических штампов за счет принципиально «непоэтического», трезвого взгляда на них: «Белкин, равно как и рассказчики третьего плана, из уст которых он воспринял свои рассказы, “прозаический” человек, лишенный поэтической патетики. Благополучные “прозаические” разрешения сюжетов и самое ведение рассказа нарушают ожидания традиционных поэтических эффектов. В этом непонимании поэтической патетики прозаическая продуктивность точки зрения Белкина» [5, с. 67]. Образом Белкина Бахтин характеризует такого рассказчика, который «может несколько не ослаблять единовидящего и единознающего монологизма авторской позиции и несколько не усиливать смысловой весомости и самостоятельности слов героя» [10, с. 67].

Бахтин подчеркивает в «Повестях Белкина» «существенно-прозаические темы»: «мистификации, профанации, случайности, выпадения из нормы» [8, с. 10]. Прозаизм в данном случае означает «фамильярный контакт» с незавершенным настоящим, диалогизм, социальное разноречие. Отмеченный Бахтиным диалогический зазор между образом Белкина-рассказчика и привносимым им жизненно-художественным материалом, между образом рассказчика и автором цикла, стал предметом анализа С.Г. Бочарова [18].

Выделим также замечания Бахтина о принципиально диалогических, «неовнешняющих» принципах изображения «маленького человека» в одной из новелл «Повестей Белкина»: «Ответственность за своего героя как за живого человека, боязнь принизить в нем человека, оскорбить в нем человеческое достоинство, завершить его до конца.

Стремление расширить человечность, найти человека там, где его до сих пор не искали («Станционный смотритель»))» [6, с. 76].

Третий большой узел бахтинских построений, содержащих аллюзии на Пушкина, связан с карнавальной теорией. Ученый собирался написать в связи с этим специальную статью о Пушкине. Ряд наблюдений на эту тему разбросан по страницам «Проблем поэтики Достоевского» (1963), «Творчества Франсуа Рабле и народной культуры средневековья и Ренессанса» (1965) и др. Отголоски карнавального мировоззрения обнаруживаются Бахтиным особенно в «Борисе Годунове», повестях Белкина, болдинских трагедиях и «Пиковой даме» [10, с. 179]. Бахтин указывал, что «веселый разум» Пушкина «сродни Рабле» [9, с. 640]. Так, в эпизоде кошмарного сна самозванца («Внизу народ на площади кипел / И на меня указывал со смехом») прямо подчеркивается оттенок развенчивающего «хорового смеха» (при этом проводится параллель и с мистическими снами Раскольникова), проводится сближение арены действия трагедии с карнавальной площадью [14, с. 507–508; 10, с. 191]. Недаром в народной традиции Отрепьева считали еретиком и колдуном, который отличен от всех своим «антиповедением»: хранит иконы под кроватью, а на их место ставит скоморошью маску. «Скоморохом» назван герой и у Пушкина. Таким образом, беглый монах Гришка Отрепьев оказывается с неизбежностью подлежащим развенчанию карнавальным королем дураков, что и происходит в трагедии. Пушкин прекрасно чувствовал связь своей пьесы – в том числе на уровне жанра – со всеми этими традиционально-архаическими явлениями, недаром же в первом варианте она имела «средневековое», почти «мистерийное» заглавие: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»

Комментируя идеи Бахтина о большом значении вертепной драмы в трансплантации карнавального начала и развивая их, И.Л. Попова замечает, что рождественская мистерия, показывающая смерть Ирода, является ядром, глубинной подосновой «Бориса Годунова», и в истории о «царе Ироде» звучат ее основные тона [23, с. 492]. Этой же исследовательницей подмечены вертепные элементы «Бориса Годунова», выражающиеся в «двухъярусности» художественного пространства трагедии [24]. В самом деле, юродивый Николка прямо называет Бориса «царем Иродом», а убийство Годуновым малолетнего царевича – отражением избиения младенцев Иродом. Видения Годунова («И мальчики кровавые в глазах») закрепляют эти параллели.

Бахтиным также производятся сопоставления героев и ситуаций «Пиковой дамы» и «Преступления и наказания» (позже отчасти расширенные Н.Д. Тамарченко [25]): «наполеонизм» на специфической почве молодого русского капитализма <...> получает второй, убегающий в бесконечную смысловую даль *карнавальный план*» [10, с. 190], в результате чего обнаруживается преемственность между Германном и Раскольниковым, с их «карнавализованным» наполеоновским комплексом, который предопределяет их сознание, движет их поступками.

Герои «Моцарта и Сальери» привлекаются Бахтиным как примеры, с одной стороны, «открытой серьезности», допускающей смех, пародию (Моцарт) и, с другой стороны, мрачного догматизма (Сальери). Ключевой в этом смысле является сцена со слепым стариком-скрипачем: Моцарт весело смеется над фальшивыми парафразами своей музыки, а Сальери, будучи агеластом, негодует [14, с. 135, сноска 1]³.

Нарушение карнавального круговорота длящейся, незавершенной жизни Бахтин находит вновь в связи с решением этой темы у Достоевского, в «Скупом рыцаре», где присутствует конфликт между отцом и сыном и возникает тема гипотетического отцеубийства⁴. С карнавалом, согласно Бахтину, Пушкин так или иначе соотносит мотив

³ Попытка «карнавальной» интерпретации «Моцарта и Сальери» и остальных «Маленьких трагедий» предпринята в нашей работе: [см.: 32].

⁴ В связи с показанным в «Скупом рыцаре» конфликте поколений ср. выделенное Бахтиным послание Гаргантюа Пантагрюэлю, где выражены обратные интенции о единстве различных поколений в смысловой горизонтали. В первой редакции книги о Рабле («Рабле в истории реализма») об этом сказано так: «Но тот же мотив <мотив страха перед сыном> играет

всемогущества, даваемого богатством: «Тема власти денег уже у Пушкина вливается в карнавальную традицию (“преисподняя”-подвал барона, вражда отца с сыном, “Сцены из рыцарских времен”, “Пиковая дама”))» [3, с. 118].

Бахтинское замечание означает, что полагание денег в качестве предмета страсти и поклонения приводит к нарушению и смещению обычных иерархий, к переворачиванию мирового порядка: скупой рыцарь становится тайным властелином мира, распря проникает в самое семейство, офицер-педант, имевший репутацию прагматика, вовлекается в азартную игру и сходит с ума и т. д. Причем эти смещения не носят одностороннего катастрофического оттенка: в контексте «большого времени», с которым связан карнавал, они способны расцениваться как момент все обновляющегося бытия, как толчок к отказу от застывшего. Пушкинский набросок «Марья Шонинг» также сближен Бахтиным с карнавальным темой: «<...> смерть – смех, психическое раздвоение, проститутка – убийство и т. п.» [4, с. 376].

Само обращение Бахтина с пушкинскими текстами наделено оттенками карнавальности. В частности, избирая эпиграфом ко второй главе книги о Рабле («Площадное слово в романе Рабле») две строки из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы», Бахтин дает вторую строку в редакции Жуковского: «Я понять тебя хочу, / Темный твой язык учу» [14, с. 159].

В развитие бахтинской мысли о «прозаизме» «Повестей Белкина» и роли карнавального начала в искусстве В.И. Тютя проанализировал значение и роль в них различных «карнавальных пар» [28]. Карнавальные мотивы в творчестве Пушкина рассматривала также С.А. Дубровская [22, с. 78–129]. Под влиянием идей Бахтина, а также Д.С. Лихачева и А.М. Панченко «смеховой мир» «Бориса Годунова» трактован С.А. Фомичевым, отметившим, что Пушкин представил скоморошество и юродство «в их подлинном виде, а не в качестве притворных масок» [29, с. 64–65]⁵. К работе Фомичева примыкает текст С.З. Аграновича [1].

Как видим, у Бахтина выстраиваются контуры достаточно гибкой целостной интерпретации пушкинского творчества. Выделяются три основных смысловых узла, в которых происходит осмысление Бахтиным Пушкина. Первый основан на ценностно-философском подходе и связан с диалогической идеей взаимопроникновения личностных ценностно-идеологических контекстов и кругозоров автора и героев. Второй посвящен романной поэтике и прозаизации. Третий соотносится с теорией карнавала. Несмотря на нередкую интенцию иллюстративности по отношению к собственно философско-филологической идее исследователя, бахтинские характеристики многое приносят в наше понимание органики пушкинского мира. С другой стороны, творчество Пушкина приобретает «большое освещающее значение для понимания» [15, с. 533] бахтинских концепций.

Бахтинская пушкинистика с особой отчетливостью обнаруживает герменевтичность бахтинского метода: толкование текста рождается из исторически осмысленной субъективности интерпретатора. Назовем эту субъективность ответственной: она ответственна постольку, поскольку отмечена такими чертами, как масштабность мысли и глубина проникновения в предмет. Вместе с тем указанная субъективность укоренена в органических, живых движениях события бытия, в особо трактованном философском предположении-кругозоре [8]. В случае Бахтина мы имеем дело не просто с русским

существенную роль в «Скупом рыцаре» Пушкина. Скупой барон не лжет, обвиняя сына в том, что он хочет его убить и обокрасть; у него, правда, нет доказательств э м п и р и ч е с к о г о порядка, но он знает, что сын по самой своей природе есть тот, кто будет жить после него и будет владеть его добром, т. е. убийца и вор. Скупой барон, как Хронос, хочет быть вечным, не иметь наследников (“О, если б из могилы придти я мог, сторожевою тенью сидеть на сундуке и от живых сокровища мои хранить как ныне”). Поэтому и молодому Альберу не случайно подсказывают мысль об отцеубийстве» [12, с. 240].

⁵ Фомичеву во многом возразила К. Эмерсон, настаивающая при этом на жанровой атрибуции «Бориса Годунова» как трагикомедии [34]. Но подобная атрибуция, на наш взгляд, не отрицает трактовки Фомичева.

вариантом герменевтики, но с новым модусом научности, во многом определившем лицо гуманитаристики XX–XXI вв.

1. *Агранович С.З.* Народная смеховая культура в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // Сдержательность форм в художественной литературе. Проблемы поэтики. Самара, 1991. С. 3–15.
2. *Бахтин М.М.* <Автор и герой в эстетической деятельности> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–264.
3. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к Рабле // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 80–129.
4. *Бахтин М.М.* Заметки 1962 г. – 1963 г. // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 375–378.
5. *Бахтин М.М.* Из предыстории романного слова // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 513–551.
6. *Бахтин М.М.* <К вопросам самосознания и самооценки> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 72–79.
7. *Бахтин М.М.* <К философии поступка> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 1. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 7–68.
8. *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 7–10.
9. *Бахтин М.М.* Письмо Н.М. Любимову от 24 июня 1962 г. // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (2). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2010. С. 639–640.
10. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 5–300.
11. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
12. *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле в истории реализма // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (1). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2008. С. 11–505.
13. *Бахтин М.М.* Слово в романе // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 9–179.
14. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (2). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2010. С. 7–508.
15. *Бахтин М.М.* Творчество Рабле и проблема народной культуры средневековья и Ренессанса. <Дополнения и изменения к редакции 1949–1950 гг.> // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 4 (1). М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2008. С. 517–601.
16. *Бонецкая Н.К.* Бахтин и идеи герменевтики // *Бонецкая Н.К.* Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетейя, 2022. С. 357–405.
17. *Бочаров С.Г., Гоготиливили Л.А.* Комментарии // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 492–507.
18. *Бочаров С.Г.* Пушкин и Белкин // *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. С. 127–187.
19. *Бочаров С.Г.* Стилистический мир романа («Евгений Онегин») // *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. С. 26–104.
20. *Бройтман С.Н.* Проблема диалога в русской лирике первой половины XIX века: учеб. пособие по спецкурсу / Даг. гос. ун-т им. Ленина. Махачкала, 1983. 80 с.
21. *Бройтман С.Н.* Русская лирика XIX – начала XX вв. в свете исторической поэтики. М.: РГГУ, 1997. 307 с.
22. *Дубровская С.А.* От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х – начала 1840-х гг. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 252 с.
23. *Попова И.Л.* Комментарии // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. В 7 тт. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 473–492.
24. *Попова И.Л.* Немая сцена у Пушкина и Гоголя («Борис Годунов» и «Ревизор») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 5. С. 459–466.

25. Тамарченко Н.Д. «Пиковая дама» А.С. Пушкина и «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского (о преемственности нравственно-философской проблематики). Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1972.
26. Тамарченко Н.Д. Русский классический роман. М.: РГГУ, 1997. 202 с.
27. Турбин В.Н. О Бахтине // Турбин В.Н. Незадолго до Водолея. М.: Радикс, 1994. С. 29–30.
28. Тюпа В.И. Карнавальные пары в «Повестях Белкина» // Поэтика русской литературы. К 70-летию проф. Ю.В. Манна. М.: РГГУ, 2001. С. 45–56.
29. Фомичев С.А. Смеховой мир «Комедии о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» // Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007. С. 62–88.
30. Шульц С.А. М.М. Бахтин, Р. Ингарден, П.П. Пазолини о категории «ответственности» // Slavica Tergestina. Trieste, EUT Edizioni Università di Trieste, 2017, Vol. 19. № 2. С. 226–243.
31. Шульц С.А. Достоевский, Аполлон Григорьев, Бахтин // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 2020. Т. 65. № 1. С. 193–207.
32. Шульц С.А. Карнавал и мифопоэтика (на материале «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина) // М.М. Бахтин и проблемы современного гуманитарного знания. Материалы межвузовской науч. конф. Ростов-на-Дону, 1995. С. 18–27.
33. Шульц С.А. Наследие М.М. Бахтина: контуры целостности // Slavica Wratislaviensia, 2021. Т. 174. S. 69–81.
34. Эмерсон К. «Борис Годунов»: трагедия, комедия, карнавал и история на сцене // Эмерсон К. Очерки по русской литературной и музыкальной культуре. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; БиблиоРоссика, 2020. С. 137–166.
35. Юхнова И.С. Интерпретация художественного текста сквозь призму концепции диалога (на материале творчества А.С. Пушкина) // М.М. Бахтин в современном мире: Материалы VI междунаро. саранских Бахтинских чтений, посвящ. 120-летию со дня рожд. ученого, Саранск, 25–26 нояб. 2015 г. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 242–248.
36. Юхнова И.С. Общение и диалог в творчестве Пушкина. Саранск, 2014. 204 с.
37. Якобсон Р.О. Заметки на полях «Евгения Онегина» // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 219–224.
38. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard Univ. press, 1984. 398 p.

M.M. Bakhtin about A.S. Puskin

© 2023 S.A. Schultz

Sergei A. Schultz, Ph.D. in Philology, independent researcher

E-mail: s_shulz@mail.ru

Rostov-on-Don, Russia

Annotation. Bakhtin draws the outlines of a rather flexible and integral interpretation of Pushkin's work. There are three main semantic knots in which Bakhtin comprehends Pushkin. The first one is based on the value-philosophical approach and is associated with the dialogical idea of interpenetration of personal value-ideological contexts and horizons of the author and characters. The second is devoted to novel poetics and prose. The third is related to the theory of carnival. Despite the frequent intention of illustrativeness in relation to the researcher's own philosophical and philological idea, Bakhtin's characteristics contribute a lot to our understanding of the organics of Pushkin's world. On the other hand, Pushkin's work acquires an illuminating significance for understanding Bakhtin's concepts. Bakhtin's Pushkin studies reveal with particular clarity the hermeneutic nature of Bakhtin's method: the interpretation of a text is born from the historically meaningful subjectivity of the interpreter. Let us call this subjectivity responsible: it is responsible insofar as it is marked by such features as the scale of thought and the depth of penetration into the subject. At the same time, this subjectivity is rooted in the organic, living movements of the event of being, in a specially interpreted hermeneutic pre-understanding-horizon.

Keywords: Pushkin, Bakhtin, dialogism, carnivalism, prose, theory of the novel, hermeneutics.

1. *Agranovich S.Z.* Narodnaya smekhovaya kul'tura v tragedii Pushkina «Boris Godunov» // *Soderzhatel'nost' form v khudozhestvennoi literature. Problemy poehtiki.* Samara, 1991. S. 3–15.
2. *Bakhtin M.M.* <Avtor i geroi v ehsteticheskoi deyatel'nosti> // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. S. 69–264.
3. *Bakhtin M.M.* Dopolneniya i izmeneniya k Rable // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 80–129.
4. *Bakhtin M.M.* Zametki 1962 g. – 1963 g. // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 375–378.
5. *Bakhtin M.M.* Iz predystorii romannogo slova // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 3. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. S. 513–551.
6. *Bakhtin M.M.* <K voprosam samosoznaniya i samootsenki> // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 72–79.
7. *Bakhtin M.M.* <K filosofii postupka> // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 1. M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. S. 7–68.
8. *Bakhtin M.M.* K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 7–10.
9. *Bakhtin M.M.* Pis'mo N.M. Lyubimovu ot 24 iyunya 1962 g. // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 4 (2). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. S. 639–640.
10. *Bakhtin M.M.* Problemy poehtiki Dostoevskogo // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 6. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. S. 5–300.
11. *Bakhtin M.M.* Problemy tvorchestva Dostoevskogo // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 2. M.: Russkie slovari, 2000. C. 5–175.
12. *Bakhtin M.M.* Fransua Rable v istorii realizma // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 4 (1). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. S. 11–505.
13. *Bakhtin M.M.* Slovo v romane // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 3. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. S. 9–179.
14. *Bakhtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 4 (2). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2010. S. 7–508.
15. *Bakhtin M.M.* Tvorchestvo Rable i problema narodnoi kul'tury srednevekov'ya i Renessansa. <Dopolneniya i izmeneniya k redaktsii 1949–1950 gg.> // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 4 (1). M.: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2008. S. 517–601.
16. *Bonetskaya N.K.* Bakhtin i idei germenевtiki // *Bonetskaya N.K. Bakhtin kak filosof. Postupok, dialog, karnaval.* SPb.: Aleteiya, 2022. S. 357–405.
17. *Bocharov S.G., Gogotishvili L.A.* Kommentarii // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 492–507.
18. *Bocharov S.G.* Pushkin i Belkin // *Bocharov S.G. Poehtika Pushkina. Ocherki.* M.: Nauka, 1974. S. 127–187.
19. *Bocharov S.G.* Stilisticheskij mir romana «Evgeniy Onegin» // *Bocharov S.G. Poehtika Pushkina. Ocherki.* M.: Nauka, 1974. S. 26–104.
20. *Broitman S.N.* Problema dialoga v russkoi lirike pervoi poloviny XIX veka. Makhachkala, 1983. 80 s.
21. *Broitman S.N.* Russkaya lirika XIX – nachala XX vv. v svete istoricheskoi poehtiki. M.: RGGU, 1997. 307 s.
22. *Dubrovskaya S.A.* Ot «Arzamasa» do Gogolya: smekhovoe slovo v prostranstve russkoi literatury 1810-kh nachala 1840-kh gg. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2018. 252 s.
23. *Popova I.L.* Kommentarii // *Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii.* V 7 tt. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. S. 473–492.
24. *Popova I.L.* Nemaya stsena u Pushkina i Gogolya // («Boris Godunov» i «Revizor») // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 1991. T. 50. N 5. 459–466.
25. *Tamarchenko N.D.* «Pikovaya dama» A.S. Pushkina i «Prestuplenie i nakazanie» F.M. Dostoevskogo (o preemstvennosti npravstvenno-filosofskoi problematiki). Diss. ... kand. filol. nauk. L., 1972.

26. *Tamarchenko N.D.* Russkii klassicheskii roman. M.: RGGU, 1997. 202 s.
27. *Turbin V.N.* O Bakhtine // *Turbin V.N. Ne zadolgo do Vodoleya*. M.: Radiks, 1994. S. 29–30.
28. *Tyupa V.I.* Karnaval'nye pary v «Povest'yakh BelkinA» // *Poehtika russkoi literatury*. K 70-letiyu prof. Yu.V. Manna. M.: RGGU, 2001. S. 45–56.
29. *Fomichev S.A.* Smekhovoi mir «Komedii o tsare Borise i o Grishke Otrep'evе» // *Fomichev S.A. Pushkinskaya perspektiva*. M.: Znak, 2007. S. 62–88.
30. *Shul'ts S.A.* M.M. Bakhtin, R. Ingarden, P.P. Pazolini o kategorii «otvetstvennosti» // *Slavica Tergestina*. Trieste, EUT Edizioni Università di Trieste, 2017, Vol. 19. № 2. C. 226–243.
31. *Shul'ts S.A.* Dostoevskii, Apollon Grigor'ev, Bakhtin // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, 2020. T. 65. № 1. S. 193–207.
32. *Shul'ts S.A.* Karnaval i mifopoehtika (na materiale «Malen'kikh tragedii» A.S. Pushkina) // M.M. Bakhtin i problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniya. Materialy mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 1995. C. 18–27.
33. *Shul'ts S.A.* Nasledie M.M. Bakhtina: kontury tselostnosti // *Slavica Wratislavensia*, 2021. T. 174. S. 69–81.
34. *Ehmerson K.* «Boris Godunov»: tragediya, komediya, karnaval i istoriya na stsene // *Ehmerson K. Ocherki po russkoi literaturnoi i muzykal'noi kul'ture*. Boston; SPb.: Academic Studies Press; BibliORossika, 2020. S. 137–166.
35. *Yukhnova I.S.* Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta skvoz' prizmu kontseptsii dialoga (na materiale tvorchestva A.S. Pushkina) // M.M. Bakhtin v sovremennom mire: Materialy VI mezhdunarodnykh saranskikh Bakhtinskiikh chtenii, posvyashchennykh 120-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo, Saransk, 25–26 noyabrya 2015 goda. Saransk: isd-vo Mordov. un-ta, 2016. S. 242–248.
36. *Yukhnova I.S.* Obshchenie i dialog v tvorchestve Pushkina. Saransk, 2014. 204 s.
37. *Yakobson R.O.* Zametki na polyakh «Evgeniya Onegina» // *Yakobson R.O. Raboty po poehtike*. M.: Progress, 1987. S. 219–224.
38. *Clark K., Holquist M.* Mikhail Bakhtin. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard Univ. press, 1984. 398 p.

Языковые средства создания комического в эпистолярном дискурсе А.С. Пушкина

© 2023 Д.А. Цыганов

*Цыганов Денис Александрович, аспирант кафедры русского языка как иностранного
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.*

E-mail: denis_mordovia@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ фразеологизмов и окказионализмов, участвующих в репрезентации комического в эпистолярном дискурсе А.С. Пушкина, описаны механизмы их использования автором при создании языковой игры в письмах дружеской и литературно-критической направленности. Результаты исследования позволяют оценить современное состояние данного вопроса в отечественной науке, наметить перспективы его дальнейшего рассмотрения.

Ключевые слова: комическое, ирония, сатира, сарказм, гротеск, смех, эпистолярный, фразеологизм, окказионализм.

Категория комического всегда находилась в центре внимания отечественных ученых. Исследование феномена комического осуществлялось в философском, социально-психологическом, культурологическом, эстетическом, лингвистическом и литературоведческом аспектах.

Обратимся к понятию комического в науке. Опираясь на устоявшиеся определения комического [10; 12; 21], обобщив наблюдения, представленные в последнее десятилетие [7], отметим, что традиционно под «комическим» понимают эстетическую категорию, которая характеризует смешные, нелепые, курьезные, а также ничтожные явления и стороны объективной (реальной) и субъективной (внутренней) действительности.

Категория комического тесно сопряжена со смехом, который является атрибутом комического и результатом его воздействия на воспринимающего. Источником комического становится осознание индивидом какого-либо несоответствия, противоречия, что можно назвать сутью, природой комического. Как и смех, который может быть добрым, злым, едким, жестоким, надменным и т. д., комическое характеризуется многообразием репрезентаций в литературе и искусстве (юмор, ирония, сатира, сарказм и т. д.), но всегда имеет социальную маркированность.

Будучи неразрывно связанным с текстом, который отличается идейной заданностью, комическое в литературе и искусстве всегда так или иначе направлено на искоренение различных пороков через их акцентирование в художественной форме, осмеяние. Способом актуализации комического в художественном тексте становится игра (игра со смыслами, языковая игра), на которой базируются его приемы (гипербола, литота, каламбур, двусмысленность, комические ситуации и т. д.). С учетом жанрового и видового разнообразия комического, многоплановости подходов к его научной интерпретации можно сделать вывод о существовании в словесном и других видах искусства особой эстетической системы, нуждающейся в детальном, разноаспектном изучении на различном материале. Между тем именно лингвистический и сопряженный с ним лингвопрагматический аспекты анализа данного феномена остаются наименее разработанными.

Проблема комического, средств и приемов его создания в творчестве Пушкина не раз становилась предметом анализа в работах отечественных и зарубежных исследователей. Впервые о карнавальной природе комического у Пушкина заговорил М.М. Бахтин [2–4]. Вслед

за ним к изучению «карнавальных элементов» в творчестве Пушкина обращались В.С. Баевский [1], Л.И. Вольперт [5], В.Е. Хализев [20] и другие [см., например: 6; 22; 23]. При этом ученые подчеркивали особую роль языка и языковых средств создания комического в карнавализации пушкинского текста. Характеризуя комическую составляющую пушкинского слова, Бахтин отмечал: «Язык Пушкина это <...> пронизанный иронией (в разной степени) оговорочный язык нового времени» [4, с. 388].

Цель нашей статьи – выявление языковых средств создания комического в эпистолярном наследии А.С. Пушкина и оценка степени изученности данного вопроса в лингвистике.

Наибольший интерес у литературоведов вызывают художественные произведения, в которых комическое выступает структурно-смысловым центром, подчиняющим себе все стороны изложения, последовательно репрезентируясь на его жанровом, проблемно-тематическом, стилистическом, языковом уровнях. Между тем другие типы дискурса, в частности литературно-критический, с этой точки зрения рассмотрены недостаточно.

Среди литературно-критических текстов первой половины XIX столетия – времени расцвета русской литературной критики – особое место принадлежит эпистолярию. Именно переписка между поэтами, писателями, драматургами, критиками нередко становилась местом активного обмена оценочными суждениями относительно новых произведений, их новаторских черт и других достижений авторов, отдельных замечаний и высказываний относительно пути развития русской и мировой литературы в целом.

В русской словесности литературно-критической направленности 1820–1840 гг. особняком стоит эпистолярный Пушкина, характеризующийся диалогичностью, полифункциональностью, синтетической природой, объединяющий в себе документальные, художественные, публицистические, разговорные и даже просторечные элементы, последовательно реализующие мировоззренческую, художественную и коммуникативную функции. О.П. Фесенко в своих многочисленных работах [см., например: 13–18] отмечает метатекстовость писем Пушкина, которые связаны между собой по форме и содержанию. В них поэт всегда вступает в диалог с адресатом, учитывая предыдущие письма и ответные реплики. Возникает сложная художественно-документальная реальность, которая строится по законам эпистолярия, но с присущими идиостилю писателя особенностями изложения и коммуникации, где важным интегрирующим началом становится комическое. Искрометный пушкинский юмор помогает вести разговор непринужденно и в то же время затрагивать очень важные и сложные темы, маневрировать между замечаниями оппонента, умело избегая острых столкновений, споров.

Материалом исследования в данной статье также являются научные публикации последних десятилетий, затрагивающие различные аспекты изучения языковых средств создания комического в пушкинском эпистолярии и литературно-критическом дискурсе (историко-лингвистический, функционально-стилистический, оценочный). В результате проведенного анализа мы установили, что в целом обозначенная проблема остается на периферии научных интересов отечественных авторов. Можно выделить работы О.П. Фесенко [13–18], Л.К. Филиппова [19], в которых представлено системное рассмотрение вопроса о языковых средствах создания комического в эпистолярии Пушкина. К основным языковым средствам ученые относят фразеологизмы и окказионализмы, при этом данные группы языковых единиц имеют взаимоперекрещивающийся характер в идиостиле художника слова, поскольку устойчивые обороты также подвергаются различным трансформациям. По мнению Фесенко, комический эффект в пушкинском эпистолярии обусловлен желанием писателя, с одной стороны, создать атмосферу непринужденного дружеского общения, поддержать или усилить разговорную стилистику письма в целом, с другой стороны, актуализировать оценку объекта или предмета речи.

С целью создания комического эффекта в письмах Пушкин прибегает к использованию следующих средств.

1. Стилистически окрашенных (экспрессивных) фразеологизмов, когда, например, устойчивый оборот разговорной маркированности попадает в чуждое ему стилистическое окружение. В качестве примера можно привести фразеологизм «метать бисер перед свиньями» со значением «напрасно объяснять, доказывать что-либо кому-то, кто не способен понять это» [9, с. 538]. Данный фразеологизм имеет яркую экспрессивную окраску, отличается разговорным характером. Автор писем использует его наряду с книжной лексикой, изменяя компонентный состав в соответствии с коммуникативной ситуацией: «*Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой, на то проза – мякина*» (М.П. Погодину, первая половина сентября 1832 г.) [11, с. 233]. В другом примере поэт, наоборот, прибегает к усечению компонентного состава идиомы, изменению ее стилистической окраски. Образ, транслируемый ею, резонирует с семантикой высказывания, актуализирует его второй смысловой план: «*Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc.*» (А.И. Тургеневу, 16 января 1837 г.) [11, с. 702].

2. Контрастных по смыслу фразеологизмов, например: «– Я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый, **Бог с ним, черт его поберет**» (Д.В. Давыдову, 20 мая 1836 г.) [11, с. 614].

3. Окказиональных фразеологизмов, подвергшихся буквализации значений компонентов, замене одного из компонентов, расширению компонентного состава, изменению структуры или созданных автором по узуальным моделям. Данные фразеологизмы обладают максимальным потенциалом в создании комического эффекта, поскольку наделены выпуклой внутренней формой, часто вписанной в общий смысловой контекст изложения. Так, в рассуждении о литературном творчестве Пушкин часто использует глагол «марать» в переносном значении «вычеркивать из написанного» [9, с. 534], включая его в компонентный состав фразеологизмов, например: «*В порядке пьес держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова – исключайте, **марайте с плеча***» (Л.С. Пушкину и П.А. Плетневу, 15 марта 1825 г.) [11, с. 129] (сравним литературный фразеологизм «рубить с плеча» «принимать поспешные и зачастую необратимые решения без должного анализа ситуации» [9, с. 713], здесь: «вычеркивайте без жалости, решительно»). Поскольку часто речь идет о поэзии, то автор прибегает к олицетворению – наделению такого органа, связанного с речью, как язык, признаками живого существа: «*Скажи от меня Жуковскому, чтоб он помолчал о происшествиях ему известных. Я решительно не хочу выносить сору из Михайловской избы – и ты, душа, **держи язык на привязи***» (Л.С. Пушкину, 1–10 ноября 1824 г.) [11, с. 129] (сравним литературный фразеологизм «держать язык за зубами» («молчать, быть осторожным в словах и выражениях») [9, с. 288]). Трансформация узуальных фразеологизмов способствует усилению экспрессивного воздействия на читателя: «*Не знаю, получил ли ты очень нужное письмо; на всякий случай повторю вкратце о деле, которое меня **задирает заживо***» (В.А. Жуковскому, октябрь 1824 г.) [11, с. 129] (сравним литературный фразеологизм «хватать за живое» «глубоко волновать, захватывать» [9, с. 883]).

По наблюдениям Фесенко, фразеологизмы используются Пушкиным и как средство создания языковой игры – для повышения смысловой многоплановости изложения и усиления эмоционально-экспрессивной окраски повествования (направленных на достижение прагматических установок и интенций автора). Однако комическая функция исследовательницей не упоминается. По нашему мнению, в этой же функции выступают лексические окказионализмы, образованные: а) лексико-синтаксическим способом: «*Резвоскачушая кровь Грибоедова*» (Л.С. Пушкину, май 1825 г.) [11, с. 143]; б) сложно-суффиксальным способом: «*О Вяземском получил известие. Перешили ему, душа и все, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего **чтеньебесия***» (Л.С. Пушкину, 27 марта 1825 г.) [11, с. 133]; в) префиксальным способом: «*Ты, женка моя, **пребезалаберная** (насилу слово написал)*» (Н.Н. Пушкиной, 11 июля 1834 г.) [11, с. 502]; г) суффиксальным способом: «*Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын – т. е. мнителен и **хандрлив***»

(каково словечко?)» (А.А. Дельвигу, 4 ноября 1830 г.) [11, с. 314]. Заметна рефлексия языковой игры с помощью окказионализмов. Она усиливает комический эффект, созданный при их участии, равно как и помещение нескольких таких слов в узкий контекст: «*Но полумилорд Воронцов даже не полугерой*» (В.А. Жуковскому, 29 ноября 1824 г.) [11, с. 111] (каламбур). В качестве производящих основ Пушкин часто использует имена собственные (фамилии), что повышает юмористический характер изложения: «*Сле-Пушкину (крестьянскому поэту Ф.Н. Слепушкину) дают и кафтан, и часы, и полумедаль, а Пушкину полному – шииш*» (П.А. Плетневу, 3 марта 1826 г.) [11, с. 203]. На базе окказионализмов образуются различные тропы, в данном случае антитеза.

Таким образом, вопрос о языковых средствах создания комического в литературно-критическом дискурсе на материале пушкинского эпистолярия в настоящее время остается изученным недостаточно. Отечественные лингвисты лишь указывают наиболее перспективные направления для исследований, однако глубокого, всестороннего анализа фразеологизмов и окказионализмов предпринято не было. Пушкин эффективно использует целый комплекс механизмов актуализации комического с помощью данных единиц языка, демонстрируя филигранность и сложность идиостиля, богатство языковой личности в целом.

1. Баевский В.С. Доминанты художественной эволюции Пушкина // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1999. № 2. С. 23–33.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. 958 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М.: Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
5. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской литературы. Пушкин и Стендаль. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 328 с.
6. Дубровская С.А. От «Арзамаса» до Гоголя: смеховое слово в пространстве русской литературы 1810-х начала 1840-х гг. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2018. 252 с.
7. Калмыкова И.Г. Категория комического и жанр комедии в литературном процессе: проблемы изучения // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10. С. 138–143.
8. Лунькова Л.Н. Специфика и типологические свойства художественного текста // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 47–51.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ТЕМП, 2007. 988 с.
10. Пинский Л.Е. Комическое // Большая советская энциклопедия. 3-е изд-е. Т. 12. М., 1973. С. 516–517.
11. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10-ти т. Т. 10. М.: Наука, 1965. 902 с.
12. Ромашко С.А. Комическое // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2016). URL: <https://bre.mkrf.ru/philosophy/text/2085214?ysclid=ljl109rpid514850326> (Дата обращения: 01.06.2023)
13. Фесенко О.П. К вопросу о научных классификациях эпистолярных текстов А.С. Пушкина // Актуальные вопросы современного образования: сб. ст. / под ред. А.Г. Аношкина, Н.А. Павловой. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. Вып. 2. С. 124–127.
14. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дис... докт. филол. наук. Томск, 2009. 37 с.
15. Фесенко О.П. О некоторых языковых особенностях писем А.С. Пушкина // Вестник ХГУ им. Катанова. 2002. Вып. 3. С. 132–134.
16. Фесенко О. П. Проблема отражения фразеологии пушкинской поры в словарях русского языка // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 1. С. 47–51.
17. Фесенко О.П. Словарь фразеологизмов дружеских писем первой трети XIX века. Омск: Изд-во «АНО ВПО Омский экономический ин-т», 2009. 378 с.

18. *Фесенко О.П.* Фразеология эпистолярных текстов А.С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. 23 с.
19. *Филиппов Л.К.* Окказионализмы в письмах А.С. Пушкина // *Филологические науки*. 1999. № 4. С. 77–79.
20. *Хализев В.Е.* Веселье и смех в пушкинских сюжетах 1830 г. // *Филологические науки*. 1987. № 1. С. 3–10.
21. *Хализев В.Е.* Теория литературы. 6-е изд., испр. М.: Академия, 2013. 432 с.
22. *Эйдельман Н. Я.* Статьи о Пушкине. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 455 с.
23. *Эмерсон К.* Очерки по русской литературной и музыкальной культуре / пер. с англ. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 559 с.

Linguistic means of creating the comic in the epistolary discourse of A.S. Pushkin

© 2023 D.A. Tsyganov

*Denis A. Tsyganov, Ph.D. student at the Chair of Russian as a Foreign Language
in the Mordovia State University.*

E-mail: denis_mordovia@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Russia

Annotation. The article presents an analysis of phraseological units and occasionalisms involved in the representation of the comic in the epistolary discourse of A.S. Pushkin, describes the mechanisms of their use by the author when creating a language game in letters of a friendly and literary-critical orientation. The results of the study allow us to assess the current state of this issue in Russian science, to outline the prospects for its further consideration.

Keywords: comic, irony, satire, sarcasm, grotesque, laughter, epistolary, phraseology, occasionalism.

1. Baevskij V.S. Dominantny hudozhestvennoj jevoljucii Pushkina // *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 1999. № 2. S. 23–33.
2. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij* [v 6 (7) t.]. T. 1: *Filosofskaja jestetika 1920-h godov*. M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 958 s.
3. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij* [v 6 (7) t.]. T. 4(1): «Fransua Rable v istorii realizma» (1940 g.). *Materialy k knige o Rable (1930–1950-e gg.)*. Kommentarii i prilozhenija. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. 1120 s.
4. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij* [v 6 (7) t.]. T. 6: *Problemy pojetiki Dostoevskogo*, 1963. *Raboty 1960–1970-h gg.* M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 800 s.
5. Vol'pert L.I. Pushkin v roli Pushkina. *Tvorcheskaja igra po modeljam francuzskoj literatury. Pushkin i Stendal'*. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998. 328 s.
6. Dubrovskaja S.A. Ot «Arzamasa» do Gogolja: smehovoe slovo v prostranstve russkoj literatury 1810-h nachala 1840-h gg. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2018. 252 s.
7. Kalmykova I.G. Kategorija komicheskogo i zhanr komedii v literaturnom processe: problemy izuchenija // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. № 10. S. 138–143.
8. Lun'kova L.N. Specifika i tipologicheskie svojstva hudozhestvennogo teksta // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2009. № 1. S. 47–51.
9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: okolo 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij*. M.: TEMP, 2007. 988 s.
10. Pinskij L.E. *Komicheskoe* // *Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija*. 3-e izd-e. T.12. M., 1973. S. 516–517.
11. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij: v 10-ti t.* T. 10. M.: Nauka, 1965. 902 s.

12. Romashko S.A. Komicheskoe // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. Jelektronnaja versija (2016). URL: <https://bre.mkrf.ru/philosophy/text/2085214?ysclid=ljl109rpjd514850326> (Data obrashhenija: 01.06.2023)
13. Fesenko O.P. K voprosu o nauchnyh klassifikacijah jepistoljarnyh tekstov A.S. Pushkina // Aktual'nye voprosy sovremennogo obrazovanija: sb. st. / pod red. A.G. Anoshkina, N.A. Pavlovoj. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2002. Vyp. 2. S. 124–127.
14. Fesenko O.P. Kompleksnoe issledovanie frazeologii družeskogo jepistoljarnogo diskursa pervoj treći XIX veka: avtoref. dis... dokt. filol. nauk. Tomsk, 2009. 37 s.
15. Fesenko O.P. O nekotoryh jazykovyh osobennostjah pisem A.S. Pushkina // Vestnik HGU im. Katanova. 2002. Vyp. 3. S. 132–134.
16. Fesenko O. P. Problema otrazhenija frazeologii pushkinskoj pory v slovarjah russkogo jazyka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2009. № 1. S. 47–51.
17. Fesenko O.P. Slovar' frazeologizmov družeskih pisem pervoj treći XIX veka. Omsk: Izd-vo «ANO VPO Omskij jekonomičeskij in-t», 2009. 378 s.
18. Fesenko O.P. Frazeologija jepistoljarnyh tekstov A.S. Pushkina v semantičeskom, stilističeskom i funkcional'nom aspektah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tjumen', 2003. 23 s.
19. Filippov L. K. Okkazionalizmy v pis'mah A. S. Pushkina // Filologičeskie nauki. 1999. № 4. S. 77–79.
20. Halizev V.E. Vesel'e i smeh v pushkinskih sjuzhetah 1830 g. // Filologičeskie nauki. 1987. № 1. S. 3–10.
21. Halizev V.E. Teorija literatury. 6-e izd., ispr. M.: Akademija, 2013. 432 s.
22. Jejdel'man N. Ja. Stat'i o Pushkine. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 455 s.
23. Jemerson K. Očerki po russkoj literaturnoj i muzykal'noj kul'ture / per. s angl. SPb.: Academic Studies Press / BiblioRossika, 2020. 559 s.

Елена Александровна Бахтина в воспоминаниях жителей Саранска

© 2023 И.В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов,
аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

© 2023 Л.М. Лисунова

*Людмила Михайловна Лисунова, кандидат философских наук,
независимый исследователь
E-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru*

Саранск, Россия

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот устные воспоминания о жене Михаила Михайловича Бахтина – Елене Александровне Бахтиной (урожд. Околович). Авторами статьи в 1980-х – 2000-х гг. были опрошены люди, общавшиеся с ней в Саранске в 1945–1969 гг. Используются также фрагменты опубликованных воспоминаний современников о супругах Бахтиных. Полученные результаты позволяют уточнить некоторые детали биографии М.М. Бахтина, составить более объемное представление о его личности. Статья продолжает серию публикаций, подготовленных на основе собранных авторами воспоминаний жителей Саранска и Республики Мордовия о М.М. Бахтине.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Е.А. Бахтина (Околович), Саранск, история Мордовии, устные мемуары.

В одной из публичных лекций М.М. Бахтина, прочитанных в саранском городском университете культуры в 1959 г. были такие слова: «Домашний (семейный) быт должен быть основан на дружбе и любви... В семье мы можем <быть> сами собой. Семья дает более благодатную почву, чтобы распустился “человеческий цветок”. Любовь и дружба должны помочь человеку <стать> лучше... В семье муж и жена в любви и дружбе взаимно воспитывают <друг друга>. Мы хотим, чтобы нас любили, следовательно, надо любить других... В семье должен быть не флирт, а любовь...» (запись А.И. Талалаевой) [цит. по: 17, с. 429]. Несомненно, что, говоря о таких отношениях в семье, Бахтин имел в виду свою жену. Елена Александровна Бахтина (урожд. Околович) – удивительная женщина, на протяжении долгих лет ежедневно и ежечасно свершавшая настоящий жизненный подвиг, разделявшая со своим мужем все жизненные тяготы, бывшая для него незаменимой опорой.

В другой лекции – учебной, прочитанной Бахтиным в Мордовском университете, он говорил о мотиве кольца в мировой литературе: «...Мотив кольца – мотив и символ вечности, вечной верности, нерушимости (так он и дошел до наших дней: обручальные кольца)» [2, с. 49]. Многие из бывших студентов вспоминали, что он был единственным из их преподавателей-мужчин, носившим обручальное кольцо. Это удивляло: в то время никто не венчался, и было не принято носить обручальные кольца. Их не носили ни женщины, ни тем более мужчины. Это кольцо мы видим на руке Бахтина на сделанной Витебске в 1924 г. известной фотографии, где супруги запечатлены вместе.

**Михаил Михайлович и Елена Александровна Бахтины. Фрагмент фотографии.
Витебск. 1924 г. Фотография из открытых источников**

Бахтин никогда не снимал своего кольца. С годами, когда он начал полнеть, палец распухал, кольцо вросло в него, сдавливало, вызывая боль, и его уже невозможно было снять. Пришлось найти человека, который смог специальным инструментом разрезать его. В таком – разрезанном – виде оно хранилось потом у Бахтина и было обнаружено после его смерти (вместе с кольцом Елены Александровны) в маленькой коробочке, положенной в ящик его письменного стола [см.: 13].

**Кольца Михаила Михайловича и Елены Александровны Бахтиных.
Центр М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева**

В 1980-х – 2000-х гг. мы записывали устные воспоминания людей, общавшихся с Бахтиным и его женой в Саранске. Эти записи частично опубликованы нами [см., например: 8; 9; 15]. Это бывшие студенты Бахтина, его коллеги по работе в вузе, его соседи по двум саранским адресам: Советская, 34 (1945–1959) и Советская, 31 (1959–1969). В основу настоящей статьи положены воспоминания о Елене Александровне Бахтиной. Приводим данные о наших собеседниках в алфавитном порядке.

Башкиров Вячеслав Никифорович (р. 1942) – музыкант. Окончил Саранское музыкальное училище им. Л.П. Кирюкова по классу хорового дирижирования (1960) и фортепиано (1969), историко-географический факультет Мордовского ГУ, аспирантуру МГУ им. Н.П. Огарева (1983). С 1991 г. – дирижер, директор государственного камерного хора Министерства культуры РМ. В 1968–1969 гг. – сосед Бахтиных (Советская, 31).

Беляков Алексей Александрович (1926–2015) – врач-хирург. Кандидат медицинских наук, профессор. Преподавал в Мордовском ГУ (МГУ им. Н.П. Огарева), был заведующим кафедрой, в 1968–1971 гг. – деканом медицинского факультета. Лечил М.М. Бахтина в конце 1950-х – 1960-х гг. Часто бывал в доме, где он жил (Советская, 34).

Брыжинский Василий Сергеевич (р. 1934) – театровед, режиссер, драматург, педагог. Кандидат искусствоведения, доцент. Окончил учительский институт при МГПИ им. А.И. Полежаева (1952), Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии (1964). Преподаватель, доцент, профессор, декан факультета (ныне института) национальной культуры МГУ им. Н.П. Огарева (1952–2009).

Глазунов Дмитрий Иванович (1919–2011) – историк, педагог. Кандидат исторических наук, доцент. Окончил МГПИ им. А.И. Полежаева (1949), аспирантуру Мордовского ГУ (1957). Секретарь парткома, преподаватель кафедр истории КПСС, научного коммунизма МГПИ им. А.И. Полежаева / Мордовского ГУ / МГУ им. Н.П. Огарева. Был студентом М.М. Бахтина, общался с ним, работая в вузе.

Естифеева Валентина Борисовна (1922–2011) – педагог, литературовед. Кандидат филологических наук, доцент. С 1945 г. – коллега М.М. Бахтина по кафедре. До своего ухода на пенсию работала там же. В 1946–1959 гг. – соседка Бахтиных (Советская, 34).

Жаркова Наталья Федоровна (1914–1999) – домохозяйка. Жена преподавателя математического факультета МГПИ им. А.И. Полежаева / Мордовского ГУ / МГУ им. Н.П. Огарева Федора Терентьевича Жаркова. В 1940-х – 1950-х – соседка Бахтиных (Советская, 34).

Ивановская Нелли Михайловна (1934–2000) – филолог, библиограф. Дочь преподавателя кафедры русского языка МГПИ им. А.И. Полежаева, затем МГПИ им. М.Е. Евсевьева Александры Ивановны Чикиной (1906–1998). Окончила филологический факультет Мордовского ГУ (1958). Была студенткой Бахтина. Работала в библиотеке университета. В 1945–1949 гг. – соседка Бахтиных (Советская, 34).

Кирдяшов Василий Филиппович (р. 1941) – политолог, педагог. Кандидат философских наук, доцент. Окончил филологический факультет Мордовского университета (1963). Преподавал там же.

Конюхова Эльвира Васильевна (р. 1936) – филолог, педагог. Окончила филологический факультет (1960), аспирантуру Мордовского ГУ (1969). Студентка, затем аспирантка М.М. Бахтина. Работала учителем русского языка и литературы в средних школах Саранска, Ленинграда / Санкт-Петербурга [см. о ней: 18].

Кузовенкова Наталья Николаевна (1910–1992) – биолог, филолог. Окончила естественный факультет, затем заочно – историко-филологический факультет Мордовского университета. Инспектор, начальник саранской малярной станции. Была студенткой М.М. Бахтина. Тесно общалась с семьей Бахтиных в 1953–1963 гг. [см. о ней: 14].

Куканова Нина Григорьевна (1923–2010) – историк, педагог. Доктор исторических наук, профессор. Преподавала в Мордовском ГУ / МГУ им. Н.П. Огарева. Жена Александра Михайловича Куканова (1912–1991), работавшего на кафедре, которой руководил М.М. Бахтин. В конце 1950-х – 1960-х гг. супруги Кукановы тесно общались с Бахтиными.

Лапицкий Евгений Давидович (р. 1942) – журналист. Окончил факультет механизации сельского хозяйства (1980) и филологический факультет (1969, заочно) Мордовского ГУ. Редактор отдела республиканской газеты «Молодой Ленинец», Мордовского книжного издательства, Центра Олимпийской подготовки РМ, ДОСААФ, главный редактор журнала «Деловая Мордовия» (1969–2007). Был студентом М.М. Бахтина, общался с ним также после его отъезда из Саранска.

Маргулис Владимир Александрович (р. 1954), физик, педагог; кандидат физико-математических наук, доцент; преподаватель, доцент МГУ им. Н.П. Огарева; сын А.Д. Маргулиса и П.С. Рабинович (см. о них ниже).

Мирская Виктория Александровна (р. 1941) – филолог, педагог. Кандидат филологических наук, доцент. Окончила историко-филологический факультет Мордовского ГУ (1963). Преподаватель, доцент МГПИ им. М.Е. Евсевьева. Была студенткой М.М. Бахтина, затем поддерживала дружеские связи с ним и Еленой Александровной [см.: 2].

Музаферов Энвер Рашитович (1937–2018) – историк, политолог, педагог. Кандидат философских наук, доцент. Окончил историко-филологический факультет Мордовского ГУ (1960). Преподаватель, доцент Мордовского ГУ / МГУ им. Н.П. Огарева (1960–2002).

Рабинович Полина Самойловна (1919–2010) – педагог. Жена физика-математика, педагога Александра Давыдовича Маргулиса. (1914–1993). Окончила Смоленский ГПИ. Преподаватель английского языка в МГПИ им. А.И. Полежаева / Мордовском ГУ / МГУ им. Н.П. Огарева (1946–1979). Соседка Бахтиных по обоим саранским адресам.

Рябцева Александра Ивановна (1928–2005) – педагог. Работала учителем русского языка и литературы в школах Мордовии. В конце 1950-х гг. часто бывала в гостях у своих родственников, живших в одном доме с Бахтиными (Советская, 34).

Сорокина Светлана Ивановна (р. 1940) – педагог. Окончила историко-филологический факультет Мордовского ГУ (1962). Работала учителем в средних школах Мордовии (1963–2009).

Титова Ольга Михайловна (1931–2012) – педагог. Внучка Е.Н. Харламовой – знакомой М.М. Бахтина по Ленинграду, участницы одного из религиозно-философских кружков. Окончила филологический факультет МГПИ им. А.И. Полежаева (1953). Работала учителем в школах Саранска [см. о ней: 10].

Филатов Лев Герасимович (1930–2013) – историк, педагог. Доктор исторических наук, профессор. Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова (1954). Работал учителем в средней школе, старшим лаборантом кафедры истории МГПИ им. А.И. Полежаева (1954). С 1955 г. – научный сотрудник НИИЯМИЭ и преподаватель кафедры марксизма-ленинизма МГПИ им. М.Е. Евсевьева. В 1974–2008 гг. – в МГУ им. Н.П. Огарева: заведующий кафедрой, профессор кафедры истории Отечества. С 2008 г. – ведущий научный сотрудник НИИГН. Общался с М.М. Бахтиным с 1956 г. до его отъезда из Саранска.

Шепелева Антонина Максимовна (1918–2008) – филолог, педагог. Окончила филологический факультет Саратовского ГУ. Преподаватель МГПИ им. А.И. Полежаева, затем МГПИ им. М.Е. Евсевьева (1944–2000). Соседка М.М. Бахтина (Советская, 31).

В статье также использованы опубликованные воспоминания выше упоминавшейся **Валентины Борисовны Естифеевой** [5; 6], бывших студентов Бахтина литератора, журналиста **Валерия Николаевича Бармичева** (р. 1941) [1] и литературоведа, библиографа, кандидата филологических наук, окончившего МГПИ им. А.И. Полежаева (1947), затем аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) (1956), работавшего в Мордовской республиканской библиотеке (1947–1948), библиотеке ИМЛИ, ИНИОН РАН **Юрия Давыдовича Рыскина** (1924–2006) [21], а также людей, общавшихся с Бахтиным в 1960-х – 1970-х гг.: литературоведов **Абрама Зиновьевича Вулиса** (1928–1993) [3], **Анны Ивановны Журавлевой** (1938–2009) [7], **Вадима Валериановича Кожинова** [19], лечившего Бахтина врача-нейрореабилитолога **Владимира Львовича Найдина** (1933–2010) [20]. Также обращаемся к роману «Камни растут и светят» (Саранск, 1985) бывшего студента

Бахтина – журналиста, литератора **Василия Федоровича Егорова** (1935–1990), окончившего историко-филологический факультет Мордовского ГУ (1957) [см. о нем: 12].

Все люди, знавшие Елену Александровну, отмечали, что она отличалась необыкновенной хрупкостью сложения.

Н.Ф. Жаркова. *Росточком она была маленькая, худенькая...*

А.М. Шепелева. *Вам, наверное, даже трудно представить, какая она была хрупкая. Очень худенькая и маленькая, совсем как ребенок. Я ее могла свободно на руки поднять.*

В.А. Мирская. *Она была, как двенадцатилетняя девочка.*

С.И. Сорокина. *Это была очень милая женщина. Маленькая, сухонькая.*

А.И. Рябцева. *Елена Александровна была маленькой и хрупкой. Но в ней чувствовалась какая-то непобедимая внутренняя сила.*

Н.М. Ивановская. *У нее были очень красивые глаза – большие, темно-карие. И она красиво улыбалась.*

Все, кто встречался в Саранске с супругами Бахтиными, подчеркивали, что между ними были необыкновенные отношения:

Н.Ф. Жаркова. *Удивительная была пара. У них было взаимное обожание.*

В.С. Брыжинский. *Елена Александровна и Михаил Михайлович очень заботливо относились друг к другу. Жить друг без друга не могли.*

В.А. Мирская. *Это были необычайно красивые и порядочные люди. Было удивительно теплое отношение у них друг к другу.*

С.И. Сорокина. *Елена Александровна Михаилу Михайловичу была добрым другом. Они удачно дополняли один другого*

О.М. Титова. *Между Еленой Александровной и Михаилом Михайловичем было абсолютное, полное родство. Они были как один организм. Моя тетя Ольга Леонидовна Харламова (коллега Бахтина по институту. – Авторы) рассказывала мне, как однажды, приблизительно в 1949–1951 гг. она ехала в Москву в одном купе с Бахтиным. Они сидели на нижних полках, друг напротив друга и долго разговаривали: о работе, о литературе. Вдруг совершенно неожиданно Михаил Михайлович произнес, обращаясь, не к Ольге Леонидовне, а к самому себе или еще к кому-то: «А вот Елена Александровна думает сейчас, как я еду в поезде...».*

П.С. Рабинович также утверждала, что Бахтин и его жена были «как одно целое». Она считала символичным, что ее младший сын Володя (В.А. Маргулис) в детстве называл Михаила Михайловича «дядя Митя», а Елену Александровну – «тетя Митя».

«Они очень нежно относились друг к другу: “Леночка”, “Мишенька” – звучало постоянно в их разговоре», – вспоминал Ю.Д. Рыскин [21, с. 113]. (Бахтин называл жену «Лёночка» или «Лёнушка»).

Н.М. Ивановская. *Это был замечательный, удивительный союз. Когда Бахтин уходил из дома, они всегда целовались. Мне, как и другим жильцам, это было в диковину. У нас в Саранске в те времена это было как-то не принято. Это было удивительно для всех еще и потому, что возраст у них был солидный – за пятьдесят, и вдруг такие чувства друг к другу. Причем было совершенно очевидно, что это не показное. Мне это очень нравилось. Когда случайно я оказывалась свидетельницей этой трогательной сцены, на душе как-то по-особому радостно становилось. Мой будущий муж Олег, который тогда тоже жил в этом доме, также не раз становился невольным свидетелем этих сцен. И потом, когда мы поженились, мы всегда, уходя на работу, прощались так же, как Бахтины.*

В.А. Мирская. *Мой друг Валерий Бармичев был прирожденным репортером, он мог задавать Михаилу Михайловичу любые вопросы, которые другой человек никогда бы не решился задать. У него это получалось очень естественно. Самое удивительное, что Бахтин отвечал на эти вопросы. Я-то всегда считала, что, если человек не рассказывает чего-то о себе сам, то мне этого знать совсем не обязательно. А Валерий был человек дотошный. Однажды он даже спрашивал Бахтина, как они познакомились с Еленой Александровной. Михаил Михайлович ему рассказывал, что сначала он ухаживал за Марией Вениаминовной*

Юдиной, но почему-то из этого ничего не вышло. Однако они остались друзьями на всю жизнь.

Об этом позже вспоминал и сам В.Н. Бармичев: «Бахтин был немного влюблен в Марию Вениаминовну, и Елена Александровна ревновала...» [1, с. 183]. Следует отметить, что в опубликованных воспоминаниях Бармичева (и его жены Валентины Петровны Бармичевой) многое не соответствует действительности, однако данный факт подтверждается свидетельствами других людей.

Э.В. Конюхова. *Как-то при мне одна знакомая спросила Елену Александровну: «Вы столько лет вместе, и у Вас такие трогательные отношения. Неужели не было за всю жизнь недомолвок, ссор?!» Елена Александровна посмотрела такими огромными красивыми глазами и ответила: «Есть разлучница». «Кто?» – спрашивает ее собеседница. «Юдина» – отвечает она. Но они не любили таких разговоров, особенно Михаил Михайлович. Он подошел к ней в тот момент, поцеловал в щечку – и тема была закрыта.*

Бывшие соседи Бахтиных (Советская, 34), рассказывали, что по дому-«тюрьме» в середине – конце 1950-х гг. «ходили слухи», будто Михаил Михайлович влюблен в жену преподавателя английского языка Юрия Сергеевича Гусева – Клару; некоторые даже утверждали, что у них был роман. (Гусев Юрий Сергеевич (1925–1978) работал в МГПИ им. А.И. Полежаева / Мордовском ГУ / МГУ им. Н.П. Огарева с 1954 г.; в 1976–1978 гг. был деканом факультета иностранных языков). Гусевы были соседями Бахтиных; Клара была дочерью генерала, Юрий Сергеевич после войны был переводчиком при штабе ее отца. Она нигде не работала, у нее не было высшего образования, в середине 1950-х гг. она поступила на заочное отделение пединститута / университета. Алексей Александрович Беляков дружил с Юрием Сергеевичем и часто бывал в этом доме у Гусевых.

А.А. Беляков. *Насчет романа – это полная ерунда. Никакого романа, конечно, не было. Но то, что Михаил Михайлович по-особому относился к женщинам, тем более красивым, это правда. Я бы не удивился, если бы мне сказали, что в молодости он был ловеласом. Но тогда он был уже в возрасте, а Клара была совсем молода, моложе своего мужа лет на десять. Она была очень красивая – белокурая, с голубыми глазами. А Бахтин разбирался в женской красоте, понимал, ценил. Действительно, в присутствии этой женщины он совершенно преображался, менялся в лице, словно молодел, озарялся каким-то светом, становился веселым, остроумным. Она его вдохновляла. Но слухи о романе тут абсолютно безосновательны. Помню, когда постепенно начали расселять жильцов «тюрьмы», Гусевым дали квартиру на Светотехстрое – тогда это был совсем новый район города, кругом были сплошные новостройки. Юрий Сергеевич пригласил меня на новоселье. Приехал и отец Клары – генерал (он тогда командовал каким-то военным округом). Сапоги у него были начищены до блеска, а вокруг – грязь по колено. «Как вы здесь живете?», – спрашивал он. Потом Гусевы развелись, и Клара из Саранска уехала...*

Л.Г. Филатов. *Мне особенно хотелось бы подчеркнуть необыкновенное отношение Бахтина к жене, Елене Александровне. Между ними была глубочайшая внутренняя, духовная связь. Они понимали друг друга без слов – по взгляду, по мимике, по жесту. С его стороны было какое-то высокое отношение к ней. Я думаю, что он не только любил ее, но и был в нее влюблен. Эта сухонькая, маленькая старушка, какой она была для всех, для него была единственной, любимой, желанной... Помню, однажды мы с Юрием Сергеевичем Гусевым пришли к Бахтину в гости. Сидим, разговариваем, а он нет-нет, да и посмотрит на нее: не в тягость ли ей наше общество. Старался сделать это незаметно для нас. Его взгляд, обращенный на нее, был исполнен любви и благодарности. Я думаю, что так писать, как он писал, мог только человек любящий и любимый. Она отвечала ему тем же. Во всем ее существовании было выражение готовности в любую минуту помочь ему во всем. Необыкновенные отношения... Это бросалось в глаза...*

А.И. Журавлева. *«Однажды посреди общего разговора о другом Е<лена> А<лександровна> вдруг спросила его: “Мишенька, а ты помнишь, как ты приезжал ко мне верхом?” Он улыбнулся и кивнул» [7, с. 81].*

**Елена Александровна Бахтина. 1940-е (?) гг.
Личный архив М.М. Бахтина. Публикуется впервые**

В.Б. Естифеева как в устных беседах с нами, так и в своих опубликованных воспоминаниях обращалась к моменту, когда она впервые увидела Елену Александровну. Это было зимой 1946 г.

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «Возвращаясь после лекции домой, я увидела впереди себя М.М. Бахтина. В руке, опиравшейся на костыль, он нес небольшую полотняную сумку с полученным пайком. Хлебные и продуктовые карточки продолжали напоминать о недавнем прошлом. Нам было по пути, и я предложила помочь. Он согласился. Недалеко от кинотеатра “Октябрь” к нам навстречу спешила невысокая худенькая женщина в ветхом пальтишке, платке и литых красных галошках военного времени. Это была Е.А. Бахтина...» [6]. (Как уточняла Валентина Борисовна в своих устных воспоминаниях, на Елене Александровне тогда были серые валенки с красными галошами.)

Чуть позже, когда Валентина Борисовна уже поселилась в одном доме с Бахтиными, она стала свидетельницей этого ежедневного подвижничества: «Перед глазами стоит незабываемая картина: небольшого роста, худенькая женщина в шерстяном платке и ветхом пальтишке медленно поднимается вверх по железной лестнице, в руке у нее ведро с торчащими вверх поленьями, за спиной вязанка дров... Вся тяжесть бытового устройства легла на плечи Елены Александровны... Она редко позволяла помочь и не скрывала досады, если кто-то пытался сделать» [5, с. 131, 132].

Тем не менее, многие соседи, особенно подростки (например, Н.М. Ивановская, сын Н.Ф. Жарковой Юрий (Юрий Федорович Жарков (р. 1938) – физик, работал в МГУ им. Н.П. Огарева) всегда старались ей помочь.

Н.М. Ивановская. *Когда я видела, как Елена Александровна несет дрова или идет за водой, я всегда помогала ей. Елена Александровна, как только могла, скрашивала бытовые стороны жизни Бахтина. Всю свою жизнь эта хрупкая женщина посвятила Михаилу*

Михайловичу. Елена Александровна создавала уют в тех условиях, в которых они оказались волею судьбы.

Н.Ф. Жаркова. Елена Александровна всю жизнь посвятила только своему «Мишеньке», как она его называла. Следила за ним, как за ребенком...

Поначалу, когда Бахтины только поселились в «тюрьме» (при директоре института М.Ю. Юлдашеве), им было предоставлено там две комнаты-камеры – не смежные, в каждую был отдельный вход из коридора. Комнату поменьше, Елена Александровна использовала для хозяйственных нужд. Однако позже, после отъезда Юлдашева из Саранска, их заставили эту комнату освободить, и в нее вселили семью Жарковых.

Н.Ф. Жаркова. Наше соседство с Бахтиными оказалось вынужденным для них, но они на нас не обижались. Отношение у них к нам было самое доброжелательное.

По воспоминаниям соседей, Елена Александровна была очень энергичной, она охотно общалась со всеми жильцами. Но в дом к ней «допущены» были не все (тогда как у Михаила Михайловича посетителей всегда было много). Из всех соседок наиболее тесно она общалась с женой преподавателя физики и астрономии Якова Федотовича Борщина – Евдокией Ивановной, которую соседи называли «монашкой». В свое время она была послушницей женского монастыря. В 1920-х гг. монастырь закрыли, монахинь «разогнали». Ей было некуда идти – родственников у нее не было, и тогда Яков Федотович женился на ней. Это была набожная, тихая, скромная женщина, очень чистоплотная, трудолюбивая, рукодельница. Борщины всегда жили очень бедно. Яков Федотович получал мизерную зарплату – у него не было ученой степени. Бахтины постоянно одалживали им деньги (которые Борщины так и не смогли отдать). Вполне вероятно, что Елену Александровну связывало с Борщиной именно то, что обе были глубоко верующими. Постоянно бывала в доме у Елены Александровны и ближайшая соседка Н.Ф. Жаркова.

Н.Ф. Жаркова. Елена Александровна с Борщиной всегда вместе красили яйца на Пасху и нас, соседок, приучили к этому. Тогда ведь веровать и праздники религиозные отмечать не разрешали, тем более преподавателям вуза. К тому же многие преподаватели были партийными. А мы большие религиозные праздники – Рождество, Пасху – всегда отмечали, только старались, чтобы никто об этом не узнал. Всегда испечем что-нибудь вкусенькое. Борщина и детей моих крестила тайком.

Е.Д. Лапицкий. Я никогда не сомневался в том, что Елена Александровна была глубоко верующим человеком.

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «... нити добрых дружеских отношений связали ее с многими обитателями дома. С ней советовались, делились впечатлениями о делах, происходящих в институте, поверяли свои тайны» [5, с. 129].

А.И. Рябцева. Все в том доме-тюрьме ее уважали, относились с почтением.

Д.И. Глазунов. Это была простая в общении, но при этом весьма оригинальная женщина. О-о-о-чень о-ри-ги-наль-на-я! Особенно для Саранска.

Н.М. Ивановская. Это была замечательная женщина. Только неприличным нам всем казалось то, что она курит... В те годы женщины в Саранске не курили. Это считалось чем-то крайне предосудительным...

Е.Д. Лапицкий. Елена Александровна обычно курила сигареты «Дымок».

Из опубликованных воспоминаний В.Н. Бармичева и В.П. Бармичевой: «Она ведь курила такие сигареточки горлодерные, “Памир” и “Северные”. У нее был маленький мундштучок; после смерти он нам достался, а потом потерялся при переезде» [1, с. 178].

Н.Ф. Жаркова. Елена Александровна была на редкость внимательна к людям. Ее заботливость, доброта проявлялись во всем. И это было очень искренне, от души. Она никогда не забывала о дне моего рождения: всегда испечет торт, принесет, поздравит. Правда, должна сказать, что есть такой торт было невозможно: он был пропитан запахом табака. Она этого не чувствовала, потому что у них в комнате все было прокурено... Но все равно это было так трогательно... Жили мы бедно, отплатить я ничем не могла. Только если по хозяйству помочь: то водички принесу, то еще чего для нее сделаю... В 1956 г. я очень

тяжело заболела – менингитом. Так Елена Александровна не один месяц всю мою домашнюю работу делала: и убирала, и еду готовила для нашей семьи. И потом, когда мы уже в разных домах жили, она, как встретит меня на улице, обязательно о семье расспросит: все ли у нас в порядке, о сыне моем спрашивала: как он, женился или нет.

Н.М. Ивановская. Елена Александровна помогала людям, чем только могла. Всегда придет на выручку в трудную минуту, и всегда ее внимание, ее помощь оказывались как нельзя кстати. Особенно по-доброму Елена Александровна относилась к людям наиболее бедным, наиболее нуждающимся. Помогала им не только деньгами, но и добрым советом, дружеским участием.

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «Бахтины жили очень скромно. Елена Александровна была прекрасной хозяйкой, но всегда избегала лишних затрат. При этом она никогда не отказывала тем, кто просил у нее займы. И вскоре у Бахтиных начали занимать не только соседи, но порой приходили с просьбами люди, едва знакомые с ними» [5, с. 145].

Нелли Михайловна Ивановская со своим будущим мужем Олегом Ивановским дружила с детства. Отец Олега погиб на фронте; мать, преподаватель пединститута, вскоре умерла. Он воспитывался в семье своей тетки по матери – преподавателя института / университета биолога Надежды Петровны Виноградовой и ее мужа – также преподавателя, химика Федора Степановича Стэфкина. Елена Александровна с участием следила за судьбой Олега, за их отношениями с Нелли. С годами, по мере того, как они выросли, взросло и крепло их чувство. Но однажды, когда Нелли училась в выпускном классе, они поссорились и чуть не расстались.

Н.М. Ивановская. Мы помирились с Олегом только благодаря Елене Александровне. Она видела, как мы оба переживаем. Однажды она подзывает меня и начинает говорить, как страдает Олежа, как ему тяжело, какой он замечательный и как он одинок... Я была так расстроена! Оказалось, что она говорила и с Олегом, посоветовала ему первым ко мне подойти – ведь он мужчина! Помню, пришел он ко мне, принес билеты в театр на «Бесприданницу» с Анной Бабахан в главной роли. С тех пор у нас с ним не было никаких размолвок! (Н.М. Ивановская говорила о замечательной актрисе – заслуженной артистке Мордовской АССР (1953) Анне Михайловне Бабахан (Андреевой) (1923–1997), блиставшей в 1950–1955 гг. на сцене Мордовский государственного драматического театра, затем Казанского русского театра (1955–1957) и МХАТ (1957–1978)).

Когда Нелли и Олег спустя некоторое время поженились, почти весь дом был на их свадьбе. Подарок молодоженам – общий, от всех жильцов – выбирала Елена Александровна. Именно она предложила всем соседям сложиться и купить какую-нибудь необходимую, практичную, качественную вещь. Молодоженам подарили теплые верблюжьи одеяла, которые служили им много лет. Бахтины присутствовали на свадьбе. Михаил Михайлович поздравил, сказал очень добрые слова. Но они пробыли недолго: в комнате было тесно, душно, шумно.

Елена Александровна была очень искренней в своем желании сделать окружающих счастливыми. А счастье она видела, прежде всего, в любви и браке, не представляя себе без этого нормальную, полноценную человеческую жизнь. Вероятно, оттого, что сама она была совершенно счастлива в своей любви. Несмотря на все тяготы жизни, она чувствовала себя счастливой, потому что рядом с нею был любимый человек, ее драгоценный «Мишенька», и она хотела такого же счастья для других. У нее было постоянное желание поспособствовать образованию новой счастливой пары, особенно если люди были ей симпатичны.

Бахтины «сосватали» за аспиранта Михаила Михайловича – Юрия Федосеевича Басихина (1930–1988) старшую дочь своих соседей по последней саранской квартире Шепелевых – Лию [см. о ней: 16, с. 95].

А.А. Беляков. Любимый человек у Бахтиных был Юрий Басихин. Они называли его «Юрочка», относились к нему, как к сыну, особенно Елена Александровна. В 1960-х гг. он очень часто приходил к Бахтиным в больницу, когда они там лежали, приносил продукты, которые они просили его купить.

П.С. Рабинович. И сам Бахтин, и Елена Александровна говорили Басихину: «Почему же Вы не женитесь? Вот у нас по соседству живет скромная, серьезная, умная, очень хорошая девушка». Так и поженили их. И не только их одних.

А.М. Шепелева. Юрия Федосеевича Басихина и нашу Лию поженили Бахтины. Им очень нравился Юрий Федосеевич, он в молодости был очень интересен внешне – высокий блондин, обаятельный. Лию они тоже очень любили.

В.Н. Бармичев вспоминал: «Елена Александровна вообще была очень живая, озорная, и смешок у нее – хрипловатый вместе детский... Она любила повеселиться, любила и обустраивать жизнь...» [1, с. 178].

В.Н. Башкиров. Елена Александровна была настолько скромной женщиной, что не оставила в моей памяти каких-либо особых воспоминаний. Мне она показалась суетливой, ворчливой старушкой...

Э.Р. Музаферов. Елена Александровна была умная, образованная женщина. Нет, она не была «тихой и незаметной», она всегда на равных участвовала в беседах Бахтина с посетителями.

Из опубликованных воспоминаний Ю.Д. Рыскина: «Его жена, Елена Александровна – симпатичнейшая женщина, верный спутник жизни, всегда была тут же и принимала живейшее участие в наших разговорах» [21, с. 112].

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «Е.А. Бахтина... умудренная жизненным опытом, глубоко интеллигентная женщина» [5, с. 129].

По воспоминаниям соседей, Елена Александровна, как и Михаил Михайлович, была очень чутка к красоте. У них обоих был тонкий, консервативный эстетический вкус. Они ценили красоту изысканную, неброскую, не кричащую. Не любили всего чересчур яркого, эффектного.

Н.М. Ивановская. Когда мы жили еще в «тюрьме», Елена Александровна, зная, что я люблю рисовать, вышивать, подходит ко мне и говорит: «Пойдем, что я тебе покажу!». Входим к ним, а там на столе стоит черный кувшин и в нем – букет белых хризантем. Это было так красиво! До сих пор в глазах эта картина стоит! А тогда ведь цветов не дарили, как-то не принято было у нас... Только в исключительных случаях. Как оказалось, эти цветы Михаилу Михайловичу подарили студенты...

А.М. Шепелева. Она верила в его большой талант, понимала значительность его личности.

С.И. Сорокина. Она выполняла и роль его секретаря. В преклонном возрасте Бахтину было трудно общаться с большим количеством людей, а посетителей у него с каждым годом все прибавлялось, потому что известность его росла. Она сама решала, кого пустить к нему, а кого и нет. Было ведь немало таких, кто шел с корыстными намерениями, что-то для себя хотел от него получить: чтобы он помог им что-то написать, подсказал, отредактировал... А он был человек безотказный, и многие этим пользовались, не считаясь с его временем и состоянием здоровья... Он всем помогал совершенно бескорыстно... Она была очень остра на язык, порой даже язвительна. Очень тонко и метко давала характеристики людям. Далеко не ко всем одинаково относилась. Кого-то искренне любила, а кого-то и просто терпеть не могла. Меня она очень хорошо всегда встречала. Мне казалось даже, что она с нетерпением меня ждала.

Все соседи утверждали, что Елена Александровна была очень хорошей хозяйкой, в ее доме всегда все было чисто, прибрано. Она замечательно готовила, старалась, чтобы Бахтин хорошо питался. Все продукты покупала для него на рынке, выбирала только самые свежие. Молоко и сметану приносили им домой по ее просьбе деревенские торговки.

П.С. Рабинович. Бывало, в обед она все смотрит в окно, ждет его. На столе – чистая скатерть, кастрюльки теплые. В это время мы старались не заходить к ним, чтобы не мешать.

М.Ф. Жаркова. За ним из института приезжали на лошади. Она его проводит и ждет, когда он вернется... Готовила Елена Александровна превосходно. В нашем доме так

никто готовить не мог. Это она научила всех нас, соседок, печь торты. До этого мы не знали, что такое торт – пекли только пироги. Даже помню, когда Михаила Михайловича положили в больницу, она жила с ним в палате, которую для них выделили. Там она сама готовила для него: варила борщи, супы на плитке. Она не хотела, чтобы он ел еду больничную или питался в сухоматку.

А.М. Шепелева. Она всегда старалась найти для него из еды все лучшее. Всегда выбирала на рынке самое лучшее мясо – говядину нежирную, постную. На десерт подавала сладкое – пирожные, которые или покупала, или пекла. Сама ела отдельно, не с ним. Она ела то, что оставалось после него или отдельно для себя варила картошку.

Е.Д. Лапицкий. Благодаря стараниям Елены Александровны Бахтин питался хорошо. Порой это стоило ей больших трудов. Мы видели, как трудно было выживать этой благородной чете. Жизнь в то время была трудной, с продуктами было плохо. В 1960-х гг. у меня был мотоцикл. Я обнаружил в соседней Пензенской области тихое, неприметное озерцо, где водились гуси, ездил туда за гусятиной. Как правило, привозил трех гусей: одного себе, второго – коменданту общежития, в котором жил, третьего – обязательно Бахтиным. Елена Александровна готовила из гуся прекрасное жаркое.

В.А. Мирская. Елена Александровна была очень радушной и гостеприимной хозяйкой.

Н.Н. Кузовенкова. Елена Александровна была общительная, радушная женщина. Всех гостеприимно встречала. Бахтин тоже всегда радушно встречал любого посетителя. Однажды я пришла к ним, когда они обедали. Меня пригласили к столу, я не отказалась. Помню, ели борщ, на второе – тушеную баранину с рисом, на третье – яблоки с сахаром, подваренные. Такие яблоки ему нравились. Она их часто подавала на стол.

В.М. Забавина. Всегда, даже в самые трудные первые послевоенные годы, когда к Бахтиным приходили студенты, они старались их чем-то угостить. С нами делились и самым большим дефицитом – всегда находился у них для студентов кусочек сахара, который пили тогда с кипятком: чая ни у кого не было.

В.Ф. Кирдяшов. Когда мы, студенты, приходили к Бахтиным, нас встречали как самых дорогих гостей. Даже неловко было, что мы, вот такая мелюзга, пришли к такому человеку, и ему приходится столько времени уделять нам. Бахтины были всегда очень гостеприимны.

А.И. Рябцева. Елена Александровна могла найти общий язык с любым человеком: и с ученым, и с простым рабочим, и с ребенком...

В.А. Маргулис. Елене Александровне приходилось много делать самой. Я, когда был маленьким, в «тюрьме» везде ходил за ней...

П.С. Рабинович. Бахтины были очень привязаны к нашему младшему сыну Володе. Елена Александровна всегда уделяла ему очень много времени. И потом уже, когда мы переехали в новый дом, Володя постоянно у них бывал. Он к ним тянулся, и у них, особенно у Елены Александровны была потребность в общении с ним. Им это было нужно. Бывало, Елена Александровна сама придет к нам за ним: «Ну, пойдем, Володя...». И он с радостью идет. Именно она научила его читать. Первая книга, прочитанная им вместе с ней, была «Остров сокровищ» Стивенсона.

У Владимира Александровича Маргулиса остались смутные детские воспоминания о Бахтиных.

В.А. Маргулис. Помню, что я всегда шел к ним с большим удовольствием. Михаил Михайлович был всегда занят: что-то писал или читал. А Елена Александровна много занималась со мной, учила меня читать. Помню, в «тюрьме» Михаил Михайлович располагался за письменным столом, а мы с Еленой Александровной – там, где кухонный столик.

Елена Александровна Бахтина. 1950-е (?) гг. Личный архив М.М. Бахтина

А.М. Шепелева. *Детей Бахтины любили. Особенно были они привязаны к Володе Маргулису. Елена Александровна учила его читать, очень часто забирала его к себе, оставалась с ним, когда его родители были на работе. Таню нашу они тоже любили. (Татьяна Алексеевна Шепелева (р. 1953) – преподаватель английского языка в МГУ им. Н.П. Огарева). Она хорошо играла на фортепьяно. Елена Александровна восхищалась: «Как замечательно она играет!».*

А.И. Рябцева. *Елена Александровна очень любила детей. Вокруг нее всегда собирались маленькие детки, которых она старалась угостить чем-нибудь вкусненьким...*

В.Б. Естифеева. *Неподалеку от Пушкинского парка жил один мальчик, который хорошо пел и летом часто выступал в летнем театре парка. Он был из бедной семьи, и когда в Саранск приехала на гастроли хоровая капелла имени Свешников, Елена Александровна купила для этого мальчика билет на концерт. Она хотела, чтобы он послушал репертуар. «Вот это настоящее искусство», – говорила она. Помню, ей нравилась песня «Не корите меня, не браните...» в исполнении этой капеллы.*

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «Комнатных животных у Бахтиных не было. Елена Александровна говорила, что не может взять на себя ответственность за живое существо. Но желание иметь их около себя было велико. Оставленная хозяевами соседнего домика собака-дворняжка нашла приют около дверей квартиры Бахтиных, а ее щенка не раз можно было видеть мирно спавшим около письменного стола Михаила Михайловича. Четвероногие друзья сочли своим долгом охранять дверь Бахтиных, и Елене Александровне не раз приходилось улаживать всякого рода конфликты. В этом ей помогали соседи и жильцы дома. Они тоже подкармливали брошенных животных» [5, с. 148].

Н.Ф. Жаркова. *Когда Елена Александровна выходила из дома, ее всегда тут же окружала стая неведомо откуда взявшихся бездомных собак – как будто они ее поджидали. Она всегда находила для них лакомые кусочки. В коридоре «тюрьмы» у каждой двери стоял ящик и на нем – керогаз, на котором жильцы готовили себе еду. У Бахтиных в этом ящике жила собачка. Собака была приبلудная. Выбрала она почему-то именно Бахтиных, и все*

считали ее их собакой. Вероятно, потому, что Елена Александровна вообще любила собак, всегда подкармливала их, вот и эту приветила.

Об «бахтинской собачке» вспоминали также Нелли Михайловна Ивановская и Е.Д. Лапицкий.

Е.Д. Лапицкий. Елена Александровна любила собак. А одна собака прибилась к Бахтиным настолько, что удостоилась чести жить в коридоре, была пригрета ими. Собака провожала Михаила Михайловича на работу, встречала его. Дали ей кличку Верный, но потом оказалось, что она женского пола. Все так поверили, что это пес, что не обратили внимания на некоторую округлость ее форм. А она в один прекрасный день неожиданно для всех ощенилась. Роды пришлось принимать самому Бахтину. Он сам ножницами разрезал пуповину...

В.А. Мирская. Когда они жили в «тюрьме», там каждый шаг отдавался гулом, потому что пол, лестница – все было обито металлом. Михаил Михайлович после обеда отдыхал, а Елена Александровна садилась на стуле у двери в их комнату и охраняла его сон. Если кто-нибудь шумно входил, она говорила: «Пожалуйста, потише, Мишенька спит».

М.Ф. Жаркова. Тяжело было смотреть на Елену Александровну, когда у ее «Мишеньки» начинались боли. Казалось, что и она сама так же тяжело болела – вся съеживалась, собиралась в комочек.

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «Елена Александровна предусматривала, кажется, все, что могло его обеспокоить или повредить его здоровью. В зимние дни она выходила его встречать и осматривала ступеньки лестницы: не плеснул ли кто-нибудь из жильцов случайно воду из ведра, неся ее из близлежащей колонки» [5, с. 131].

А.В. Вулис, побывавший у Бахтина в Малеевке в середине 1960-х гг., вспоминал впоследствии: «Рядом с ним, но почему-то вроде и позади, на втором плане, стояла, взволнованно прижимая сухонькие руки к сердцу, маленькая женщина, как тотчас разъяснилось, жена Бахтина. На лице ее были обозначены растроганность, но и беспокойство: не крадется ли в этот полукочевой дом, прячась за спинами посетителей, беда, та самая, что раньше сочилась в щели, а теперь увидела перед собой зияющий дверной проем. Было в этой женщине нечто от сестры милосердия, дрожащей перед постелью больного» [3, с. 175].

В послевоенные годы – не только в 1940–1950-х, но и в 1960-х гг. люди в Саранске жили, в основном, бедно. Как известно, окно в комнате Бахтина в его последней квартире (Советская, 31) выходило Советскую площадь, по которой каждый год 1 мая и 7 ноября проходили праздничные демонстрации. Михаил Михайлович их никогда не смотрел, а в конце 1960-х гг., он уже и не мог подойти к окну. Елена Александровна вставала у окна, смотрела на демонстрацию и комментировала происходящее.

Н.Г. Куканова. Я помню, она с горечью говорила: «Мишенька, как же плохо, как бедно одеты люди!». А сама она! Даже среди этих людей она выделялась убожеством одежды!

А.И. Рябцева. Запомнилась мне Елена Александровна всегда скромно одетой. По ее внешнему виду невозможно было сказать, что она жена преподавателя института. Все-таки преподаватель вуза в то время в Саранске – это человек значимый, непростой, тем более, если у него есть ученая степень... И тем более, если он заведует кафедрой...

Елена Александровна очень следила за одеждой Михаила Михайловича. Он был одет скромно, но всегда аккуратно: тщательно отглаженный костюм, чистая рубашка, в кармане – белоснежный носовой платок. Ее же собственный гардероб был более чем скромным – убогим. У нее было очень мало вещей.

А.М. Шепелева. Сколько я ее помню, она всегда от осени до весны носила одно и то же очень бедное, поношенное пальто. Поздней осенью и зимой на голове был старый шерстяной платок. Чаще всего она ходила без рукавиц, даже зимой. Дома была одета в халатик, на голове – косыночка из марли... Все платья, которые я видела на ней, были сшиты только из самых простых и дешевых тканей: ситца, штапеля, ни одного не было добротного, дорогого, из шерсти или из шелка. А в те времена очень моден был крепдешин...

С.К. Савинова. Когда я писала под руководством Михаила Михайловича курсовую работу, я приходила к нему домой. Впервые увидев Елену Александровну, я подумала, что это его сестра, или, может, домработница. А до этого я видела ее на рынке, она мне запомнилась, я подумала тогда, что это нищенка.

А.М. Шепелева. Однажды приходит Елена Александровна с рынка и смеется: «Меня сегодня там за нищую приняли». Она выбирает морковь, а ей эту морковь бесплатно дают – Христа ради, как милостыню. Она не возмущалась, не обиделась, за морковь, конечно, заплатила. Рассказывала об этом, добродушно смеясь. Ее это нисколько не задело, не оскорбило.

В.Ф. Кирдяшов. Когда Вика Мирская сообщила нам, что та женщина, которую мы видели у Бахтина дома, – это вовсе не домработница, а его жена, мы были поражены, просто шокированы. Потом в студенческой среде сложилась такая версия их истории: Бахтин – профессор из Петербурга, он происходит из богатой знатной семьи, а Елена Александровна, судя по всему, была в их богатом петербургском доме экономкой или какой-то прислугой. Она без памяти влюбилась в Михаила Михайловича, хорошо изучила все его привычки, могла угадывать все его желания. Поэтому она стала для него совершенно необходимой. Постепенно он к ней привязался и тоже полюбил ее. Так они и поженились.

Э.В. Конюхова. На праздник 8 марта я каждый год дарила Елене Александровне платочек и халатик. Но она ничего из этого не надевала. Она вообще одевалась очень скромно: поношенный халат и беленький марлевый платочек. И вот мы с Ниной Григорьевной Кукановой решили во что бы то ни стало снять с нее старый халат и надеть новый. Нина Григорьевна зацепила халат в самом потертом месте пальцем и разорвала. Елена Александровна была оскорблена таким поступком. Но ей ничего не оставалось, как надеть новый халат – длинный и теплый... Она его потом полюбила и долго не снимала.

А.М. Шепелева. Ее нередко спрашивали, почему она не приоденется. Она всегда отвечала: «Мне этого не надо».

Из опубликованных воспоминаний А.И. Журавлевой: «...Я встречалась с Бахтинскими во время их приезда из Саранска в Москву, когда они жили в доме страхового общества “Россия” на Сретенском бульваре, оттуда мы с Турбиным отвозили их на машине на вокзал... В этот приезд ко мне как-то очень расположилась Елена Александровна, я по ее просьбе делала ей некоторые тряпичные покупки, и она очень им радовалась, совершенно по-детски» [7, с. 78]. (В доме на Сретенском бульваре жил Борис Владимирович Залесский, у которого останавливались Бахтины, приезжая из Саранска в Малеевку [см.: 11, с. 320]).

Из опубликованных воспоминаний В.Б. Естифеевой: «Елена Александровна избегала лишних расходов и все, что могла, делала сама... Свои перегрузки и экономию она объясняла желанием иметь хоть какие-то сбережения, которые поддержат Михаила Михайловича, если она умрет раньше него. При этом она всегда добавляла, что очень боится этого, так как знает, что без нее он останется беспомощным, ему никогда, кроме книг, ничего не было нужно»...» [5, с. 131].

Сумочка Елены Александровны Бахтиной.

Центр М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева

Н.Г. Куканова. *Мы с мужем не раз спрашивали ее, почему она на себе так жестко экономит, не бережет себя, выговаривали ей, что так все-таки нельзя. Она объясняла это так: «Я все равно скоро умру. А кому Мишенька без денег нужен будет? Кто за ним ухаживать будет? Он пропадет». У нее болезнь такая была – вены на ногах закупоривались, смерть могла наступить в любую минуту. Поэтому она деньги откладывала для Михаила Михайловича.*

А.М. Шепелева. *Она всегда беспокоилась: что с Михаилом Михайловичем будет, когда она умрет. В том, что она умрет первой, она не сомневалась. А что с ним будет, кто будет ухаживать за ним? Поэтому она считала, что главная ее задача – скопить побольше денег, чтобы он после ее смерти смог нанять кого-нибудь для ухода за собой. Да, она сэкономила ради него, для него. Экономит на себе. Все деньги она тратила только на него. А он полностью доверял ей ведение хозяйства, все денежные дела, и не спрашивал, куда и сколько она расходует. Тем не менее, она еще и окружающим деньги раздавала – в помощь, в долг (и многие эти долги так и не отдали).*

В романе В.Ф. Егорова этот период жизни Бахтина (ставшего прообразом преподавателя университета Горшкова) и его супруги (получившей имя Ангелины Власьевны) представлен так: «Спутница всей его сознательной жизни Ангелина Власьевна таяла на глазах: лицо осунулось, в молодости красивое и милое, оно стало грубовато-морщинистым, маленьким, и только глаза смотрели по-детски остро и доверчиво, сама Ангелина Власьевна согнулась, напоминая засохшую тростинку, качающуюся от легкого ветра... Горшков... держал ее сухонькие, немощные руки в своих, мозолистых от костылей. Глаза его наполнялись светом. Так же, как и в юности, он был влюблен в свою подругу и не представлял без нее жизни. Вместе с ней он никогда и нигде не чувствовал одиночества» [4, с. 271].

Многие из тех, кто общался с семьей Бахтиных в Саранске, бывали у них и после их отъезда из Мордовии, навещали в доме престарелых в Климовске, в подольской больнице.

В.А. Мирская. *Я была у них в Климовске за два месяца до смерти Елены Александровны. Когда мы прощались, она спросила: «Когда Вы еще к нам приедете, Викочка?» Я ответила: «Скоро, месяца через два». Елена Александровна сказала: «Два месяца, Викочка, это очень долго...». И приблизительно через два месяца ее не стало.*

В связи с критическим состоянием здоровья Елены Александровны Бахтиных перевозят из Климовска в Подольск – в центральную районную больницу (ныне Подольская городская клиническая больница). В народе ее называют земской больницей или земским госпиталем.

А.В. Дialeктова. *Я была в земской больнице в Подольске. Михаил Михайлович очень тревожился за жизнь Елены Александровны. Как выяснилось, сердце у нее держалось буквально на «тоненькой ниточке». Вероятно, ей не давала уйти только любовь к мужу, нежелание оставлять его одного.*

В подольской больнице 14 декабря 1971 г. Елена Александровна скончалась.

Нине Григорьевне Кукановой о ее смерти сообщил Сергей Георгиевич Бочаров. Она сразу же выехала в Москву

Н.Г. Куканова. *Михаил Михайлович говорил: «Она сильно кричала от боли. Потом успокоилась. И ушла. Отлетела, как ангел». После этого он впал как бы в прострацию. Все время спал, совсем ничего не ел. Очень сильно похудел. Когда просыпался, все повторял: «Как ангел отлетела». Доктор за него беспокоился, говорил: «Не спите, Михаил Михайлович, поешьте!» А он был как будто в каком-то другом измерении. (Я теперь понимаю это состояние. Со мной то же самое было после смерти мужа.) Помню, Михаил Михайлович вдруг сказал: «Зачем мне эти три года!» Мне эта фраза показалась странной, но я ее сразу вспомнила, когда он умер – это случилось через три с небольшим года после смерти жены...*

Люди, окружавшие Бахтина после смерти Елены Александровны, констатировали, что это событие для него стало подлинной катастрофой: «...Ее кончина 14 декабря 1971 года была для Михаила Михайловича крушением всего его личного мира, и оставшиеся ему три с небольшим года он, в сущности, не жил, а доживал...», писал В.В. Кожинов [19, с. 191]. Об этом же говорил В.Л. Найдин – врач-нейрореабилитолог, лечивший Бахтина: «...Катастрофа! Умерла жена, спутница, опора, “alter ego”. Нет, конечно, болезни были – бронхиты, эмфизема (курильщик он яростный!), ампутация ноги, костыли... – все преодолел. Социальные катастрофы? И это его не миновало... Наконец, просвет в тучах: как будто налаживается жизнь, только у жены измученное больное сердце. И вот она – катастрофа! Это непереносимо. В ссылке, забытии, нужде – именно она поддерживала, защищала, удерживала, наконец, на плаву. А сейчас, когда что-то наметилось, нормальное жилье, книги, ученики, почитатели – все рухнуло. Это она была тем стержнем, который не давал упасть. Он всегда это знал» [20, с. 190].

Список принятых сокращений:

ГПИ – государственный педагогический институт.

ГУ – государственный университет.

МАССР – Мордовская Автономная Советская Социалистическая республика

МГПИ им. А.И. Полежаева – Мордовский государственный педагогический институт им. А.И. Полежаева (с 1957 г. – Мордовский государственный университет; с 1970 г. – им. Н.П. Огарева).

МГПИ им. М.Е. Евсевьева – Мордовский государственный педагогический институт (с 2020 г. – университет) им. М.Е. Евсевьева.

МГУ им. Н.П. Огарева – Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.

Мордовский ГУ – Мордовский государственный университет (с 1970 г. – им. Н.П. Огарева).

НИИГН – научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Совете Министров РМ.

НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР.

РМ – Республика Мордовия.

1. Бармичев В., Бармичева В. Воспоминания о М.М. Бахтине / *Литературная запись, подготовка текста А.Ю. Сорочана* // Филологи как читатели. Материалы междунар. науч. конф. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2011. С. 173–184.
2. Бахтин М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность, Средние века. (В записи В.А. Мирской); публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В. Ключевой, Л.М. Лисуновой. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1999.
3. Вулис А.З. У Бахтина в Малеевке // Диалог. Карнавал. Хронотоп.. 1993. № 2–3. С. 175–189.

4. *Егоров В.* Камни растут и светят: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 376 с.
5. *Естифеева В.Б.* Воспоминания о Бахтине: Первое десятилетие в Саранске // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 127–151.
6. *Естифеева В.Б.* Мое первое знакомство с Михаилом Михайловичем и Еленой Александровной Бахтиными // Мордовский университет. 1995. № 15, окт. – С. 6.
7. *Журавлева А.И.* М.М. Бахтин (Впечатления) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 2. С. 78–81.
8. *Клюева И.В.* «В каждом из нас он видел человека...»: М.М. Бахтин в восприятии саранских студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 6. С. 62–67. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37094838>
9. *Клюева И.В.* М.М. Бахтин в восприятии его саранских студентов // Бахтинский вестник. 2022. № 2 (8). [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50186056>
10. *Клюева И.В.* М.М. Бахтин и Е.Н. Харламова: скрещенье судеб // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10-1 (37). С. 33–38. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41388414>
11. *Клюева И.В.* М.М. Бахтин между столицей и провинцией: встречи в Малеевке (1963–1966) // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 102–107.
12. *Клюева И.В.* Образ М.М. Бахтина в романе В.Ф. Егорова «Камни растут и светят» // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения. Т. 1. Чебоксары: ООО «Издательский дом “Среда”», 2017. С. 39–43. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30358195&selid=30358374>
13. *Клюева И.В., Лисунова Л.Л.* Центр М.М. Бахтина в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева: характеристика мемориальной коллекции // Бюллетень науки и практики. 2016. № 7 (8). С. 226–237. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26382992>
14. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* «Вы открыли мне... глаза»: история письма саранской студентки к М.М. Бахтину // Бахтинский вестник. 2022. № 2 (8). [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50186057>
15. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* «Нам так хотелось поблагодарить его...»: М.М. Бахтин глазами саранских студентов, слушателей, коллег // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 87–95.
16. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* Аспирант М.М. Бахтина В.А. Гобов (к истории вузовской интеллигенции российской провинции) // Центр и периферия. 2020. № 4. С. 94–105.
17. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск, 2010. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2010. 468 с.
18. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* Саранск, Мордовский университет, М.М. Бахтин в воспоминаниях Э.В. Конюховой // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ». Саранск, 2017. С. 339–349. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30088776&selid=30088845>
19. *Кожин В.В.* Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М.: Военное издательство, 1997. 397 с.
20. *Найдин В.Л.* Вечный двигатель: рассказы врача. М.: РОССПЕН, 2007. 590 с.
21. *Рыскин Ю.Д.* Мои воспоминания о М.М. Бахтине // Бахтин в зеркале критики. М.: ИНИОН, 1995. С. 111–113.

Elena Alexandrovna Bakhtina in the memoirs of Saransk residents

© 2023 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate of Philosophy, Associate professor
of the Department of Culturology and Library Information resources,*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Russia

© 2023 L.M. Lisunova

Lyudmila M. Lisunova, Candidate of Philosophy, Independent researcher,
E-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru

Saransk, Russia

Annotation. The article introduces into scientific circulation oral memoirs about the wife of Mikhail Mikhailovich Bakhtin, Elena Aleksandrovna Bakhtina (nee Okolovich). The people who communicated with her in Saransk in 1945–1969 were interviewed by the authors in the 1980s – 2000s. Fragments of published memoirs of contemporaries about the Bakhtin spouses are also used. The results obtained allow us to clarify some details of Bakhtin's biography, to get a more voluminous idea of his personality. The article continues a series of publications prepared on the basis of the memoirs of residents of Saransk and the Republic of Mordovia about Bakhtin.

Keywords: M.M. Bakhtin, E.A. Bakhtina (Okolovich), Saransk, history of Mordovia, oral memoirs.

1. Barmichev V., Barmicheva V. Vospominaniya o M.M. Bahtine / Literaturnaya zapis', podgotovka teksta A.YU. Sorochana // Filologi kak chitateli. Materialy mezhdunar. nauch. konf. Tver': Izd-vo Mariny Batasovoj, 2011. S. 173–184.
2. Bahtin M.M. Lekcii po istorii zarubezhnoj literatury: Antichnost', Srednie veka. (V zapisi V.A. Mirskoj); publ., podgot. teksta, predisl. i komment. I.V. Klyuevoj, L.M. Lisunovoj. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1999.
3. Vulis A.Z. U Bahtina v Maleevke // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1993. № 2–3. S. 175–189.
4. Egorov V. Kamni rastut i svetyat: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1985. 376 s.
5. Estifeeva V.B. Vospominaniya o Bahtine: Pervoe desyatiletie v Saranske // Dialog. Karnaval. Hronotop. 2000. № 1. S. 127–151.
6. Estifeeva V.B. Moe pervoe znakomstvo s Mihailom Mihajlovichem i Elenoj Aleksandrovnoj Bahtinyami // Mordovskij universitet. 1995. № 15, okt. – S. 6.
7. Zhuravleva A.I. M.M. Bahtin (Vpechatleniya) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1996. № 2. S. 78–81.
8. Klyueva I.V. «V kazhdom iz nas on videl cheloveka...»: M.M. Bahtin v vospriyatii saranskih studentov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2018. T. 20. № 6. S. 62–67. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37094838>
9. Klyueva I.V. M.M. Bahtin v vospriyatii ego saranskih studentov // Bahtinskij vestnik. 2022. № 2 (8). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50186056>
10. Klyueva I.V. M.M. Bahtin i E.N. Harlamova: skreshchen'e sudeb // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2019. № 10-1 (37). S. 33–38. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41388414>
11. Klyueva I.V. M.M. Bahtin mezhdru stolicej i provinciej: vstrechi v Maleevke (1963–1966) // Centr i periferiya. 2015. № 3. S. 102–107.
12. Klyueva I.V. Obraz M.M. Bahtina v romane V.F. Egorova «Kamni rastut i svetyat» // Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova). VII Arsent'evskie chteniya. T. 1. Cheboksary: OOO «Izdatel'skij dom "Sreda"», 2017. S. 39–43. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30358195&selid=30358374>
13. Klyueva I.V., Lisunova L.L. Centr M.M. Bahtina v Mordovskom gosudarstvennom universitete im. N.P. Ogareva: harakteristika memorial'noj kollekcii // Byulleten' nauki i praktiki. 2016. № 7 (8). S. 226–237. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26382992>

14. Klyueva I.V., Lisunova L.M. «Vy otkryli mne... glaza»: istoriya pis'ma saranskoj studentki k M.M. Bahtinu // Bahtinskij vestnik. 2022. № 2 (8). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50186057>
15. Klyueva I.V., Lisunova L.M. «Nam tak hotelos' poblagodarit' ego...»: M.M. Bahtin glazami saranskih studentov, slushatelej, kolleg // Centr i periferiya. 2021. № 3. S. 87–95.
16. Klyueva I.V., Lisunova L.M. Aspirant M.M. Bahtina V.A. Gobov (k istorii vuzovskoj intelligencii rossijskoj provincii) // Centr i periferiya. 2020. № 4. S. 94–105.
17. Klyueva I.V., Lisunova L.M. M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk, 2010. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktyabr'», 2010. 468 s.
18. Klyueva I.V., Lisunova L.M. Saransk, Mordovskij universitet, M.M. Bahtin v vospominaniyah E.V. Konyuhovoj // Problemy metodologii i metodiki monitoringa social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossijskoj Federacii: Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 15-letiyu GКУ RM «NCSEM». Saransk, 2017. S. 339–349. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30088776&selid=30088845>
19. Kozhinov V.V. Sud'ba Rossii: vchera, segodnya, zavtra. M.: Voennoe izdatel'stvo, 1997. 397 s.
20. Najdin V.L. Vechnyj dvigatel': rasskazy vracha. M.: ROSSPEN, 2007. 590 s.
21. Ryskin Yu.D. Moi vospominaniya o M.M. Bahtine // Bahtin v zerkale kritiki. M.: INION, 1995. S. 111–113.

**Полифоничный бахтинский диалог.
(Рецензия на монографию Н.И. Ворониной «Бахтин. Саранск. Бахтин»)¹**

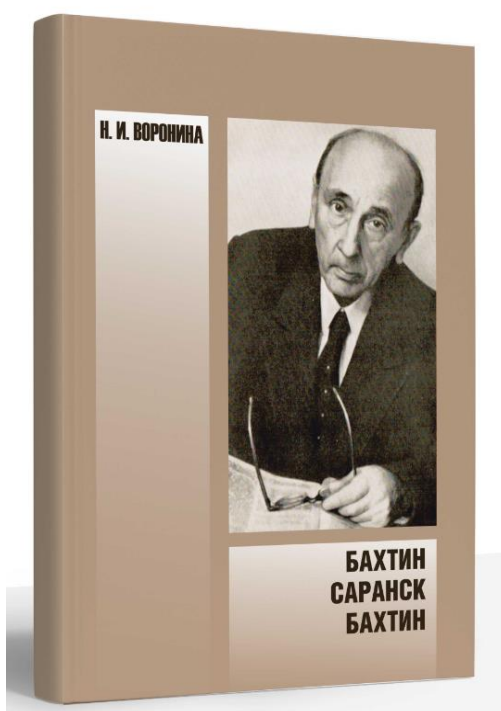
© 2023 И.Л. Сиротина

*Сиротина Ирина Львовна, доктор философских наук,
профессор кафедры дизайна и рекламы
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.
Саранск, Россия

Аннотация. Автор представляет новую монографию профессора Н.И. Ворониной «Бахтин. Саранск. Бахтин» (Саранск, 2023), оценивая полифоничный диалог, который возникает у читателя с главным героем книги, с его временем и, конечно, с городом Саранском, в котором мыслитель прожил четверть века. В книге представлены воспоминания и архивные материалы.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Саранск, хронотоп, диалог, полифония, Центр М.М. Бахтина.

Сегодня общим местом стало утверждение, что современное российское и зарубежное литературоведение не мыслится вне теорий М.М. Бахтина и во многом опирается на его изыскания. Однако его наследие интересно тем, что оно многомерно. Свои права на него могут заявить историки, культурологи, философы, идеологи. У Бахтина есть термин, который хорошо применим к его собственному наследию – незавершенность/незавершаемость. Его работы продолжают развиваться, а его концепции легко адаптируются к разным контекстам. Наследие Бахтина становится энциклопедией идей, методов, подходов. Его жизнь, как и жизнь

¹ Воронина Н.И. Бахтин. Саранск. Бахтин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2023. 156 с.

всякого, кто мыслит нестандартно и живет в эпоху перемен, полна трагизма, но в то же время наполнена высоким содержанием и духовностью.

В биографии Бахтина были сложные и продолжительные периоды, связанные с его опальным положением. Парадокс жизни ученого заключается в том, что именно в эти годы он создал самые глубокие свои труды. Большею частью это произошло в Саранске, где опальный мыслитель вынужден был жить и работать четверть века. Здесь он преподавал, руководил кафедрой, имел свой круг общения. Семья коллеги Бахтина профессора И.Д. Воронина входила в этот круг. Неудивительно поэтому, что к теме Саранска в жизни Бахтина обратилась именно Наталья Ивановна Воронина, в юности лично знавшая ученого, а в 2015 г. возглавившая Центр М.М. Бахтина, открывшийся в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева.

Монография Н.И. Ворониной является итогом многолетней работы, она включает статьи и воспоминания автора, написанные в разные годы. В книгу также вошли воспоминания и архивные материалы Ю.Ф. Басихина, И.Д. Воронина и Г.М. Захаровой (Березиной), впервые публикуемые полностью с комментариями автора. Большой интерес представляют письма М.В. Юдиной к Бахтину, также включенные в монографию. Заинтересованному читателю представлен аутентичный материал об ученом и его семье, соратниках и учителях, о местах, связанных с его жизнью и творчеством, о пережитых событиях.

Автор знакомит читателя с «символическим пространством» Саранска через приметы его столичности и провинциальности, формулирует концепты «город-место», «город-тело», «город-имя», «город-текст», «город-миф», выводя на «саранский хронотоп М.М. Бахтина». Отдельная глава посвящена исследовательским проектам Центра М.М. Бахтина, его международным контактам и научным форумам.

Особо выделим раздел, содержащий проблемное поле исследований Ворониной: авторское прочтение статьи Бахтина «Искусство и ответственность», анализ размышлений И.И. Гарина о Ф.М. Достоевском «в духе и стиле Бахтина», беседы автора с итальянскими бахтиноведами Стефано Гардзонио и Чинцией Кадамьяни, выявление «со-бытийного контекста» жизни двух ученых: М.М. Бахтина и А.Ф. Еремеева. Здесь Воронина проявляется не только как серьезный ученый, но и как человек разносторонних интересов, неравнодушный и внимательный к мельчайшим деталям.

Итожит книгу документальный раздел, в котором собраны дневники, письма, конспекты бахтинских лекций, откомментированные Ворониной. Содержащие эксклюзивный эпистолярный материал «три этюда о дружбе М.М. Бахтина и М.В. Юдиной» читаются на одном дыхании. Дневниковые записи И.Д. Воронина раскрывают человеческие качества и детали последних лет жизни Бахтина. Воспоминания Ю.Ф. Басихина рисуют портрет Бахтина «как учителя и человека». Бережно сохранившая конспекты лекций профессора Г.М. Захарова (Березина) позволяет нам «услышать» Бахтина, проследить канву его эстетических размышлений. Интересно, что автор монографии, выступая комментатором представленных документов, одновременно является персонажем некоторых из них.

Книга Н.И. Ворониной «Бахтин. Саранск. Бахтин» создана в междисциплинарном ключе, она содержит глубокий научный материал, анализ идей и концептов Бахтина, и в то же время стилистически воспринимается как научно-популярное издание, поскольку написана доступным языком. Читать ее легко, чувствуется личная заинтересованность и взволнованность автора. Главная особенность авторского подхода заключается в дуализме ее отношения к описываемому и анализируемому: с одной стороны, внешний беспристрастный взгляд ученого, с другой – взгляд участника событий изнутри. В результате возникает тот самый полифоничный бахтинский диалог читателя с автором, читателя с главным героем книги, с его временем и, конечно, с городом, в котором прошли плодотворные годы жизни М.М. Бахтина и с которым теперь навсегда связано его имя.

Polyphonic Bakhtin dialogue.
(Review of the monograph “Bakhtin. Saransk. Bakhtin” by N.I. Voronina)

© 2023 I.L. Sirotina

*Sirotina Irina L., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Design and Advertising
in N.P. Ogarev Mordovia State University*

E-mail: sirotinail@mail.ru

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russia

Annotation: In the article, the author presents a new monograph by professor N.I. Voronina, evaluating the polyphonic Bakhtin dialogue that the reader has with the main character of the book, with his time and, of course, with the city of Saransk, in which the thinker lived for a quarter of a century. The book presents first published memoirs and archival materials.

Keywords: M.M. Bakhtin, Saransk, Saransk chronotope, heritage, multidimensionality, dialogue, polyphony, M.M. Bakhtin Center.

«Бахтин. Саранск. Бахтин»: рецензия на монографию Н.И. Ворониной¹

© 2023 Л.А. Поелуева

*Поелуева Любовь Александровна, доктор философских наук, профессор
кафедры культурологии и социальной коммуникации
Российской академии народного хозяйства и государственной службы*

E-mail: la_poeluewa@mail.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации. Москва, Россия

Аннотация. В статье отмечается, что отечественная бахтинистика пополнилась ярким оригинальным исследованием. В своей монографии «Бахтин. Саранск. Бахтин» известный российский культуролог, директор научного Центра М.М. Бахтина в Саранске, профессор Н.И. Воронина представляет научному сообществу «хронотоп Бахтина» в символическом пространстве города, в котором выдающийся мыслитель XX века прожил четверть века и который по праву можно считать городом-наследником его идей.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Центр М.М. Бахтина, Саранск, Мордовский университет, Н.И. Воронина, воспоминания, архивные материалы, хронотоп.

В области изучения многогранного творчества М.М. Бахтина сделано уже немало, но монография Н.И. Ворониной «Бахтин. Саранск. Бахтин» занимает здесь особое место. В научных кругах не раз звучала мысль о том, что все тексты и высказывания Бахтина, включая письма, лекции, беседы, должны быть собраны, прокомментированы и осмыслены в их целостности. На решении сверхактуальной научной и гуманитарной задачи по расширению контура идей Бахтина саранского периода и сфокусирована авторская логика – «вписать в интеллектуальную историю России факторы и факты его саранского хронотопа, научной и творческой ауры в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева» (с. 4).

Концепция монографии отражает устремленность автора к воссозданию «все-временности» и знаковости «города Бахтина», включая как годы жизни и работы философа в Саранске, так и длящийся, активно идущий сегодня и устремленный в будущее, «процесс вживания в его смысловые категории, изучение основных гуманитарных идей» (с. 4).

Такая объемная исследовательская оптика создает новые возможности не только понимания, но и в буквальном смысле прочтения уникального наследия Бахтина. В рамки сформулированного дискурса автор помещает «факторы и факты» бытия символического пространства Саранска (раздел «Саранск М.М. Бахтина»), рассматривая город не только как «место» и «имя», но и как «тело», «текст», «миф», высказывая справедливую идею о том, что городу явно не хватает «Бахтинской улицы». Несомненным достоинством данного раздела является концептуальное осмысление такого феномена, как память о Бахтине в Саранске, создающая, по мысли автора, высокую интеллектуальную культуру в городе, притягивающая к себе гуманитариев со всего мира. Память требует и включения непосредственного бахтинского «текста» в исторический контекст современности, что также находит отражение в монографии.

Раздел «Научный Центр М.М. Бахтина в разноголосом мире» посвящен анализу разносторонней деятельности Центра: проектно-просветительской, теоретической, концептуально-философской, организационной.

¹ Воронина Н.И. Бахтин. Саранск. Бахтин. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2023. 156 с.

В разделе «Проблемное пространство исследований» представлено авторское прочтение «жизнесмыслов» Бахтина и авторская философская проекция на жизнь и творчество российских и зарубежных исследователей, сопряженная с широким контекстом бахтиноведения (литературовед Ст. Гардзонио, ученый-физик И.И. Гарин, ученый-философ А.Ф. Еремеев, выдающаяся пианистка М.В. Юдина).

Несомненную ценность представляет раздел «Воспоминания и архивные материалы», который содержит уникальные материалы, публикуемые впервые. Это воспоминания саранского филолога, ученика Бахтина Ю.Ф. Басихина, снабженные комментариями Н.И. Ворониной; замечания Бахтина к книге выдающегося мордовского краеведа-культуролога профессора И.Д. Воронина; дневниковые записи И.Д. Воронина о встрече с Бахтиным в Москве. Отдельную ценность представляет текст лекции Бахтина по эстетике в записи Г.М. Захаровой с комментариями Н.И. Ворониной и преамбулой И.В. Ключевой.

Монографию Н.И. Ворониной «Бахтин. Саранск. Бахтин» отличают уникальная фактографическая насыщенность, глубокая философская рефлексия, стройное и логичное изложение, образность и живость языка, которые в совокупности демонстрируют высокий научный уровень исследования, глубокую погруженность автора не только в проблематику бахтинского творчества в сопряжении с культурными процессами, происходящими в России и в мире, но и в непосредственный контекст жизни Бахтина. Пропущенная автором через сердце, «облученная» любовью к Саранску, книга будет интересна и полезна не только специалистам, интересующимся идеями Бахтина, проблемами истории и философии культуры, но и широкому кругу гуманитарно-ориентированных читателей.

«Bakhtin. Saransk. Bakhtin»: Review of the monograph by N.I. Voronina

© 2023 L.A. Poelueva

*Poelueva Lyubov A., Doctor of Philosophy, Professor
of the Department of Cultural Studies and Social Communication
in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

E-mail: la_poeluewa@mail.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow.
Russia

Annotation. The article notes that the Russian Bakhtin Studies have been replenished with a bright original research. In her monograph «Bakhtin. Saransk. Bakhtin», a well-known Russian culturologist, director of the M.M. Bakhtin Center in Saransk, professor N.I. Voronina presents to the scientific community the «Bakhtin's chronotope» in the symbolic space of the city where the outstanding thinker of the XXth century lived for a quarter of a century and which can rightfully be considered the city-heir of his ideas.

Keywords: M.M. Bakhtin, M.M. Bakhtin Center, Saransk, Mordovia University, N.I. Voronina, memoirs, archival materials, chronotope.